

Полюбите Любовь

*Воспоминания о духовном отце –
архимандрите Иоанне
(Крестьянкине)*

К 10-летию со дня кончины

Свято-Успенский
Псково-Печерский монастырь
2015

УДК 271.22-36(093.3)
ББК 86.372.24-3ю14
И75

*По благословению Высокопреосвященнейшего Евсевия,
митрополита Псковского и Порховского,
Свято-Успенской Псково-Печерской обители
священноархимандрита*

Одобрено Издательским советом Русской православной церкви

Составитель
Т. С. Смирнова

И75 **Полюбите Любовь.
Воспоминания о духовном отце – архимандрите Иоанне (Крестьянкине).**
– Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2015.
– 440 с.
ISBN 978-5-00077-338-3

Эта книга посвящена светлой и радостной памяти незабвенного архимандрита Иоанна (Крестьянкина), старца, наставника многих и многих священников, монахов, мирян, духовного руководителя братии Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Здесь собраны воспоминания духовных чад батюшки. Это люди разных званий — митрополит, священники, монахи, миряне... В жизни каждого из них встреча и общение с отцом Иоанном имели судьбоносное, ключевое значение.

Читая эти воспоминания, мы не только открываем для себя неизвестные ранее страницы жизни архимандрита Иоанна, но и приобщаемся к его духовному опыту, основанием которого является самая искренняя любовь к Богу и человеку.

УДК 271.22-36(093.3)
ББК 86.372.24-3ю14

© Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2015

ISBN 978-5-00077-338-3

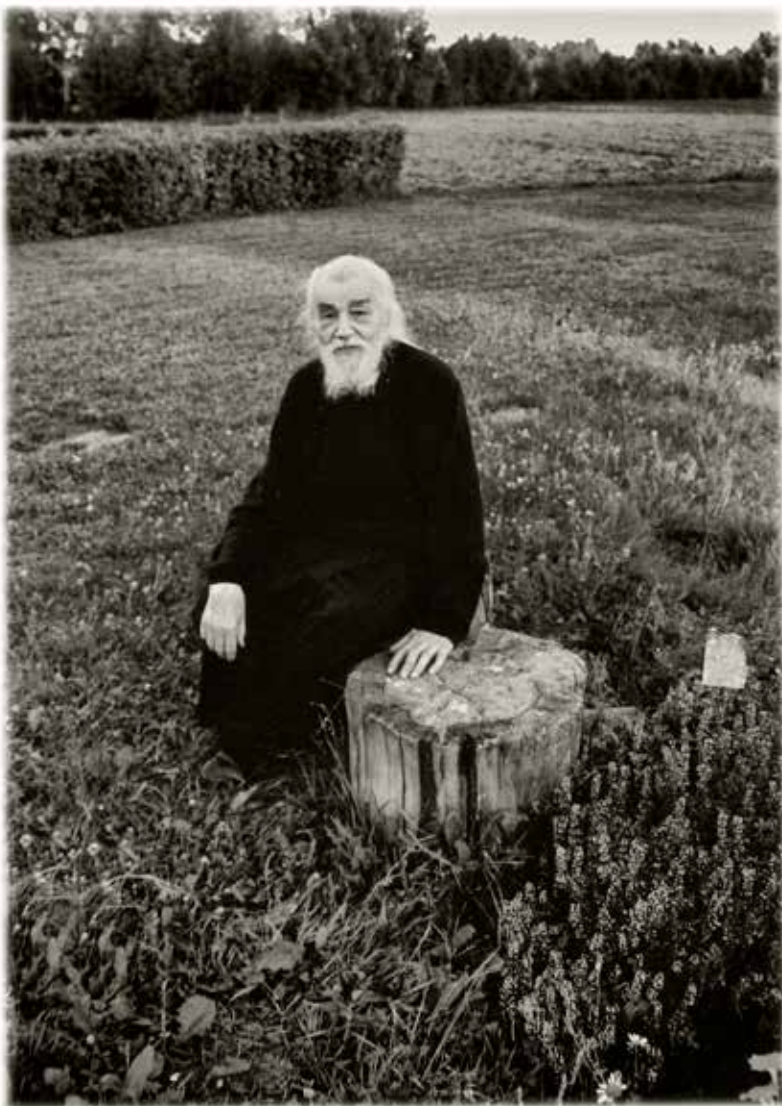
Село Ясаково. 1958 г.

Содержание

Вспоминает митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий (Иванов)	13
Вспоминает протоиерей Михаил Правдолюбов	49
Вспоминает протоиерей Дамиан Круглик	75
Вспоминает матушка Лия Круглик	83
Вспоминает протоиерей Дмитрий Смирнов	99
Вспоминает священник Филипп Филатов	113
Вспоминает диакон Дмитрий Поляков	129
Вспоминает монах Михаил (Усачев)	161

Вспоминает схимонахиня Евстафия	185
Вспоминает Владимир Кабо	201
Вспоминает Николай Симаков	215
Вспоминает Ольга Сокурова	231
Вспоминает Валерий Рыбин	261
Вспоминает Сергий Козлов	295
Вспоминает Лариса Шеховцова	315
Вспоминает Анастасия Горюнова-Борисова	357
Вспоминает Надежда Горюнова	423

От издателей

«Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи» – это утверждение преподобного Серафима Саровского архимандрит Иоанн (Крестьянкин) доказал всей своей многолетней и многотрудной жизнью. Без преувеличения – тысячи людей получили от Батюшки поддержку и руководство на пути ко спасению.

В этой книге собрана малая толика свидетельств о духовном руководстве архимандрита Иоанна. Мы выбрали для публикации воспоминания людей разных званий – митрополит, священники, монахи, миряне, – но в жизни каждого автора встреча и общение с отцом Иоанном имели судьбоносное, ключевое значение.

Уйдя в вечность, архимандрит Иоанн продолжает свое пастырское служение со страниц книг, еще и еще раз доказывая, что Любовь к Богу и человеку – великая добродетель, которую он стяжал в полной мере, неподвластна смерти.

Дай Бог и Вам, дорогой читатель, встретиться с истинной Любовью и почерпнуть духовную пользу на страницах этой книги!

Печоры. 1984 г.

вспоминает
митрополит
Ростовский и Новочеркасский
Меркурий (Иванов)

Говорить о дорогом батюшке и просто и сложно одновременно. Так происходит, когда люди, находясь еще в земной юдоли, становятся причастными к сообществу небесному... С трепетом называю отца Иоанна своим духовником, или духовным руководителем. Такие отношения подразумевают постоянное духовное окормление даже в самых, казалось бы, маловажных вопросах. Все самые значительные ситуации

в моей жизни были решены с его благословения, его молитвами, его добрым пастырским советом. Потому мои воспоминания о батюшке – это несколько памятных историй из жизни. Не будь в ней отца Иоанна – Бог знает, как она сложилась бы...

Первые встречи

Мне было лет четырнадцать, когда я впервые увидел отца Иоанна. Было это в Ольгин день в Псковском Троицком кафедральном соборе. Людей было очень много. Все стояли плотной стеной в ожидании приезда к литургии приснопамятного владыки митрополита Иоанна (Разумова). Что и говорить, любили горячо псковичи «нашего дедушку»! Где-то на более тихо читали часы, и сама атмосфера, наполнявшая собор, была очень напряженной, готовой разразиться ярким и значимым «От восток солнца до запад хваально имя Господне!». Я стоял почти при входе в собор, поближе к устланной ковровой дорожке, чтобы была возможность поближе увидеть владыку.

Вдруг среди стоявших со мной бабушек раздался шепот, который, подобно волне, прокатился по всему храму: «Печорские приехали!...» Кто такие «печорские», было несложно догадаться, зная о близости к Пскову Псково-Печерского монастыря. Сначала прошествовал отец наместник, рядом с ним келейник, архидиакон, а затем как будто пролетело что-то, и возникло трепетное чувство света, теплоты, радости и любви.

Это состояние в душе вызывал небольшого роста священник средних лет, в клобуке и мантии, с седой бородкой, в очках. Голова его была немного поднята вверх, как будто он хотел

разглядеть кого-то в толпе. Он прошел среди людей так стремительно, что мантия была похожа на два несущих его крыла. Быстро благословляя народ, он «возлетел» в святилище, и, казалось, ничего не осталось уже от его вида в памяти, кроме необыкновенной чистоты и свободы в душе, только появилось доселе неизведанное чувство умиротворенности и гармонии.

Потом много раз я видел этого человека – и столь же стремительно ступающего, почти бегущего, старающегося успеть за отлаженным ритмом благовеста монастырской звонницы, и идущего размеренно, несколько устало – походкой степенного летами человека; видел его шествующим, опирающимся на трость. Я видел, как батюшка с трудом поднимался в собор, крепко держась за руку келейника. Он был разным внешне, он по-человечески старел. Но его появление, встреча с ним оставляли всегда то же самое ощущение – ни с чем не сравнимое чувство внутренней чистоты, любви и свободы!

В студенческие годы возможностей бывать в обители у меня прибавилось, а вместе с этим и возможностей видеть старца.

Вот он выходит через боковую дверь Михайловского собора, где его уже ждет солидная группа людей. Они такие разные – мужчины, женщины, старушки, девицы, дети и юноши. Кто-то знает, с кем ждет встречи, кто-то просто слышал об отце Иоанне. В их среде то и дело слышится шепот: «Он же святой... Прозорливец... Он мне всю жизнь изменил...» Мгновение – и батюшка уже спустился с высоких ступеней собора, люди обступают его плотным кольцом, тянут к нему руки, хотят просто прикоснуться к нему – «Святой!». А он просто, с улыбкой, но очень убедительно громко говорит:

– Ну, что вы! Что вы! Вон святой пошел – великой жизни! – и рукой показывает на еще совсем юного иеромонаха.

– Все скорее к нему!

И народ наш, «жадный до святыни», слушая его веление, мчался осаждать иеромонаха, рукоположенного несколько дней назад, а около батюшки оставалась небольшая группка людей, которых он обнимал, благословлял, целовал в голову и снова благословлял. Они ждали именно его и с ним удалялись от собора, провожали до кельи, иногда ждали около нее, а иногда на Святой горке. С ними он говорил, ими он руководил, им открывал волю Божию, но не как Моисей, сходящий с Синая, а как один из них самих – знающий досконально их жизнь и нужды. А если быть точным, то говорил не он, а его любовь к тем, кто в нем нуждался. Он жил для них и ими.

Память сердца

Мне, наблюдавшему эти беседы со стороны, всегда хотелось устремиться за отцом Иоанном. Быть рядом. Просто слушать, что он будет говорить, стоять незамеченным за его спиной или сесть где-нибудь у его ног и молчать. Молчать и слушать. Я был абсолютно уверен в том, что батюшке и так все ведомо, он знает, что говорить, и мои вопросы – это время, отнятое у него, не знающего покоя от тех, кто сотнями и тысячами стремится к старцу, пишет, ждет ответа, ищет своей возможности открыть глубинные миры страдающей души.

В юности мне казалось, что отцу Иоанну будет совсем не до меня. Или, может быть, вопросы моей жизни для него, мудрого и опытного, покажутся нелепыми и смешными. Поэтому я все время откладывал встречу с батюшкой, довольствуясь тем, что могу его видеть. Так продолжалось несколько раз до тех пор, пока один из семинаристов, с которым я приехал на Светлую седмицу в монастырь, буквально не затащил меня для беседы с отцом Иоанном.

Беседа была назначена после вечернего пасхального богослужения на Святой горке. Гудел пасхальный звон. Он наполнял собою всю обитель, крепкие монастырские стены не могли удержать его внутри себя – он вырывался, благовествуя о Воскресшем Спасителе миру, который не хотел принять этой радостной вести, но не в силах был противиться торжествующему победоносному гимну. Пасха была поздняя: деревья начали облачаться в новый зеленый наряд, пахло свежими листочками, по-детски непосредственно щебетали птицы. Солнце клонилось к закату, сияли позолотой кресты и маковки монастырских церквей. Как богатырь в золотом шлеме, над всем возвышался Михайловский собор. Все было таким разным по цвету, звуку, укладу жизни, но слилось в единый земнородный хор, «победную поющую» Великому, Победившему смерть Богу.

Мы так были увлечены дивным видом обители, так им восхищены, что даже не заметили приближение дорогого батюшки. Он был, как всегда, радостным, одетым в простой подрясничек, препоясанный трехструйным монашеским поясом, и в аккуратную, чистую, но «знающую цену жизни» скуфью.

– Как славно! Как замечательно, что вы приехали к нам в обитель в такую дивную пору! – еще издали, простирая к нам свои объятия, восклицал отец Иоанн.

– Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! – все повторял он и, достигнув нас, высоко запел, приглашая подпевать:

– Вои-и-стину воскре-е-се! Вои-и-истину воскре-е-се! Вои-и-стину-у во-оскресе Христос!

И вот мы уже сидим рядом с ним на лавочке, один справа, другой слева. А он обнял нас за плечи и все целует в голову да повторяет:

– Ну, как это замечательно, что вы к нам приехали!

Будто бы это была наша не первая встреча, а сотая, и знал нас батюшка с пеленок, и воспитывал, и учил, да и расстались мы не более как несколько минут назад. Какая легкость!

Потом был разговор о жизненном пути, о том, как правильно определиться человеку, желающему служить Церкви. Мы пытались о чем-то его спросить, даже рассуждать о жизни. А он улыбался, трепал нам волосы, прижимал наши «буйные головы» к своим плечам, целовал в макушки. Руки его были сильными, но трепетными и заботливо-нежными, пожалуй, как у мамы. Трудно найти такие руки, как у мамы, а у него были такие. Да запах розового масла запомнился – очень тонкий, очень церковный.

Говорили долго. Точнее, мы больше слушали. На вопрос о женитьбе или монашестве батюшка, помню, ответил так:

– Что сказать вам на это, други мои?! В юности своей видел я на стене у одного священника картину. Река жизни. На одном берегу мы сейчас, на другом – Царство Божие.

С епископом Зарайским Меркурием. 2003 г.

А река – полноводная, бурная! И каждый хочет через эту реку переправиться. Вон – гляди, батюшка приходской на ладье переправляется. Устал бедный – утрудился. Матушка у него в ладье сидит, детки, а вокруг еще прихожане уцепились за края. Батюшка из сил выбивается – гребет веслами, вспотел, рукава рясы засучил. Тяжело ему, а лодочку-то сносит. А рядом в маленькой лодочке монах плывет. Оди-и-н сидит. Непросто ему, он ее и так повернет, и так приловчится – удачно выходит... Так кому же, други мои, легче переправиться на тот берег? А?..

Безусловно, ответ напрашивался сам собою. Но поскольку мы считали, что до окончательного решения еще очень много времени и воды утечет много, приняли это как доброе пожелание батюшки и радовались тому, что он продолжал с нами сидеть и говорить, говорить...

Пройдет много лет, я уже буду епископом. Вновь приеду к отцу Иоанну. Встану на колени, как малое дитя, перед креслицем, в котором он сидит, и вспомню ту Пасху, Святую горку и наш разговор:

– Батюшка! Какими мы были дурными! Сидели с Вами часами, слушали Вас. Вы столько сил отдали нам. А у нас – «в одно ухо влетало, а из другого вылетало»...

Батюшка глубоко-глубоко заглянул мне в глаза и сложенными в троеперстие пальцами правой руки постучал в грудь – там, где сердце:

– А здесь-то? Здесь-то что?

– Здесь – все запомнилось, но только без слов. Здесь все осталось, – ответил я.

– Во-о-т! Это и есть самое главное. Это – память сердца.

Господь Сам все управит

В годы студенчества, как я уже говорил, у меня было больше возможностей приезжать в Печоры. Правящим архиереем Псковской епархии тогда был архиепископ Владимир (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский), я частенько приезжал в Псков, исполняя иподиаконское послушание. Владыка часто служил в монастыре, и мы, сопровождая его, ездили в обитель.

К тому времени у меня все более формировался интерес к монашеству. Я боялся делиться с кем-либо своими мыслями на этот счет, и не только из-за того, что даже среди близких может возникнуть непонимание, сколь от того, что считал свои мысли еще недостаточно сложившимися (было мне тогда неполных 22 года). А вдруг меня только монашеские одежды привлекают? Чтобы разобраться в себе, стал читать Отечник, Добротолюбие, Авву Дорофея, Патерики. Чем больше я читал, тем больше у меня крепла мысль, что это мой путь и обязательно с чего-то нужно уже начинать – испытать себя в монашеской жизни. Прекрасно понимая, что сейчас это совершенно невозможно для меня в обители, я решил спросить отца Иоанна:

– Что такое монашество в миру?

Сам я интуитивно понимал, что эта форма монашеского служения не совсем приемлема и применяется только в исключительных случаях. А может быть, для меня она и возможна: буду скрывать под белым халатом парамант и исполнять послушание, как это делали многие в советское время... Набравшись храбрости, я решил подойти к батюшке с этим вопросом. Нужно только выбрать время.

Приезд в обитель архиерея, а соответственно и мой, состоялся в Михайлов день, 21 ноября по новому стилю. Сопреженная с праздником суета передавалась всем. Да и у батюшки чад прибавилось. И вот, улучив момент на запричастном, в алтаре Михайловского собора я обратился к нему с этим вопросом. Сказал, что решение созрело, и, хотя необходимо закончить светское образование, я просил бы благословить мне принять рясофор.

Отец Иоанн очень внимательно меня выслушал, сказал о том, что не может сразу ответить на мой вопрос и даст ответ несколько позднее.

– Нужно помолиться, – добавил Старец.

Только позднее я понял, кого в большей степени касались эти слова. Времени для разговора больше не было. Ответ был кратким и, как мне показалось, достаточно холодным. В сердце тут же поселилась неуверенность: «А может, и не стоило спрашивать? А может, и не нужно было подходить?» Бесовский дух сомнения сразу же овладевает человеком, стоит только ему позволить себе хоть на мгновение заменить веру рациональным подходом к вопросам жизни духовной. Я не был здесь исключением. Что творилось в моем сердце – знает только Господь. Казалось, что все рушится в моей жизни, что все, к чему стремлюсь, неверно, и как дальше жить мне, неизвестно – впереди пустота. А батюшка как бы и не замечал моего состояния. Он уделял время приехавшим издалека чадам, беседовал со священниками, с владыкой, раздавал из своего «поминального мешочка» маленькие просфорочки в благословение, одаривал всех любовью...

До братской трапезы времени оставалось мало, а после нее мы должны были уезжать, и вернуться к разговору с отцом Иоанном уже не было возможности. И вот тогда ко мне вернулась вера, и я возопил к Небу:

– Матерь Божия! Я ведь в Твоей обители, в Твоем уделе и прошу Тебя через старца благословения не для красования в одеждах, а для спасения. Мне не понести будет тягот мирской жизни, а в монашеской Ты будешь мне опорой. Тебе доверяюсь – помоги!

Внутри все мгновенно успокоилось – краткая, но исходящая из глубин сердечных молитва явила свое чудесное действие. Внутри воцарились мир и уверенность. Абсолютная уверенность в том, что Матерь Божия не оставит Своим предстательством, привела меня в должное расположение духа.

Погода была осенняя, хмурая. Монастырские деревья потеряли свой летний наряд и стояли понурыми и обреченными. Только зеленые ели на монастырских клумбах, не унывая, напоминали о вечном и от порывов осеннего ветра небрежно стряхивали капли дождя с ветвей, окропляя все вокруг. Праздничный колокольный звон входил в диссонанс с погодой. Братия шла на трапезу стройными рядами, начав в храме совершение Чина о Панагии. Они спускались по лестнице, по дорожкам, вымощенным булыжником и присыпанным сверху песком, влажным от дождя. Звук ударяющих о брусчатку сапог как бы подчеркивал то, что идет воинство. Длинные черные рясы и мантии касались сырого песка и оставляли его на себе.

«Интересно, почему у них такое небрежение к одежде, – подумал я, – жалко ведь, испортится». И, вспомнив о том, что

мое желание рясофора не связывается с красивой одеждой, одернул себя: «Не в одеждах же дело...»

Батюшка тоже был на трапезе. После нее, по уставу, все подходили под благословение к владыке. Подошел и отец Иоанн и удалился к себе в келью. Иподиаконы подходили после братии. Шел уже четвертый час вечера – нужно уезжать. «Так и не удалось еще раз поговорить с батюшкой», – подытожил я. Буквально через несколько мгновений после этой мысли один из братии одернул меня за рукав:

– Отец Иоанн благословил Вам прийти к нему в пять часов, перед всенощной.

– Мне?

– Да, Вам. Ему Вам нужно что-то сказать.

Сколь долго для меня тянулось это время до пяти часов – вечность! С каким трепетом я приближался к его келье! Келейница ответила, что батюшка с кем-то еще беседует, и просила немного подождать. Прошло около получаса. Посетитель вышел. В проеме дверей показался, как всегда радостный, немного уставший батюшка.

– Други мои! Времени мало, а сказать нужно много – скоро всенощное бдение. Ну, самое главное: мысли твои правильные и все в свое время. Я вот собрал тут тебе пакетик – по пути домой посмотришь...

Раздался первый удар колокола ко всенощной, затем другой, третий...

– Ой, ой! Пора идти, – заспешил батюшка, – ну, ты поезжай – Господь Сам все управит!

С этими словами, благословением и маленьким пакетиком отпустил меня батюшка. На сердце было снова спокойно

и радостно. Казалось, что благовест дразнил хмурую погоду, как бы говоря ей о том, что она – земная и не может спорить с радостью небесной.

Устроившись поудобнее на сиденье в автобусе Печоры – Псков, с нетерпением развернул пакетик. Там – маленькая брошюрка, переписанная от руки, – послушническое правило «сотицы», простенькие черные четки, иконочка Божией Матери «Скоропослушница» и, как всегда, немного сладостей.

Так, под праздник в честь иконы «Скоропослушницы» отец Иоанн преподал мне несколько уроков духовной жизни. Я получил от него благословение на выбор жизненного пути. Вспомнил при этом рассказ моей крестной о том, что в течение всей своей жизни, утром и вечером, совершала она за меня перед этим образом земной поклон с простой молитвой: «Матерь Божия! Наставь крестника моего на путь спасения!»

Получил я и урок веры, и опыт все преодолевающей молитвы. Как тут не вспомнить ирмос Великого канона св. Андрея Критского: «Возопих всем сердцем моим к щедрому Богу, и услыша мя от ада преисподняго, и возведе от тли живот мой». И наконец, замечательное правило преподал мне батюшка на всю жизнь – Господь Сам все управит!

Верую, Господи, и исповедую

Прошло несколько лет с того момента, как было получено благословение на послушничество. Для меня это было очень важным событием в жизни. В сердце опытно укоренилось поня-

тие того, что Господь реально присутствует в моей жизни, и не просто «наблюдает», а ведет меня по ней Своею незримою рукою. Только нужна несомненная вера и абсолютное доверие Ему.

Просто сказать или написать: «Не сомневайся в вере и абсолютно доверяй Богу». Но за этими словами стоит огромная напряженная борьба с самим собой, преодоление внутренних противоречий, укоренение в том, что в жизни духовной нельзя руководствоваться привычными для нас критериями «мира сего». Осознание всего этого – трудный и радостный процесс. Подходило к окончанию обучение в институте, и все чаще возникал вопрос о дальнейшем определении. Безусловно, невозможно было и помыслить себя вне Церкви и священнослужения. Но была и другая реальность – сделать это сразу после окончания института в СССР в середине 80-х годов будет невозможно. Все опять решилось чудесным образом, и опять с благословения батюшки.

Предыстория такова. В начале 1988 года у меня случилась возможность посетить Калининград. Настоятель тамошнего кафедрального собора после нашего с ним долгого разговора, более похожего с моей стороны на исповедь, предложил, согласовав вопрос с правящим архиереем, совершить мой постриг в мантию. Предложение было совершенно неожиданным.

Принять постриг – желание всей жизни, но ведь еще не закончен институт. А как же работа по распределению в течение трех лет? И что будет дальше? Эти и множество других вопросов не давали покоя. Разрешить их мог только тот человек, молитве и благословению которого я доверял безгранично. Ответив настоятелю собора, что должен испросить на это благословение отца Иоанна, я уехал в Ленинград, с тем

чтобы при первой возможности отправиться к нему в Печоры.

Эта возможность появилась на Сретение Господне. Ехать от Ленинграда до Пскова на скором поезде четыре с половиной часа. Плацкартный вагон был полупустым. В двух или трех купе ехали степенные пожилые люди, вели тихую беседу. Ранние сумерки заволокли все за окном, лишь изредка на переездах огни фонарей выхватывали из этой морозной тьмы кусочек, радуя взгляд блесками недавно выпавшего снега. Было морозно и пустынно.

В душе было все как за окном. То проблеснет мысль – «без воли Божией ничего не происходит!», то – «от решения этого вопроса зависит вся будущая жизнь, и надо сто раз подумать», то мысль о родителях – «а смогут ли они принять этот мой выбор или отношения будут окончательно испорчены?». Полное смятение усугубляло еще и то, что поделиться своими переживаниями было не с кем. Напомнив себе о том, что не мне разрешать эти вопросы, а благословению старца, я попытался успокоиться. Не тут-то было! Помыслы роились, как пчелы в улье: «Вот ты уже решился, а если старец скажет “нет”?», «Придется тебе искать невесту после твоего послушничества», «Ишь ты, в монахи захотел – рановато еще». Единственным спасением в этом пути стал для меня дневник святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, который я взял с собой в дорогу.

В полном духовном смятении открыл его на первой попавшейся странице и прочитал всего несколько строк, которых мне хватило, чтобы побороть все сомнения и помыслы одновременно: «Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение: оно болез-

ненно томится и стесняется от сомнения. Не прогневай же Вседержавного Бога ни тению сомнения, особенно ты, испытанный на себе Божие всемогущество многое множество раз. Сомнение – хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа истины. Бойся его, как ядовитой змеи, или нет, – что я говорю, пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: “Веруеши ли, яко могу сие сотворити?” Да, ты должен из глубины сердца ответить: “Верую, Господи!” [ср. Мф. 9, 28] И тогда будет по вере твоей».

«Верую, Господи! Верую!» – подумал я, закрыв книгу.

С этим «верую» я и приехал на архиерейскую службу в Печоры. Служили в Михайловском соборе, в Сретенском храме был ремонт. Перед началом службы подошел к отцу Иоанну и попросил его уделить мне несколько минут для разговора.

Надо сказать, что просить благословение на постриг, находясь в миру, будучи иподиаконом архиепископа Владимира, было достаточно рискованно. Дело в том, что владыка твердо придерживался правила – монах должен жить в монастыре, и потому им пресекались всяческие попытки решить этот вопрос каким-либо иным образом.

И вот, после принятия Святых Тайн, батюшка позвал меня выйти из алтаря на клирос. Кто бывал в Михайловском соборе в Печорах, тот знает, что клиросы соприкасаются с ротондой – иконостасом, и совсем недалеко от диаконских дверей в алтаре собора находится архиерейское кресло. Рассказываю об этом к тому, что все, что происходит на клиросах, слышно в алтаре.

Батюшка присел на низенькую скамеечку буквально у диаконских дверей. Я опустился перед ним на колени и, чтобы никто не слышал, начал излагать ему суть своего вопроса почти шепотом, «на ухо». То ли я говорил сбивчиво, то ли излагал достаточно долго, но чувствовалось, что батюшка хочет от меня чего-то другого. В конце моего повествования батюшка взял меня за руку и требовательно спросил:

– Вам что, предлагают постриг в мантию?

– Да.

– Так что Вы хотите?! – спросил он и посмотрел мне в глаза так, будто достиг самых глубин моей души.

Я же, пытаюсь отвечать тихо, чтобы не привлекать чьего-либо внимания, ответил:

– Батюшка! Я хочу быть монахом.

– Что-что?! Не слышу! Повторите.

– Батюшка! Я хочу быть монахом, – сказал я уже громче и тверже. Мне показалось, что вокруг все умолкло.

– Не слышу! Повторите громче! – твердым и повелительным тоном произнес отец Иоанн. При этом он как-то выпрямился, расправил плечи. Напряжение чувствовалось во всех его жестах и движениях. Было чувство, что он беседует не с молодым послушником на темы его духовной жизни, а торжественно принимает присягу.

– Батюшка! – стараясь вторить его твердости и столь же громко произнес я. – Я хочу быть монахом!

Вокруг все оглянулись от этих почти выкрикнутых слов. Мне показалось, что их слышали не только священники, стоявшие рядом, а весь собор.

Что теперь будет?! Всё. Я пропал. Закрыв глаза. Пауза была

Светлая седмица. 1979 г.

мгновением, затянувшимся в моем представлении на минуты. Открыв глаза – увидел стоящего передо мной старца, он весь буквально светился, какая-то особенная радость переполняла его. Он поднял вверх руки и ими двумя осенил меня крестным знамением.

– Бог Всемогущий и Всеблагий да благословит Вас на это делание!!!

Еще дважды осенив меня крестным знамением, как всегда, по-отечески поцеловал в голову.

– Так как мне сейчас быть, батюшка? Когда поехать?..

Эти вопросы были столь малозначимы и неуместны после

С регентом монастырского хора. 1980 г.

«присяги», что просто пропали в окружающем.

– Жди. Господь Сам все управит!

И действительно, управил. Чудесным образом все необходимое для пострига было приготовлено в Лавре преподобного Сергия, чудесным образом у меня появилась возможность снова поехать в Калининград.

И не менее чудесным образом утром в Неделю Крестопоклонную перед Царскими вратами с крестом и свечой в руке стоял уже монах Меркурий.

Вот еще один урок духовной жизни отца Иоанна – верую, Господи, и исповедую.

Он ждал меня

Многое изменилось с той поры. Я стал священником. Десять лет служил в Калининграде и области. Затем Господь призвал к епископскому служению, и надлежало отправиться в далекую Америку, о которой я практически ничего не знал.

Только многотомник сможет вместить все сложности, с которыми пришлось встретиться вдали от России. Это и совершенно отличное от российского отношение к Церкви и православию, это и другое восприятие жизни и мира, это и другой язык – все иное. В дополнение ко всему необходимость в кратчайший срок провести реставрацию Патриаршего собора, в котором никогда за сто лет существования не было капитального ремонта. Все это требовало огромных сил и огромных средств. Не обошлось и без «доброжелателей», кои ради спасения нашего посылаются Господом приумножать скорби жизни. В этот период Господь спасал меня полной мерою. Чувствовалось, что силы уже на исходе. Внутри стало темно, пусто и холодно, как в могильном склепе. Единственное, что позволяло не утратить жизненных сил, – это служение Божественной Литургии, после совершения которой наступало настоящее воскресение.

В это время один из священников, отправлявшихся в Россию, поведал мне, что собирается поехать в Печоры к отцу Иоанну. В ответ на его слова у меня что-то встрепенулось в душе.

– Поклонись за меня батюшке. Скажи, что один недостойный епископ, если он помнит еще меня, очень просит молитв.

Комок подошел к горлу, когда я произнес эти слова. Как я мог позволить забыть за всеми делами, заботами, словом, за

всей суетой о том, что есть батюшка Иоанн, что он молится за меня, что он ждет. Что-то произошло в этот момент, казалось, еще немного – и в этом порыве брошусь в сторону Печор, буду бежать до изнеможения, упаду, поднимусь и снова буду бежать к отцу Иоанну. Бежать с одной лишь только целью – упасть ему в ноги с просьбой о молитве. Мне показалось, что он ждет меня. Да, я был в этом абсолютно уверен. Отправлявшийся в Россию священник подтвердил мои мысли.

– Вы же скоро сами будете в России, владыко, спланируйте себе один день на посещение Печор. Вот и с отцом Иоанном повидаетесь, и молитв попросите...

Решение было принято. Как я ждал этого дня, когда ранним февральским утром поезд остановится у станции Псков, и до Печор остается всего несколько десятков километров. На перроне меня встречали родители с надеждой на то, что этот неожиданно выдавшийся день мы сможем побыть вместе дома. Хорошо, что смог найти денек. Поедем домой – отдохнешь немного.

Нет. Отдых потом, а сейчас едем в Печоры. Побудем в обители, а потом заедем домой.

Странно, ведь обычно всякое мое желание побывать где-либо, кроме родительского дома, во время краткосрочного отпуска вызывает у родителей понятное неудовольствие, но, видимо, мой вид был таким, что возражений не последовало, и мы отправились в обитель.

Был будничным день. Только что закончился братский молебен. Тишина и покой разлились по обители. Под ногами похрустывал снег, и от этого отчетливо слышен был каждый шаг. Ели, покрытые инеем, переливались в первых всполо-

хах восходящего солнца и казались очень торжественными, боящимися растерять свою хрупкую красоту от любого неловкого движения или шума. Восход был замечательным! Красное солнце высвечивало Михайловский собор, играло всполохами в его золотом куполе и белизне стен и, отражаясь от них, достигало глубин монастырского оврага. Казалось, что монастырское старое забытое «било» у Благовещенской церкви совершенно озябло и еще больше выгнулось от стужи. Утренняя красота зимней обители радовала глаз, но душе хотелось тепла и уюта.

Литургия совершалась в Сретенском храме. Людей было не так много. Вошли в храм. Стало очень уютно, и не оттого, что было тепло. Это была особая теплота, которую называют «теплотой веры». Стены храма хранят эту теплоту веками и пополняют в себе, как в драгоценном сосуде, щедро раздавая ее оскудевшим. Сама собою прошла дорожная усталость.

Любезное попечение отца наместника совершенно уверило меня в том, что в этих стенах я у себя дома. После завтрака я сообщил отцу Тихону о своем желании побывать у отца Иоанна и причинах, побудивших к этому.

– Владыко! Батюшка чувствует себя неважно. Мы, конечно, сообщим ему о том, что Вы приехали и хотите посетить его, но сможет ли он Вас принять – зависит от состояния его здоровья. Ведь у старцев свой распорядок, и мы не смеем его нарушать.

Было начало десятого утра. С отцом Тихоном мы подошли к батюшкиной келье. Постучали с молитвой. Открыла келейница отца Иоанна. Наместник зашел в переднюю. Обмолвившись несколькими словами с келейницей, вышел

и сообщил, что батюшка плохо себя чувствует, ему ставят капельницу, и принять меня он, вероятнее всего, не сможет.

«Не может такого быть!» – подумал я. Сердцем же чувствовал, что он ждет. Нет! Это просто искушение. И тут же вспомнил батюшкины слова: «Не унывай – Господь Сам все управит!»

Ничего не сказав отцу наместнику о том, что творится у меня в душе, я вместе с родителями отправился осматривать монастырь, поклониться его святыням. Благо, что и для них, не очень часто бывающих в обители, от этого польза была великая. Затем последовал обед, и пришло время покидать обитель.

– Отец Тихон! – обратился я к наместнику. – У меня к Вам огромная просьба. Давайте еще раз пойдем к отцу Иоанну. Я все понимаю – здоровье батюшки неможное. Помолимся и постучим. Если старец не сможет меня принять – тогда... тогда еще одна просьба. Оставьте меня одного у дверей его кельи. Я там постою и у дверей старца скажу все, что должен был бы ему сказать. Он и так услышит и помолится. Мне станет легче.

Совершенно уверив себя в том, что именно так все и будет, мы отправились в корпус, где живет отец Иоанн. Мысленно я уже стоял в пустом коридоре корпуса на коленях у кельи старца. В сердце определилось словесно то, что хотел сказать.

– Господи! Только бы никто по коридору не ходил! – молился я.

Отец наместник снова постучал и вдруг из-за двери услышал голос келейницы:

– Батюшка примет владыку. Он его ждет!

Не знаю, что произошло в этот миг! Отворилась дверь передней и сразу же дверь кельи. В полутемный коридор корпуса ворвался свет из кельи старца. И в этом свете в проеме

двери весь в белом стоял отец Иоанн, он руками опирался о косяки дверей, но казалось, что из этого света он простирает объятия. Свет был такой сильный, что невозможно было смотреть. Из оцепенения, в котором я пребывал несколько мгновений, меня вывел знакомый голос батюшки:

– Дорогой владыко! Как хорошо, что Вы приехали!

Начисто забыв о предупреждении отца наместника быть недолго и стараться не тревожить батюшку излишне, я упал ему в ноги.

– Благословите меня, дорогой батюшка!

– Нет! Это Вы меня благословите, владыко! – И старец тоже упал на колени.

– Нет! Это Вы меня благословите, батюшка. Вы – старец. Я к Вам приехал за благословением!

– Нет! Вы меня благословите. Вы – епископ, а я недостойный архимандрит!

– Батюшка! Вы монах, смиритесь и благословите меня не как епископа, а как самое недостойное Ваше чадо!

– Бог Всемогущий и Всеведущий да благословит Вас Своею щедрою десницею! – высоко и торжественно произнес отец Иоанн, обхватил мою голову обеими руками и, как всегда, поцеловал в лоб.

Пока длился этот диалог на коленях, отец наместник и келейница были в полном замешательстве и не знали, кого поднимать – старца или архиерея... Мы вошли в келью батюшки. Он повернулся ко мне и почти повелительным тоном произнес:

– А теперь и Вы, владыко, благословите мою келью!

– Благословение Божие да пребывает неотступно на месте сем и на Вас! – произнес я и осенил келью обеими руками.

В ответ раздалось глубоко взволнованное, немного высокое, спетое из глубины сердца:

– Ис полла эти деспота!!!

Так спеть может только батюшка. Он всегда будет петь так же при наших новых встречах, отчего я заметил:

– Батюшка! Вы – самый лучший и самый дорогой исполатчик при моем епископском служении.

Дальше был недолгий разговор. Я попытался изложить все, что было у меня на сердце. Отец Иоанн крепко сжал мою руку, второй обхватил за шею, склонил голову и на ухо произнес:

– Не стоит много говорить об этом. Я все знаю. Давайте помолимся.

Он повернулся к иконам, висевшим в красном углу, оперся на стоявший под ними аналой с крестом и Евангелием, осенил себя медленно и истово крестным знамением и торжественно произнес:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь!

И далее стал читать молитвы обычного начала – с «Царю Небесный» по «Отче наш». Никто и никогда не читал так при мне молитвы, как он. Это было необыкновенное чтение, это была беседа с Богом. То батюшка умилительно просил, то благоговейно и настойчиво требовал, то убеждал Его в необходимости. Происходило нечто особенное – это было Таинство молитвы.

Я смотрел то на отца Иоанна, то на образа и видел, что телесно он пребывает здесь, но духом предстоит там, у Престола Божия. Стены кельи не могли удержать ни его пламенеющего духа, ни его молитвы.

– А сейчас, уж простите меня, убогого, дорогой владыко, я помажу Вас освященным в стенах нашей обители елеем.

Батюшка достал маленький флакончик благовонного масла, опираясь на мою руку второй, начертал от края до края моего чела крест.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Аминь.

И далее так же глаза, уши, уста, руки.

– Откройте сердце! – Я расстегнул ворот подрясника и рубашки, отодвинул параман, открыв область груди, где располагается сердце. – Здесь надо особо, – заметил отец Иоанн и начертал крест трижды.

Я стоял, ничего не понимая. Чувство было такое, что из меня через стопы стал вытекать свинец, наполнявший меня до сих пор. Появилась возможность двигаться, дышать, прояснились мысли – все внутри ожило, возвратилось к жизни.

После этого еще несколько минут мы целовали друг другу руки: я – с благодарностью и сыновней любовью исцелившие меня руки старца, а он – по глубочайшему своему смирению руки молодого епископа. От переполнявших меня чувств я как-то нелепо попрощался и направился к двери.

– Пойдите, пойдите! – окликнул меня батюшка. – Как же Вы уйдете без утешения?!

Я обернулся и увидел сияющего любовью дедушку Иоанна, которой протягивал мне коробку шоколадных конфет «Золотые купола».

– А это – обязательно. Непременно усладите жизнь!

Когда я сел в машину, мама спросила:

– Владыка, что случилось? Ты весь другой. Прямо светишься.

– Я был у отца Иоанна – он ждал меня.

Слышу и молюсь

Отец Иоанн обладал удивительным даром любви к людям. Даже тогда, когда он казался суровым и требовательным, заставляя чад своих задуматься о смысле происходящего в их духовной жизни. Но стоит только человеку вспомнить о Боге, обратиться к Богу, начать трудиться, исправляя свои ошибки, батюшка менялся. Он весь становился светом, дающим возможность душе в греховных сумерках жизни не потерять правильного пути. Он весь был теплотой любви, своим обаянием и многолетним пастырским опытом возвращающий любую добрую поросль мысли. Он – как мудрый и терпеливый отец, ожидающий до последнего мгновения возвращения отступившего чада.

Вся жизнь его, все служение его – ожидание чад, вверенных Господом его попечению, для того, чтобы им отдать всего себя, чтобы, увидев их на пороге своей кельи, всплеснуть руками в порыве духовного восторга и с умилением, только ему свойственным, воскликнуть: «Слава Богу! Как хорошо, что Вы пришли!»

От этих слов забывается все ненужное, мелочное, суетное. Сердце, подобно растению, раскрывается под лучистым взором его глаз, чтобы как можно больше вместить этой возрождающей к жизни, исходящей от него благодатной силы.

Так происходило всегда, когда случалась счастливая возможность встать на порог его кельи.

Когда же нет уже личных встреч, есть возможность беседовать со старцем, обращаясь к его письменному наследию: слушать его наставления, вчитываясь в его проповеди, каяться в своих грехах – перечитывая «Опыт построения исповеди», утешаться и возновляться через его письма разным людям, относя их к себе.

Священнослужение, пастырство – смысл и содержание всей его жизни. Это таинство каждодневного, деятельного откровения и созерцания Божественного присутствия и действий Бога в мире и в человеческой жизни. Это особый крест и особая радость – непонятные и непостижимые для тех, кто не знает их опытно. Это невыносимые страдания и боль, подобные открытым язвам на теле, которые остро воспринимают любое прикосновение, любое дуновение, поскольку обнажены нервы. Эти язвы – боли и радости паствы, «язвы Господа нашего Иисуса Христа», которые пастырь несет в себе, иначе ведь невозможно.

Если священник утратит эти язвы, он станет бесчувственным, безразличным и огрубевшим, он никогда не сможет понять вверенных ему Богом овец словесных, он не сможет «соплакать и сорадоваться» им, как учит Апостол. Нести этот крест – выше человеческих сил. Только одна сила может укреплять священника в этом крестоношении – сила Божией благодати, получаемая в молитве и служении Божественной Литургии.

Это опыт всей жизни отца Иоанна. Об этом опыте пастырской жизни батюшке нет необходимости читать лекции или писать книги. Он сам живая книга. Общение с ним способно поставить любого священника на путь подлинного пастыр-

ства. Он – тот камертон, по которому нужно многократно сверять свою духовную тональность. Сделать это очень просто: «Прииди и виждь».

Священнослужители – тоже люди со своими немощами и недостатками. Они несут бремя и, время от времени изнемогая, падают, пытаются встать и ждут – молчаливо ждут «Симона Киринейского», которого пошлет нам Господь, чтобы поддержать «подобное подобным».

Для сотен священников и архиереев отец Иоанн является таким утешителем. Невозможно описать все тяготы, переживания и скорби, возникающие в душе в брани духовной. Для служащего у алтаря Господня они сугубые. Иногда кажется, что все силы ада ополчились на душу, и эта безудержная стихия зла устрашающей величины и силы способна уничтожить все, что встанет на ее пути. В какую бы ни посмотрел сторону – везде одно и то же: «Обышедше обыдоша мя». Порой даже возникает чувство, что Небо закрыто для тебя. В это время, как никогда, нужна духовная опора и поддержка.

В моей жизни так было не единожды. И в эти, самые сложные моменты, опытно или повинуюсь некоему душевному движению, а вероятнее всего, по воле Божией, я обращался мыслями своими к дорогому батюшке. Обращался просто, по-детски, взирая на его фотографию, шептал какие-то несвязные слова, просил о помощи, о молитвах, об утешении. Тысячи километров разделяли нас! Но чувство реальности того, что он слышит и молится, побеждало всякую человеческую логику. Воистину «Идеже восхощет Бог, побеждается естества чин»!

И в ответ на молитвы старца Господь благословлял миром душу, и свет Божественной благодати озарял и согревал ее,

ослабевшую и изможденную. Иногда казалось, что я совершаю что-то неправильное, обращаясь таким образом к батюшке с молитвой.

«Может быть, это некое прельщающее явление духовной жизни?» – так думал я, пока не посетил «малую Гефсиманию» отца Иоанна в один из праздников Успения Пресвятой Богородицы.

«Малая Гефсимания» – это келья дорогого батюшки. В праздник Успения Богородицы в ней стоит маленькая плащаницка Божией Матери, вокруг благоухают цветы, горят свечи и лампы, и рядом с ней, как у Гроба Пречистой, неотступно в своем креслице, облаченный в белый подрясник и епитрахиль, сидит наш старец, истово шепча слова богослужебных песнопений праздника, выразительно запечатлевая каждое слово. Это слово богослужения для него не просто история, это слово – жизнь. Вот он, радостный, смотрит на лик Пречистой, «во успении Своем нас не оставляющей», и его радость, и его счастье от предстательства за мир Богородицы не может не передаться тем, кто с ним рядом. Она буквально окутывает, стоит только переступить порог кельи. Верю, что и Сама Пречистая Покровом Своим покрывает эту келью.

– В рождестве-е девство сохрани-и-ла еси... – запел батюшка тропарь праздника, увидев меня. Затем кондак и сугубая ектения. Благословения. Особая радость от встречи – такой радости нигде нет больше. Тихий разговор, молитва. И, среди прочего, мой недоуменный вопрос:

– Когда мне бывает невыносимо тяжело, батюшка, я к Вам обращаюсь с просьбой молитв издалека. Гляжу на Вашу фото-

графию – и прошу молитв. Простите меня, я даже через океан Вам не даю покоя...

– Дорогой владыко! Не смущайтесь этим. Будем молиться друг за друга – это так важно! По молитвам Господь чудеса творит!

И совсем тихо добавил:

– Я всегда знаю, когда Вам тяжело, когда Вы нуждаетесь в молитвах и обращаетесь ко мне, я это чувствую. Я знаю, что Вы просите молитв, и всегда молюсь за Вас.

Батюшка обнял мою голову своими руками, прижал к груди, и, как всегда, все тяготы, заботы и переживания исчезли. Была только одна мысль: «Подольше бы батюшка так не отпускал...»

Что может быть важнее и утешительнее этих слов? Что еще нужно мятущейся по волнам моря житейского душе, как не быть удерживаемой любовью в отеческих объятиях старца? Что еще хочет услышать ухо, как не тихое биение любящего сердца? Можно преодолеть все тяготы и лишения, зная, что есть человек Божий, который может сказать тебе такие слова и так помолиться за тебя.

Москва. 1946 г.

Иерей Иоанн (Крестьянкин), Анатолий Мельников (будущий митрополит Антоний), Павел Голубцов (будущий архиепископ Сергей). МДА. 1946 г.

Москва, 1946 г.

Москва, 1946 г.

Николин день. 1986 г.

вспоминает

протоиерей Михаил Правдолюбов

Мои родители, протоиерей Анатолий и Ольга Михайловна Правдолюбовы, всегда были очень близки к отцу Иоанну (Крестьянкину). Когда отец Иоанн служил в селе Троица-Пеленица (Ясаково) Рязанской епархии, мой папа в те же годы служил в городе Спасск-Рязанский. Эти приходы были ближайшими друг к другу, и мои родители часто виделись с отцом Иоанном. Уже тогда они относились к нему как к старцу, хотя разница в возрасте моего папы и отца Иоанна была всего четыре года. Особенно близкими отношения поддерживались у них в то время, когда отец Иоанн служил на последнем своем приходе Рязанской епархии – в Никольском

храме города Касимова. Это время хорошо запомнили и мы, дети, тогда уже достаточно взрослые. Запомнились продолжительные богослужения отца Иоанна – всенощные бдения с литией, акафистами и очень продолжительными проповедями.

Недолгим было служение отца Иоанна в Касимове, но запомнилось оно как очень большой и значительный период нашей жизни. Объяснить я это могу тем, что для самого отца Иоанна каждый день был очень важен, потому и окружающими время воспринималось иначе. В тот достаточно небольшой период времени вместились множество событий: богослужения, проповеди, поездки отца Иоанна, после которых он обязательно устраивал встречи, на которые собирал близких себе людей: моих родителей со всеми детьми, моего дядю – протоиерея Владимира Правдолюбова с семьей, и эти беседы затягивались до самой глубокой ночи. Для детей это были очень важные встречи: мы были свидетелями бесед священнослужителей, обсуждения их пастырских проблем, вопросов богослужения.

На одной из таких встреч отец Иоанн как-то заговорил о монашестве. Он обращался при этом к моим тетям – Вере Сергеевне и Софии Сергеевне, как бы наталкивая их на мысль о принятии ими монашеского пострига. Отец Иоанн до поступления в Псково-Печерский монастырь не был монахом, и Вера Сергеевна подумала: «А сам-то отец Иоанн какой? "Серенький?"» Ведь не монах же он!» Вдруг отец Иоанн повернулся к Вере Сергеевне и сказал с улыбкой: «Серенький я, серенький! Ну и вы оставайтесь пока серенькими».

Отец Иоанн иногда мог тонко и пошутить. Однажды после всенощного бдения он очень долго, часа полтора, говорил про-

Печоры. 1981 г.

поведь. Закончив, подошел к певчим и спросил: «Никто из окна не упал?» Моя тетя, София Сергеевна, тут же ответила: «А что, уже полночь?» Отцу Иоанну ее ответ очень понравился.

В Касимове отец Иоанн начал совершать таинство елеосвящения для всех желающих. Раньше такого никогда не было, считалось, что собороваться можно только в тяжелой болезни. Отец Иоанн, соглашаясь с таким отношением к соборованию, долго убеждал моего папу, протоиерея Анатолия, и дядю, протоиерея Владимира, что время наступило такое, что совершенно здоровым считать себя вряд ли кто может – у каждого есть какие-то свои болезни. Поэтому один раз в год можно собороваться всем, и надо заранее объявлять в храме

о совершении таинства соборования, чтобы собирались в назначенное время все желающие. Протоиерей Анатолий и протоиерей Владимир согласились с отцом Иоанном, но впервые такое соборование провели все-таки не в храме, а в доме моей бабушки – Лидии Дмитриевны. Это произошло в феврале 1967 года.

Собрались вместе две семьи: отца Анатолия и отца Владимира. Были здесь и дети, и пожилые люди. Таинство совершали отец Иоанн, мой папа и дядя. Они всех по очереди помазывали елеем, священники помазывали друг друга. Через некоторое время таинство елеосвящения совершили в Никольском храме и затем стали совершать его ежегодно. Не знаю, как происходило это в других местах, но такая традиция постепенно установилась повсеместно.

О том, как часто можно причащаться, отец Иоанн говорил, что один раз в месяц можно причащаться всем. Только некоторым он благословлял причащаться один раз в две недели. Чтобы он благословлял причащаться более одного раза в две недели, я не слышал.

Об исповеди отец Иоанн говорил, что в наше время вполне допустима исповедь как подробная, так и краткая. Во время поста, когда желающих исповедоваться и причаститься святых Христовых Таин бывает великое множество, для подробной исповеди просто нет времени. Когда есть время, нужно исповедоваться подробно, а когда времени для этого не хватает, ничего страшного нет в том, что исповедь совершается кратко.

Из Касимова отец Иоанн уехал на второй день праздника Сретения Господня, 16 февраля 1967 года, но связь с ним у нас не прекратилась. Отец Иоанн поступил в Псково-Печерский

монастырь уже монахом – постриг он принял от Глинского старца схииерхимандрита Серафима (Романцова; прославлен в лике святых в 2010 году). Я впервые увидел отца Иоанна в монашеской мантии и клобуке, когда приехал к нему в монастырь. Мы, дети отца Анатолия Правдолюбова, очень часто стали посещать Печоры, чтобы получить благословение отца Иоанна, услышать его наставления, помолиться на монастырских службах.

Город Печоры расположен в таких широтах, что весной и в начале лета здесь стоят настоящие белые ночи, а в зимнее время – постоянный мрак. Где-то часам к десяти дня становилось светло, а в четыре часа – уже сумерки. Так что утром идешь на службу в монастырь в темноте, а к вечерней службе – почти во мраке ночи. Паломников в монастыре с поступлением сюда отца Иоанна стало особенно много. Когда мы приезжали в обитель в летнее время, то обязательно встречали кого-нибудь из знакомых – из Рязанской области или из Москвы. Зимой паломников было значительно меньше, поэтому мне особенно нравилось приезжать в Печоры в зимнее время.

Поезд из Москвы прибывал на станцию Печоры-Псковские очень рано – около пяти часов утра. Первый автобус, отвозивший людей в город, уже стоял у здания вокзала и отправлялся, когда поезд еще стоял на станции. После московской жизни люди попадали как бы в другой мир: тишина, белый снег, мороз, тротуары посыпаны песком, а не солью, как в Москве. Подходили к монастырю, огромные ворота которого были еще закрыты. Все молчали, говорить никому не хотелось, ждали, когда монах-привратник откроет ворота. Высоко над

воротами висела большая икона Успения Божией Матери, а перед ней всегда горела красная лампада. Наконец монастырские ворота приоткрывались, и паломники по одному входили на территорию монастыря. Войдя, совершали крестное знамение, кланялись и проходили через каменную арку надвратного Никольского храма, туда, откуда начинался Кровавый спуск к древней пещерной церкви Успения Божией Матери, где вот-вот должен был начаться братский молебен. Во мраке раннего утра были видны фигуры монахов, спешивших к началу молебна.

В Успенском храме в это время всегда было темно, только горели лампы, даже свечей на подсвечниках почти не было. В монастыре так было принято, чтобы и братский молебен, и полунощница, совершаемая сразу же после молебна, совершались при естественном освещении лампад. Главным во время молебна было чтение Евангелия – зачало 43-е от Матфея: «Рече Господь Своим учеником: вся Мне предана суть Отцем Моим...» Особенно проникновенно и значительно звучали слова: «Возмите иго Мое на себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть». А в полунощнице, конечно же, самым значительным было песнопение «Се Жених грядет в полунощи...». Также в полной темноте монахи вставали стройными рядами перед иконой Успения Божией Матери, главной святыней монастыря, и пели неторопливо и просто: «Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща: недостоин же паки, егоже обрящет унывающа...» Казалось, что монахи более размышляют над словами этого прекрасного песнопения, чем поют. Отец Иоанн никогда не пропускал братского молебна, и голос его

всегда можно было различить в этом простом хоре монастырской братии.

После полунощницы отец Иоанн проходил в алтарь и вставал около жертвенника – он вынимал частички из просфоры за множество людей, каких он знал и кто просил его помолиться. Делал он это строго до Херувимской песни, перед которой отходил от жертвенника и больше уже частичек не вынимал.

Однажды он поделился своими чувствами, какие испытывал во время своей молитвы за людей – живых и умерших. Он говорил: «Люди как будто идут мимо меня, чем ближе к Херувимской песне, тем скорее они хотят пройти. Торопят друг друга и как бы подталкивают в плечо, чтобы я успел их помянуть...»

Для нас стало потребностью ездить в Печоры, а наши родители только приветствовали стремление своих детей попасть в монастырь и желание на каждый важный жизненный шаг получать благословение отца Иоанна.

На службу в армии отец Иоанн благословил меня образом преподобного Сергия Радонежского. Получил я также его благословение на поступление в семинарию. Благословляя, отец Иоанн сказал: «Поступай в семинарию, а затем и в духовную академию». Когда я уже работал над кандидатским сочинением, отец Иоанн благословил меня иконой апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Тема сочинения была очень сложной – богословской, христологической, и, благословляя меня иконой святого Иоанна Богослова, отец Иоанн как бы давал понять, что я справлюсь с этой работой.

Когда же пришло время женитьбы, мы с моей будущей женой Любовью Дмитриевной прежде всего поехали к отцу

Иоанну, потому что решили соединить свои жизни только в том случае, если будет на то его благословение.

Мы пришли к отцу Иоанну и рассказали ему о своем намерении. Отец Иоанн сказал нам на это: «Сегодня после вечернего богослужения в Успенской церкви будет совершаться монашеский постриг. Приходите, помолитесь, а потом уже будем решать, что вам делать – постриг принимать или в брак вступать».

Можно представить, с какими чувствами мы ушли от отца Иоанна. Целые сутки мы не знали, каков будет его ответ, а вечером того дня, как и сказал нам отец Иоанн, молились в Успенском храме. Во мраке, почти в темноте совершался монашеский постриг. Горели свечи и лампадки, монахи тихо пели «Объятия Отча...», постригаемый в белой длинной одежде полз по каменному полу храма, иеромонахи и архимандриты, среди которых был и отец Иоанн, прикрывали его своими мантиями. Было торжественно и печально. После пострига мы пошли в тот дом, где остановились, и только вечером следующего дня снова были у отца Иоанна.

Ни о чем не спрашивая, он благословил нас на брак иконами Нерукотворного образа Спасителя и Божией Матери «Иерусалимская». При этом мы получили от него неоценимые наставления. Отец Иоанн говорил нам о браке как о таинстве и сказал такие слова, которые запомнились на всю жизнь. «Семья – это домашняя церковь, – говорил отец Иоанн. – У вас всегда перед мысленным взором должна быть такая картина: икона Спасителя, брачное ложе и детская колыбель. Брак – это таинство. А какое чудо – рождение детей! “Господи, Ты видел, как ткалась моя плоть!”», – процитировал он один из псалмов в русском переводе.

Говорил отец Иоанн и о том, что в христианском браке любовь никогда не исчезает, она, напротив, с годами становится только больше, и чем дольше живут супруги вместе, тем больше и больше любят друг друга.

Получил я благословение отца Иоанна и на принятие диаконского сана. В то время я был иподиаконом Святейшего Патриарха Пимена. Благословив, отец Иоанн сказал: «Будь в послушании у Святейшего Патриарха: как он скажет, пусть так и будет». Ждал я достаточно продолжительное время... Наконец, однажды, после всенощного бдения в Елоховском соборе, когда уже задернули завесу, услышал, что Святейший Патриарх Пимен подзывает меня со своего патриаршего места с правой стороны престола и говорит: «Завтра я тебя буду рукополагать». И вот в воскресный день 5-й седмицы Великого поста, в день памяти преподобной Марии Египетской, 1 апреля 1979 года, Святейший Патриарх Пимен рукоположил меня во диакона и назначил в храм Святых Апостолов Петра и Павла в Лефортове.

Когда я рассказал об этом отцу Иоанну, он вспомнил годы своего заключения. «В 1950 году я сидел в Лефортовской тюрьме, – сказал он. – И все, кто был со мной в камере, слышали звон Петропавловского храма. Он находится близко от тюрьмы, и мы всегда знали о важных моментах службы и особенно усердно молились в это время».

Когда я служил диаконом, отец Иоанн был однажды в нашем Петропавловском храме. Он приехал на сороковой день по кончине своего двоюродного брата, похороненного на Введенском (Немецком) кладбище, расположенном рядом с храмом, чтобы отслужить на его могиле панихиду.

Беседа в монастырском саду. 1970-е гг.

В храм отец Иоанн пришел на раннюю литургию. Его сразу же окружил народ, и отец Иоанн с большим трудом продвигался к главной святыне нашего храма – Почаевской иконе Божией Матери. В это время я уже произносил мирную ектению. На втором антифоне я подошел к отцу Иоанну, чтобы помочь ему подойти к иконе. Но он, посмотрев на меня очень сурово, сказал: «Что ты делаешь? Ты же служишь! Как ты мог отойти от престола?!» Я вернулся в алтарь и с тех пор уже никогда не забывал наставления, которое получил от отца Иоанна: во время литургии от престола отходить нельзя.

Чин о Панагии. 1971 г.

Теперь, когда я приезжал в Псково-Печерский монастырь уже в сане, то обязательно служил вместе с монахами. Когда я получил двойной орарь, монахи приносили мне из ризницы широкий архидаконский орарь со словами, вышитыми на нем: «Свят, Свят, Свят...» Приходилось мне служить и с отцом Иоанном. Это было большим утешением. А однажды я служил с отцом Иоанном на приходе – в селе Юшково.

Это был Ильин день – храмовый праздник прихода. Храм с домиками около него был более похож на скит, чем на приходскую церковь. Здесь служил отец Паисий, монах. Жили при храме и несколько стареньких монахинь. Отец Паисий

всегда приглашал отца Иоанна послужить у него в этот день, и много лет отец Иоанн принимал это приглашение.

Юшково находится километрах в пятнадцати-двадцати от Печор, и поэтому, приехав утром на поезде из Москвы, я успел добраться до этого храма еще до начала службы. Когда отец Иоанн увидел меня в алтаре, то очень удивился и спросил: «Как ты здесь оказался?» – «Приехал специально, чтобы вместе с вами помолиться», – ответил я. «Будешь служить?» – спросил отец Иоанн. «Если вы благословите – буду». – «Обязательно служи!» – сказал о. Иоанн.

Это был замечательный день! Перед началом литургии отец Иоанн служил молебен с акафистом пророку Илии и водоосвящением, около него был народ, все пели. После литургии – крестный ход с окроплением народа и храма. Как будто отец Иоанн снова оказался на приходе. Он разговаривал с людьми – к нему подходили целыми группами и семьями. И все это на природе, среди зелени травы и деревьев. Светило солнце, и было очень тепло – лето в самом разгаре! После того как закончились служба и крестный ход, отец Иоанн пошел окроплять прихрамовые постройки. «Пойдемте, окропим святой водой хижину Марии», – сказал он о маленьком домике одной из монахинь, к которому и направился. И правда, этот маленький домик похож был более на хижину, чем на дом. У всех на лицах были радостные улыбки, а монахиня Мария была просто счастлива, оттого что отец Иоанн пришел к ней в дом и окропляет святой водой ее жилище.

Потом была трапеза в доме отца Паисия. И снова – общение с людьми и очень интересные разговоры. Один из священников спросил отца Иоанна, можно ли считать чернобыльскую ката-

строфу апокалипсической и не является ли Чернобыль той самой «травой полынь», о которой говорится в Апокалипсисе? «Я бы не стал так прямо называть эту аварию на атомной станции прямым исполнением Апокалипсиса, – отвечал отец Иоанн. – Нужно очень осторожно относиться к толкованию Апокалипсиса, и не случайно Церковь не принимает очень многих его толкований.

Есть толкование Апокалипсиса святого Андрея Кесарийского – вот это толкование Церковью принимается, его можно читать. Остальные – очень сомнительные!» Говорил также отец Иоанн о том, что очень нехорошо, когда церковные книги и иконы продаются в обычных магазинах рядом с самым разнообразным товаром. «Этого не должно быть!» – сказал он.

Говорил также, что у каждого человека должна быть тесная связь со своим ангелом-хранителем. Одним словом, темы разговора были самые разнообразные, но, к сожалению, беседа оказалась непродолжительной – отец Иоанн должен был ехать в монастырь.

Под горкой, на которой стоял храм, отца Иоанна ждала машина – «Волга», которую отец Паисий заранее для него вызвал. Все мы спустились с горки к этой машине, а отец Иоанн, подойдя к молодому водителю, дал ему конфетку. «Нет, я не буду», – ответил тот. Отец Иоанн воскликнул: «Какое воздержание!» Рядом с «Волгой» оказалась еще одна машина – «Нива», и священник, который на ней приехал, потянул отца Иоанна к этой машине, упрасывая его поехать вместе с ним. «А где ваш спутник, высокий молодой мужчина?» – поинтересовался отец Иоанн, потому что все видели этого священника в храме во время службы, окруженного

целой группой своих прихожан. «А вот он!» – ответил батюшка и открыл багажник своей «Нивы».

В нем оказался скрюченный буквально в два раза мужчина лет тридцати ростом под два метра. Батюшка затолкал его туда для того, чтобы освободить место для отца Иоанна. «Как Вам не совестно?! Что Вы делаете? Как можно так издеваться над человеком?! – сурово сказал отец Иоанн. – Не поеду я с Вами!» А мне велел садиться на заднее сиденье «Волги», сам сел рядом со мной, и так мы ехали до самого монастыря, продолжая беседу.

На следующий день этот священник, увидев меня в монастыре, сказал: «Как я тебе завидую: ты ехал вместе с отцом Иоанном!»

Где-то в середине восьмидесятых годов началась первая смута о номерах. Тогда это были не ИНН, а новые пенсионные документы. Нужно было заполнять какие-то анкеты, в которые требовалось вписать определенный номер, в каждой анкете свой. Начали говорить о печати антихриста и о недопустимости заполнения таких анкет. Меня постоянно спрашивали, как к этому относиться. Я считал, что ничего особенного в этом нет, но хотелось узнать мнение отца Иоанна. В одну из своих поездок в Печоры я подробно изложил отцу Иоанну все то, что смущает людей. Отец Иоанн мне лично отвечал так: никаких номеров бояться не нужно. Цифры – всюду: на часах стоят цифры, на документах, на страницах книг, где их только нет! Так что же теперь их бояться? Бояться нужно не цифр, чисел и номеров, а нужно бояться греха, который мы совершаем, особенно соблазнов последнего времени. Если мы с легкостью поддаемся этим соблазнам, если с легкостью

грешим, то дух антихристов действует в нас, незаметно для нас самих печать антихриста, которую так все боятся, может уже на нас стоять!

Когда же появилось смущение об ИНН, я спросил также и об этом. Отец Иоанн ответил мне, дескать, все, что было сказано им о пенсионных документах, следует отнести и к ИНН: никаких номеров бояться не нужно!

В московском храме Святых Апостолов Петра и Павла я служил достаточно долго – целых 11 лет. Стал уже протодиаконом, служил с двойным орарем, а желание было служить в иерейском сане. Несколько раз я просил у отца Иоанна благословения на то, чтобы подать прошение в Патриархию с просьбой о рукоположении, но он отвечал: «Время еще не пришло, еще рано». Когда же меня стали звать в Рязанскую епархию, я поехал за благословением перейти в эту епархию.

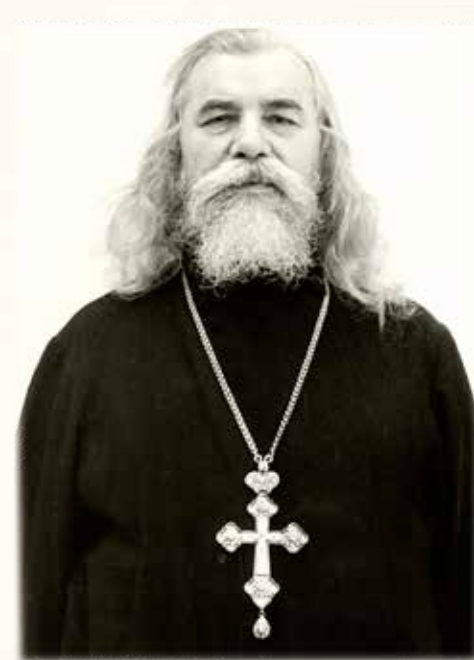
Отец Иоанн ответил: «Ни в коем случае! Оставайся на месте! Будешь ты священником. Когда время придет, все произойдет само собой, безо всякого твоего прошения! А сейчас никуда не стремись, это будет крест напрошенный, свой – не от Бога, а от себя. За 12 лет я был на шести приходах – Лето, Некрасовка, Борец, Касимов... но сам никогда никуда не стремился, меня всегда переводили с разными формулировками: для улучшения церковной жизни, в связи с церковной необходимостью... Сам – никогда! Так и ты – никуда не стремись, все будет в свое время. А впрочем, – прибавил отец Иоанн, видя мое желание перейти в другую епархию, – можешь поступать как знаешь». – «Нет, отец Иоанн, что Вы, – ответил я, – без Вашего благословения я ничего предпринимать не буду». Видно было, что отец Иоанн одобряет мое настроение.

Прошло еще несколько лет, и произошло то, о чем говорил отец Иоанн. В 1990 году, незадолго до нашего храмового праздника – памяти первоверховных апостолов Петра и Павла, – я неожиданно получил указ Святейшего Патриарха Алексия II, в котором говорилось, что по моему рукоположению во иерея я назначаюсь в храм Воскресения Христова в Сокольниках. И вот в самый день памяти апостолов Петра и Павла Святейший Патриарх приехал в наш храм, совершил торжественное богослужение, за которым и рукоположил меня во иерея. После литургии Святейший сказал: «Это моя первая иерейская хиротония в Москве». Действительно, после своей интронизации 10 июня 1990 года Святейший Патриарх еще никого не рукополагал.

Сразу же я стал служить на новом месте в Сокольниках, а при первой же возможности поехал к отцу Иоанну. Я рассказал ему все, что со мной произошло, а отец Иоанн, поздравляя меня с рукоположением во иерея, только одобительно кивал головой. Свое отношение ко всему, о чем я рассказывал, он выразил всего в нескольких словах. Когда мы с ним пришли на службу в Успенскую церковь, то стоявшему рядом со мной в алтаре священнику отец Иоанн сказал: «У отца Михаила все по воле Божией совершается. Его ангел-хранитель за руку ведет».

К тому времени уже несколько лет как не было в живых моих родителей, и в те годы, приезжая к отцу Иоанну, я всегда испытывал к нему сыновние чувства. Тем более теперь, когда я приехал к нему с известием о таком великом и радостном событии, как священническая хиротония, я особенно сильно почувствовал, что приехал как к своему отцу.

После возведения в сан архимандрита. 1973 г.

Встречи наши с отцом Иоанном проходили обычно в его келье. В назначенное время мы приходили к нему, и первое, что он делал, это вставал перед иконами и читал молитвы: «Царю Небесный», «Егда снизшед, языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздаяше, в соединении вся призва; и согласно славим Всесвятаго Духа», «Не умолчим никогда, Богородице, силы Твоя глаголати, недостойнии...».

И мы всегда понимали, что это не просто беседы, а общение, в котором услышим такие наставления, которые должны исполнить, что ответы на наши вопросы, которые мы зададим отцу Иоанну, будут проявлением воли Божией в нашей жизни. Не каждому выпадает такое счастье, когда можно приехать к старцу, задать вопрос, получить конкретный ответ (например, о женитьбе) и быть уверенным в том, что этот ответ и есть воля Божия о тебе.

После молитвы отец Иоанн садился на небольшой диванчик, мне обычно велел сесть рядом с ним по левую от него сторону, старший наш сын, Сережа, садился по правую, а маленький еще Ваня устраивался на небольшой скамеечке у его ног. Любовь Дмитриевна всегда была рядом с младшим сыном – перед отцом Иоанном. И сколько бы времени ни прошло после нашей последней встречи, отец Иоанн всегда нас встречал так, будто виделись мы совсем недавно. Однажды отец Иоанн сказал после того, как мы не были у него достаточно долго: «Старые друзья встречаются – я очень рад!» Так мы и беседовали: рассказывали о себе, задавали вопросы. Отец Иоанн всегда живо всем интересовался: кто где учится, кто что делает?

Рассказывал он и о себе, говорил иногда, как нелегко ему бывает. «Я шестьдесят лет у себя отбрасываю, а шесть оставляю», – как-то сказал он нам.

Говорил он и о том, как важно священнику на приходе относиться ко всем одинаково и не допускать каких-то особенных чувств к тому или иному человеку. «Чувства зарождаются в голове, – говорил он, – опускаются в сердце и начинают его терзать».

Когда пришло время нашему старшему сыну определяться, как строить свою жизнь, отец Иоанн спросил у него: «Ты хочешь продолжать дело своих отцов?» – «Да, хочу!» – горячо ответил он. – «Священство – это призвание», – сказал отец Иоанн, и это было как благословение нашему Сереже на всю жизнь.

В то время, когда мы ждали ребенка, отец Иоанн сказал нам: «У вас будет мальчик. Назовите его Иоанном». Действительно, на свет появился мальчик, и называли мы его Иоанном в честь отца Иоанна. Мы решили, что покровителем его будет апостол и евангелист Иоанн Богослов, и день ангела его пусть будет вместе с отцом Иоанном – 13 июля, в Собор двенадцати апостолов.

Задавал я вопрос отцу Иоанну и о духовничестве: как относиться к той проблеме, которая возникает очень остро на многих приходах повсеместно, – к проблеме, когда многие священники считают себя вправе удерживать около себя прихожан и запрещают идти на исповедь к другому священнику.

Отец Иоанн ответил на это так: «Очень важно, чтобы все, что составляет человека, а это – разум, воля, совесть, духовная свобода, чтобы ничего из этого не было нарушено. А если нарушается – начинается болезнь. Как в Евангелии сказано: Христос исцелял слепых, глухих, хромых, прокаженных... *(отец Иоанн помолчал, посмотрел мне прямо в глаза)* и бесных. Да, это тоже болезнь, духовная болезнь. А начало болезни выражается в том, что человек лишается собственной воли, сам подчиняет ее воле другого человека. И тогда совесть почти ничего не в состоянии говорить человеку, она заглушена в результате подмены соб-

ственной ответственности перед Богом ответственностью кого-то другого».

«Что такое духовничество? – продолжал отец Иоанн. – Это когда духовно опытный старец брал себе духовных чад числом не более двенадцати. И это было такое духовничество, когда старец буквально со своих рук кормил своих детей, а в случае смерти передавал их другому. Вот это действительно духовничество! А у нас на приходах такого быть не может. Здесь должна быть полная свобода!

Причины перехода от одного священника к другому могут быть самые разные. Даже то, что у одного священника времени меньше, а у другого больше – это также может быть причиной перехода к другому священнику: зачем же я буду отнимать время у страшно загруженного батюшки, лучше пойду к тому, кто более свободен. И можно, совершенно не смущаясь, идти к менее загруженному священнику. Или, к примеру, священника переводят. Зачем всем его прихожанам ехать за ним на другой приход? Они должны оставаться на месте и идти к тому священнику, кто будет служить у них – в той церкви, которая находится рядом с домом и является приходом этих людей.

Я так и говорил всегда своим прихожанам в тех случаях, когда меня переводили: «Оставайтесь на месте, никуда не рвитесь, у вас теперь другой батюшка. Это меня переводят, а не вас!» А то ведь как получается: на исповеди что-то говоришь, а тебе в ответ: «А вот мой духовник мне благословил то-то делать». Какой духовник? Где он, этот духовник? Оказывается, где-нибудь далеко-далеко есть батюшка – чей-то духовник. Ну зачем это? Зачем какие-то непонятные сложности? Ну и говоришь в таких случаях: «Делай что хочешь!» А бывает и так: приходят к

батюшке люди и говорят: «Батюшка, мы к тебе последний раз пришли, мы от тебя уходим». – «Ну и с Богом, идите!» – отвечает он им. Вот это правильно, так и должно быть!»

«Разделение на приходы существовало всегда, как, я помню, это было в Орле, где я бывал в детстве, – продолжал говорить отец Иоанн. – Но это разделение, прежде всего, было территориальным. Весь Орел был поделен на определенные районы, которые прикреплялись каждый к своему храму. Одни улицы относились к одному храму, другие – к другому. Весь город был поделен, и священники не должны были исполнять требы не в своем районе. Панихиды, причащение, отпевание, крестины – каждая улица знала свой храм. Но молились все там, где хотели. Даже было так: перед каким-нибудь праздником священник объявлял с амвона, что завтра, например, такой-то праздник и мы все будем молиться в таком-то храме – в том, где престол. И все шли туда. Разделение на приходы должно быть, но все мы составляем единое целое – Церковь, и все мы возносим молитвы к Богу как единое целое».

«Вслед за Святейшим Патриархом Пименом, – как-то говорил отец Иоанн, – скажу, что у нас в Церкви должен сохраняться в богослужении славянский язык, старый стиль, а с католиками можно только чай пить».

Протоиерей Анатолий Правдолюбов, мой папа, в конце своей жизни долго и тяжело болел. Однажды, будучи в болезненном состоянии, он упал и сильно ушибся. Когда я приехал к отцу Иоанну и сказал ему об этом, он ответил: «Расскажу о себе, как и я однажды упал. На одном из приходов я освящал деревенский дом. Шел по дому с крестом и кропил в руках, окропляя святой водой комнаты, и не заметил, что за

занавеской одной из них – открытый люк в подвал. Я сделал шаг за эту занавеску и сразу даже не понял, что произошло: я провалился в этот подвал, оказавшись на самом его дне – на земле. Так и лежал, распростертый, на дне подвала, в облачении, с кропилом и крестом в руках, как святитель Николай, так изображают его на иконах. И ничего!» – «Праведник если и упадет – цел будет, – процитировал он кого-то, а потом добавил: – Но это не о нас, не о нас!» Но я прекрасно понял, что и себя, и моего папу он назвал праведниками.

В конце восьмидесятых годов отец Иоанн говорил о нашем времени как о времени бескровного мученичества. «Вы – бескровные мученики, – говорил он. – А дальше будет еще труднее. Ваше время тяжелее нашего, и вам можно только посочувствовать. Но мужайтесь и не бойтесь! Сейчас везде смущение, смятение и неразбериха, а будет еще хуже: перестройка, перестрелка, перекличка. Наступит время тяжелого духовного голода, хотя на столе все будет».

Провожал нас отец Иоанн также всегда с молитвой. Мы все вставали, молились, отец Иоанн брал кисточку и помазывал всех елеем от разных святых мест, потом кропил каждого святой водой, давал отпить немного из маленькой серебряной кандии, которая у него всегда была в келье именно для этих целей, а затем выливал немного святой воды на грудь. Потом каждого благословлял, и мы уходили от отца Иоанна с новыми духовными силами.

Любовь отца Иоанна к Богу и ко всем людям в некоторой степени передавалась и нам. Поэтому мы всегда так стремились в Печоры – чтобы получить от отца Иоанна его благодатную, молитвенную помощь и благословение.

На приходе в селе Летово. 1961 г.

На Валааме с о. Виктором Шиповальниковым. 1961 г.

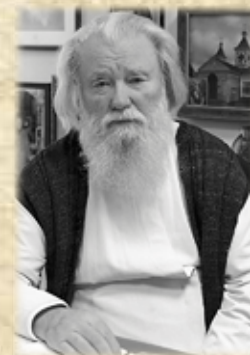

Остров Валаам. 1961 г.

Печоры. С о. Дамианом Кругликом. 1972 г.

вспоминает
протоиерей Дамиан Круглик

Я познакомился с отцом Иоанном Крестьянкиным при следующих обстоятельствах.

В бытность мою студентом тогда ЛДА (Ленинградской духовной академии) я вместе со своей невестой Лией Петровной полетел из Рязани в Ермишь, чтобы потом попасть в село Некрасовка, где батюшка служил.

Наш приезд к батюшке был приурочен к Успению Пресвятой Богородицы. Мы летели на самолете-«кукурузнике». Это был мой первый полет на самолете. Я впервые ощутил, что такое воздушные ямы. В воздушной яме есть момент как бы падения самолета на землю. Вот тут я вспомнил поговорку

«Кто в море не плавал (в самолете не летал), тот Богу не маливался».

В Некрасовке была моя первая встреча с батюшкой. Я впервые увидел священника идеального, таким, каким должен быть каждый из нас. До встречи с батюшкой у меня много было встреч со священниками, но еще не было такой встречи, которая бы меня так потрясла.

В нем я видел все в идеале: и за богослужением, и в домашней обстановке, и в его отношении с прихожанами при совершении таинства исповеди, и певчими на клиросе. Меня, студента академии, батюшка оживил своей молитвой, и мне подумалось, как бы было хорошо каждому студенту хотя бы на летние каникулы поучиться практической жизни, богословскому проповедничеству, горению ревности любви у отца Иоанна.

Наш с Лией Петровной вопрос относительно женитьбы батюшкой был решен таким образом, что мы должны еще испытать свои чувства, проверить, и тогда уже, если они не ослабеют и еще больше укоренятся, вступать в брак, чтобы принимать священный сан и служить Богу и Церкви.

Богослужение на Успение было торжественным. Я впервые присутствовал на Погребении Божией Матери, впервые увидел в деревенских условиях и храме с такой любовью изготовленную сень над плащаницей Божией Матери, и все в одном цвете, и все, насколько можно было создать, торжественно и проникновенно, с батюшкиным служением и пением небольшого хора, участие в котором принимал и я.

После всего увиденного и услышанного я уже знал, что богослужение может быть еще и идеальным, и его идеальность создается той глубокой настроенностью, о которой

батюшка часто повторял: «От внешнего ко внутреннему и от внутреннего ко внешнему». Сейчас, после 38-летнего священного служения, я могу это мое состояние охарактеризовать словами митрополита Антония Суржского: «Достаточно увидеть на лице человека сияние вечной жизни, чтобы все могло измениться».

Многие из нас, в том числе и я, оканчивая учиться в духовной школе, не знали, в каком качестве и будем ли мы служить Церкви. К этому времени из восьми осталось только три семинарии и две академии. Напутствуемые батюшкиными молитвами и благословением, мы уезжали из Некрасовки как на крыльях. Мой путь предстоящего священства был определен.

Общие исповеди батюшка проводил блестяще, на должном богословском уровне. Каждый раз это была импровизация. Причем схема соблюдалась конкретная: или по десяти заповедям Божиим, или по заповедям блаженств, как они сейчас изложены с комментариями в его труде «Опыт построения Исповеди». Она всегда была живой и действенной. Он соединял общую с частной. После общей исповеди каждый подходил к аналою и говорил что-то свое, личное, его особенно беспокоившее, и на все получал ответ батюшки.

Отец Иоанн благословил принять сан священника Николая Ивановича Гришина – бывшего не только ученым-астрономом, но и членом партии. Уходить из нее было чрезвычайно в те годы трудно. Митрополит Рижский Леонид хиротонисал его только потому, что о нем ходатайствовал батюшка. Этому предшествовал долгий период их дружественных отношений и духовного руководства.

Хиротонии мои во диакона и иерея были совершены митрополитом Никодимом (Ротовым) соответственно в Троицком соборе Александро-Невской лавры и в академическом храме 29 мая и 16 июня. Буквально перед выпуском, так что я служил несколько служб в диаконском сане и после иерейской хиротонии одну службу в Никольском кафедральном соборе Ленинграда (теперь Санкт-Петербурга). Учиться в аспирантуре при МДА батюшка меня не благословил. На приходах всех епархий нужны священники. «Жатвы много, а делателей мало, – говорил батюшка. – Как хорошо служить Богу и нашему русскому православному народу!»

В Москве свободных мест совсем не было, поэтому я обратился и сдал документы в Крутицкую и Коломенскую епархию. Митрополит Пимен (будущий патриарх) вспомнил меня по Ленинграду (я у него иподиаконствовал), и только в октябре месяце я был направлен на приход святителя Алексия в с. Середниково Солнечногорского района Московской области. Это было хорошо, потому что жил я в это время в Зеленограде. В этом месте я прослужил свои первые десять лет.

В период между окончанием и назначением я еще раз ездил к отцу Иоанну. Он в это время был настоятелем в городе Касимове Рязанской области. Как я был рад, что сослужил батюшке и совершал даже некоторые требы: венчал и крестил. У него я впервые посмотрел и однажды там же сам крестил погружением. Этого было вполне достаточно, чтобы потом практиковать при крещении младенцев погружение, что более всего соответствует православному способу совершения этого таинства.

Иерей Дамиан и Лия Круглик

Где-то в конце моего служения в Середниково батюшка отец Иоанн, приезжая в гости к архимандриту Афанасию в Подсолнечную, приезжал и в храм Святителя Алексия в Середниково. Ему очень понравился храм, и он пожелал служить в нем как можно дольше.

На Святой горке с братом Константином. 1974 г.

Печоры. 1973 г.

С митрополитом Иоанном (Разумовым). Село Юшково. 1977 г.

вспоминает
матушка Лия Круглик

С отцом Иоанном Крестьянкиным я познакомилась летом 1956 года в Рязани, где жила со своей мамой. Мне было тогда 18 лет.

Вернувшись после ссылки, батюшка вместе с иеромонахом Всеволодом остановился в доме наших знакомых – прихожан Борисо-Глебского собора дяди Косьмы и тети Агафии, которая сказала маме, что у них в доме необыкновенные священники. Взяв с собой меня и сестру, мама пошла туда.

Удивило то, что после ссылки и всего пережитого оба батюшки были необыкновенно радостны, приветливы и с любовью беседовали с нами. Осталось в памяти, как во время

молитвы с большим воодушевлением и чувством они пропели молитву «Царице моя преблагая» на Печорский распев. Отец Всеволод уехал служить куда-то на юг, а отец Иоанн был назначен Рязанским архиепископом Николаем (Чуфаровским) в село Троица-Пеленица, что недалеко от железнодорожной станции Ясаково. В этом селе – громадный храм из красного кирпича. Настоятелем был иеромонах Дорофей, а батюшка – вторым священником.

Мы часто приезжали к батюшке в любое время года. Всегда он был рад нам и вечерами иногда рассказывал о себе. Вот что я помню.

Когда батюшка был младенцем, лежал в люльке (он родился в Орле 11 апреля 1910 года), его родные почему-то думали, что он умрет, так как он был слаб здоровьем. Подойдут, скажут: «Ванечку-то хоть бы Бог прибрал», – дадут ему мякиш хлеба в тряпочке сосать, так вот он и выжил. Батюшка говорил, что в молодости он был франтом. Бывая вместе с братом в Москве, они начищали зубным порошком свои парусиновые башмаки и посещали московские театры.

Во время работы на светской службе, кажется, в бухгалтерии, сотрудницы во время обеденного перерыва делились с ним своими переживаниями, горем, а потом спохватывались: «Ой, что это мы перед тобой, как перед попом на исповеди, разоткровенничались?» Так, батюшка еще в молодом возрасте располагал к себе сердца людей.

Когда батюшка служил в Измайловском храме еще диаконом, как-то вызвал его к себе митрополит Николай (Ярушевич). Показывая батюшке пачку писем, он сказал: «Что это ты натворил в своем храме? Видишь, сколько писем?

Все про тебя пишут». – «Не знаю, владыка». В ответ митрополит: «Вот это все просьбы поскорее рукоположить тебя во священники».

О заключении батюшка рассказывал следующее. На допросы, как правило, вызывали по ночам. Накануне давали есть селедку, пить же не давали. И вот ночью следователь демонстративно наливает воду из графина в стакан, а томимый жаждой подследственный стоит перед ним без воды и без сна, освещенный слепящим светом электрических ламп. Бывало и такое: ведут заключенных в баню, дают мыло и шайку с водой. Все намыливаются, а для споласкивания воды не дают. А после такого «мытья» – срочно фотографироваться.

Батюшка говорит: «Когда я увидел свою фотокарточку со взъерошенными волосами, то подумал: такому “разбойнику”, конечно, нельзя быть на свободе, ему место в тюрьме». А в тюрьму батюшку отвозили в хлебном фургоне. По отношению к следователям и всяким допросителям батюшка советовал держаться трех «не»: не верь, не бойся, не проси. Тогда внутренне будешь спокоен, тверд и непобедим.

В один из моих приездов к батюшке в зимний снежный вечер он рассказал мне такую историю: «Зима. Сельский храм. Ночь. На дворе метель. В церковной сторожке – молодой священник с женой и сыном-младенцем. Ребенок тяжело болен. Вдруг стук в окошко, приехал за священником на лошадке кучер и просит поехать в соседнюю деревню. Там умирающая старушка ждет напутствия и причастия. Священник собирается ехать, матушка умоляет его остаться, так как сын в опасности. Но, исполняя свой долг, благословив жену и младенца, священник уезжает. А дальше было вот что. Наутро жители села нашли

заметенных сугробами снега и батюшку, и возничего. Их отогрели, они оказались живы.

Старушка умерла без причастия, так как до деревни священник не добрался. Умирает и ребенок – сын священника». Вот тут батюшка меня и спросил: «Как ты думаешь, наверное, не надо было священнику оставлять свою семью в таком бедственном состоянии?» Я, конечно, поспешила ответить, что именно так я и считаю. На это батюшка ответил: «Нет, на все воля Божия. Священник исполнил свой долг. Старушка умерла, но ее желание Господь принял как исполнение его. Младенцу же Господь судил как ангелу отойти в мир иной. А вот матушка должна всегда быть готова нести свой крест, всегда, везде с полной покорностью воле Божией».

Когда батюшка рассказывал мне эту историю, я не думала еще о замужестве вообще, но потом, будучи женой священника, в разных обстоятельствах жизни часто вспоминала и вспоминаю эту историю.

О медицине и лечении батюшка рассуждал так: хорошо бы, диагноз больному устанавливал врач-диагност и решал, к какому врачу обратиться пациенту: к аллопату или к гомеопату. Больной же должен молиться, чтоб Господь вразумил врача назначить правильное лечение. Перед принятием какого-то решения необходимо поисповедаться, пособороваться, причаститься, и тогда да будет воля Господня.

После служения в Троице-Пеленице батюшка был направлен в село Летово (примерно в 40 минутах езды на пригородном поезде от Рязани в сторону Москвы по Казанской железной дороге, станция Истодники). Дорога к храму Свв. Бессребреников Космы и Дамиана – проселочная, где

Панихида. Село Летово. 1960 г.

полями, где лугами, где вдоль лесопосадки. После дождей и в зимнее время идти по плохой дороге было нелегко. Батюшке приходилось преодолевать не только эту дорогу, но и овраг, за которым на пригорке стоял храм и церковная сторожка – маленький деревянный домик.

Сколько незабываемых встреч было у меня с батюшкой в Летове. Это и службы, и беседы, и наставления. Особо запомнились службы на Успение Богородицы. Мы (я и сестра) старались каждое Успение быть у батюшки, где бы он ни служил. В сельских храмах чин погребения Плащаницы до батюшки не совершался. С помощью своих духовных чад (они приезжали из Москвы, Питера, Рязани, Орла) специально изготовлялась резчиками-краснодеревщиками сень для Плащаницы. Сама Плащаница рисовалась и вышивалась (аппликация и бисерное шитье) девушками. На подставке вокруг Плащаницы ставили 11 вазочек (не 12, а 11, так как не было апостола Фомы), а между ними синие или зеленые лампадки.

Вазочки делали так: кефирные бутылки наполняли влажным речным песком (для устойчивости), обтягивали белыми бумажными салфетками, которые привязывались к бутылкам белой тесьмой. Получались белоснежные, стройные, одинаковые вазочки. Настоящих тогда невозможно было купить, их просто не было. В вазы ставились белые гладиолусы: по два цветка спинка к спинке плюс зелень спаржи. Все это смотрелось строго, торжественно, симметрично.

На особой подставке в отдельной вазе ставилась пальмовая ветвь и кадильница – в изголовье Плащаницы. Пальмовые ветви мы, девчонки, привозили из Рязани, выпрашивая срезать ветви либо в библиотеках, либо в сберкассах, где росли фини-

ковые пальмы. Девушки приезжали на праздник в белых платьях, волосы заплетали в одну косу. Так подсказывал батюшка. Во время крестного хода вокруг храма девушки шли с гладиолусами, а две маленькие девочки из корзины бросали цветы под Плащаницу. Помню, однажды после службы батюшка спросил: «Были ли звезды на небе?» Он-то нес Плащаницу на голове и звезд видеть не мог. Для полноты радости праздника ему и звездочки были нужны.

Прихожане расходились, храм пустел, а нам не хотелось уходить от Плащанички. Везде погашен свет, горят только лампадки. Батюшка выходит из алтаря, встает перед Плащаницей, и опять звучат песнопения: «Апостолы от конец...», «В молитвах неусыпающую Богородицу», Величание. Так бы и не уходить нам из храма. Служба была полная, уставная, пел женский хор, в основном певчими были монахини из разогнанных монастырей.

Благодаря поездкам к батюшке мы обрели много друзей. В те (хрущевские) времена, когда храмы закрывались, верующие преследовались, было очень дорого и ценно найти друзей, особенно среди сверстников – молодых христиан. Батюшке для всех хватало любви, времени. С радушием встречал, исповедовал, беседовал и с любовью провожал. Мы от него домой летели на крыльях, буквально припрыгивая, радуясь той радостью, которой напитались за батюшкины службы. Не имело значение расстояние – 5–10 км. И оглядываясь, видим: стоит батюшка на крылечке сторожки и все благословляет нас.

В Летове со мной произошел такой случай. В январе 1959 года после занятий в институте я поехала к батюшке. Надо было срочно кое-что отвезти ему. Было морозно, мама

посоветовала надеть валенки и пуховый платок. Когда на станции Истодники (ближайшей к Летову) сошла с поезда, стало темно. Первое время были попутчики, которые потом свернули вправо – в деревню Романцово. Дальше я пошла одна и... заблудилась, сбилась с протоптанной твердой дорожки, оказавшись в поле. Куда ни шагну, проваливаюсь в снег, появились стога соломы. Я стала замерзать и очень испугалась. Тут я взмолилась ко Господу, чтобы мне найти дорогу. Вдруг я увидела силуэт летовского храма, освященный по контуру звездочками. Увидела ориентир, пошла в этом направлении и вышла на дорогу, по которой быстро дошла до храма. Когда в сторожке рассказала батюшке о случившемся, он взялся руками за голову и сказал: «Слава Богу, мы волновались, что тебя долго нет, и молились за тебя. Об этом пока не рассказывай никому». Я долго молчала, а теперь близким рассказываю.

Батюшка удивительно аккуратен во всем. В храме, говорил он, должно быть все красиво, опрятно, симметрично. Входя в храм, он сам поправлял покровы на аналоях, следил, чтобы все лампы горели. Про себя он говорил: «Ведь как надо – проснулся и сразу же на молитву. А я так не могу, и себя надо в порядок привести, и кровать заправить».

Батюшка был celibатом и так говорил: «В гостях мне с одной стороны предлагают мясное, думают, я из белого духовенства, с другой – рыбное – как черному духовенству. А я не белый и не черный, я – серенький».

Для напестрельного Евангелия я вышивала ленты-закладки. Батюшка внимательно и серьезно рассматривал, радовался, хвалил, а иногда и замечания делал. В те времена не было такого выбора материала, как сейчас, поэтому покупа-

лись атласные широкие ленты, и на них вышивался шелковыми нитками крест и орнамент. Снизу пришивалась бахрома. Однажды я привезла красную ленту, вышитую белым шелком. Батюшка сказал: «К красному цвету подходит золото, то есть желтый цвет, а вот к голубому серебро, то есть белый цвет. Во всем должна быть гармония».

Моя подруга из Питера вышила к Успению голубую пелену на престол. Вышивка была очень красива: бисером на голубом фоне – белые лилии с зеленью. Да еще в антикварном магазине купила бахрому из старинного длинного стекляруса с красивым орнаментом. Бахрому пришила по передней и боковым сторонам, а на заднюю сторону была пришита обычная шелковая бахрома, так как длины стеклярусной бахромы не хватало. Когда на столе стали примерять пелену, оказалось, что передняя часть по весу перетягивает, это было опасно для престола. Тогда для уравнивания купили в охотничьем магазине мелкую дробь и пришили между подкладкой и самой пеленой по заднему контуру. Когда батюшка увидел это, очень смеялся над таким решением проблемы.

В селе Троица-Пеленица батюшка служил с иеромонахом Дорофеем, а после перевода последнего на другой приход – с отцом Иоанном Коссовым, который был моложе батюшки лет на 15. Вот для различия двух отцов Иоаннов нашего батюшку звали стареньким (ему было всего лет 47–48), а о. Иоанна Коссова – молодым. В Летове батюшка служил с о. Иоанном Смирновым (впоследствии архиепископ Орловский Глеб), который был очень высокого роста, поэтому его звали о. Иоанн большой, а нашего батюшку – маленький.

К своим собратьям батюшка проявлял братскую любовь, почтительность. Вообще любовь батюшки ко всем приходящим и приезжающим была доминирующим свойством его характера. Казалось, что тебя-то он и любит больше всех, а он всех так любил. Как много внимания уделял нам батюшка. На исповеди молодежи батюшка многое говорил, советовал, и когда бабушки ворчали, что долго он беседует с нами, он говорил им: «Вы уже жизнь прожили, все проблемы позади, а им, то есть молодым, предстоит еще жить, потерпите, подождите. У них много трудностей впереди».

Однажды я опоздала к началу исповеди, приехала, когда батюшка разрешал исповедующихся. Я сказала, что не слышала молитвословия перед исповедью, так он мне одной – девчонке-студентке – прочитал все эти молитвы. Мне было стыдно, и было это уроком на всю жизнь – не опаздывать к исповеди.

Во время учебы в институте у меня возникли большие проблемы. Поехала к батюшке, все рассказала. Он благословил за советом мне с подружкой ехать в Куйбышев к митрополиту Мануилу Лемешевскому и дал нам на билеты деньги. Я говорю: «Батюшка, не надо, мне Люба (моя старшая сестра) даст», а он отвечает, показывая на себя: «Это тоже от Любы (любви), только не сестринской, а отеческой».

Однажды в летнее время в сторожку при храме села Летова забрались через окно воры. В сторожке ночевали человек шесть, в том числе и батюшка. Потом он рассказал, что его стащили с кровати (а он без очков при сильной близорукости и астигматизме почти ничего не видит), связали руки и ноги. К сердцу приставили кинжал, к виску пистолет, рот заткнули

кляпом. Батюшка решил, что это конец его жизни. Бандиты же искали у него богатство, но, кроме наперсного креста на аналойчике, ничего не нашли. Все ночевавшие в сторожке, в том числе и мужчины – резчики-краснодеревщики, были связаны. Кажется, одна из женщин – Мария Михайловна – первая смогла развязать себе руки и всех освободила от пут.

После Летова в конце 1964 года батюшку перевели в храм Свт. Николая в селе Некрасовка. Добираться туда было очень непросто. Из Рязани на самолете-кукурузнике до Ермиша, а потом 8 км пешком до Некрасовки. Храм Никольский деревянный, очень красивой архитектуры, без электрического освещения.

После Некрасовки батюшка служил в Борце, но недолго, менее года. В Борце в храме и сторожке в зимнее время было так холодно, что крест при целовании прилипал к губам, а внутренние стены сторожки были покрыты инеем. Как-то владыку Николая (Чуфаровского) спросили, почему отца Иоанна переводят с одного прихода на другой, и он ответил: «В одном месте отогрел души людей, пусть в другом отогревает». Так оно и было. Где бы батюшка ни служил, оживала церковная жизнь, обустраивались храмы, украшались, увеличивался приход. Люди, приезжавшие к батюшке, становились родными, друзьями на всю жизнь.

Летом 1961 года я встретила батюшку на Скорбященском кладбище Рязани. Беседа длилась довольно долго, время пролетело незаметно. Батюшке надо было успеть на пригородный поезд к определенному времени, так как на приходе была назначена треба – отпевание. Долго ждали троллейбуса, доехали до центральной площади, где должна быть пересадка

на автобус. Долго ждали, ловили такси – все тщетно, остановили самосвал. Батюшка сел в кабину водителя и на самосвале поехал до вокзала. Позже я узнала, что к поезду он не опоздал.

Батюшка с любовью относился к нам – верующей молодежи, переживавшей в хрущевские времена различные трудности. Как-то наша мама спросила батюшку, нельзя ли ослабить Великий пост для нас – четырех ее дочерей, учившихся в то время в институте. Батюшка ответил: «Да Вы что? Ни в коем случае. Помните трех отроков – Ананию, Азарию и Мисаила? Господь поможет, укрепит и умудрит». Конечно, мама послушалась, и пост мы не нарушали никогда.

После Борца батюшка служил в Касимове, а потом уехал в Псково-Печерский монастырь.

У меня уже была семья. Реже стала видеться я с батюшкой, но все серьезные проблемы (мое замужество, работа, учение детей, устройство их семейной жизни) решались с молитвенного благословения и советами батюшки.

Церковь Святых Космы и Дамиана в селе Летово. 1959 г.

На дороге к Летово. 1960-е гг.

На Летовском погосте. 1961 г.

С о. Виктором Шиповальниковым. 1961 г.

Божественная литургия. Печоры. 1983 г.

вспоминает
протоиерей Дмитрий Смирнов

Проповедь, произнесенная 8 февраля 2006 года

Вчера вечером я приехал из Псково-Печерского монастыря, где участвовал в похоронах великого старца отца Иоанна (Крестьянкина). Службу совершали пять архиереев во главе с Псковским и Великолукским владыкой Евсеем; было человек сто пятьдесят священников. Отпевали в Сретенском храме, как отец Иоанн и заповедал. Похоронили его в Богом зданных пещерах в отдельной нише, которая освободилась, потому что прославили преподобного Симеона, который там лежал, и вот туда поместили гроб с телом батюшки.

Ему было уже девяносто пять лет, шестьдесят лет он священствовал. И среди православного церковного народа не было ни одного человека, который бы не слышал его имени. Особенно замечательна у него фамилия, потому что слово «крестьянин» происходит от слова «христианин», у нас оно стало обозначать человека, который работает на земле. Поэтому у него даже и имя, и фамилия христианские: Иоанн – значит «благодать Божия», а Крестьянкин – это уменьшительно-ласкательное от слова «христианин». Как поется в песнопениях, когда прославляют какого-либо святого: «по имени и житие твое».

Отца Иоанна я сподобился знать двадцать пять лет, может быть, даже и двадцать шесть, точно не скажу. И все эти встречи, которые были, конечно, редки – раз в год, иногда чаще, – каждая из них оставалась в памяти на долгие-долгие времена. Потому что отец Иоанн был человек божественный, он в совершенстве обладал христианскими добродетелями, был настоящий святой человек.

Святость его была действительно необыкновенна, потому что святых людей все-таки немало. Хотя все равно это явление штучное, но все-таки мне в жизни достаточно приходилось общаться с людьми по-настоящему святыми. Чем отличался от них отец Иоанн? Тем, что он был человеком, который достиг христианского совершенства, причем достиг уже давно.

Когда мы с ним познакомились, ему было около семидесяти лет. И я даже помню его фразу, когда он восклицал: «Вот, отец Димитрий, ну подумайте, мне же семьдесят лет!» И уже тогда он являл этот образ христианского совершенства, то есть он был готов к Царству Небесному уже очень давно.

Обычно Господь забирает человека в лучший миг его жизни. Некоторые удивляются: «Ну надо же, такой хороший человек и так рано умер!» А это потому, что, когда человек достигнет высшего, на что способен, Господь его сразу забирает, чтобы он не снизил свой уровень. Потому что Бог, как Отец, старается, чтобы человек как можно лучше развился.

А здесь наоборот: отец Иоанн давно достиг христианского совершенства и жил только ради всех нас. Таких людей называли раньше столпами Церкви. Если в церкви столбы убрать, то все обвалится. И без таких людей, как отец Иоанн, все обвалится, потому что на самом деле только они есть Церковь, воплощенное христианство.

Христианство очень просто проверяется. Вот стоит человек – как узнать, христианин он или нет? Плюнь ему в лицо или ударь его по правой щеке. Если он левую подставит, значит, он христианин. А теперь мысленно представим, что кто-то так с нами поступил, – и мы сразу увидим, что никакого христианства в нас нет, а все только мнимое, показное, обрядное. Правила всякие, а настоящего, подлинного корня в этом нет. А в нем это было. Поэтому присутствие такого человека в мире очень важно, оно не дает окончательно этому миру исчезнуть.

Его жизнь была непрестанной жертвой Богу. Он собой пожертвовал полностью, до конца.

Он необыкновенно любил Бога, жития всех святых знал досконально. Все святые угодники Божии ему были как родные. Каждый день он ходил на службу, причащался постоянно, практически наизусть знал Священное Писание. Много раз мне удавалось наблюдать, как он молился и в келии, и на богослужении.

Всегда, когда он совершал Божественную службу, он производил двойственное впечатление: с одной стороны, видно, что это пожилой, кроткий и физически несильный человек небольшого роста. А с другой стороны, все остальное духовенство рядом с ним становилось таким маленьким – пигмеями, как цыплятки. И тем не менее у него было удивительное умение – он никогда ни перед кем не превозносился. Поэтому любой человек, любого звания, самого простого, всегда с ним чувствовал себя равней, и ему очень легко было поверять разные сердечные тайны.

Он каждого человека воспринимал действительно как Бог, то есть целиком, со всеми его немощами. Никогда никого не осуждал. Если печалился, то только о грехе человека, как о болезни. Мог и головой покачать сокрушенно, но всегда с любовью, с каким бы грешником он ни общался. Потому что монастырь есть монастырь, туда разные люди приходят, и даже жулье откровенное. Но нельзя было даже и представить, чтобы батюшка как-то осудил человека или ему что-то грубо сказал. Он со всеми обращался нежно, и эта нежность шла не от воспитания, хотя отец Иоанн был человек глубоко интеллигентный, очень воспитанный. Но это шло именно от глубокой христианской духовной культуры, то есть это было благоприобретенное совершенство.

Вчера за поминальной трапезой читали богословское произведение отца Иоанна о душе, наполненное глубочайшим догматическим содержанием. Он прекрасно ориентировался в догматах православия, был человеком богословски весьма и весьма образованным. Не было такого житейского случая, такой коллизии, из которой бы он не находил выхода.

Пасха. 1982 г.

Он обладал редчайшим даром рассуждения, и мне представляется, что он был единственный на земном шаре человек, который обладал этим даром в такой необычайной степени совершенства. Святые отцы говорят, что этот дар даже больше, чем любовь. Поэтому служение отца Иоанна было старческое. Он прекрасно чувствовал волю Божию, был прозорливым. И, используя то, что люди к нему приходят с таким благоговением, с почтением ловят каждое его слово, Господь через

него являл людям Свою волю. Очень многим людям, которые искали у него совета, он открывал волю Божию, говорил, как им быть. И каждый уходил от него погруженным в любовь.

Первый раз я к нему приехал после смерти старца Тавриона, к которому ездил ежегодно. Я услышал, что есть такой старец Иоанн (Крестьянкин), и поехал посмотреть. И вот очень интересно: мы вошли к нему в келию с моей женой, и он как бы дал мне на себя посмотреть – он со мной вообще не общался, а только с ней: мол, хотел посмотреть, вот и смотри. И потом, помню, как-то сидим у него в келье – ездили всегда по несколько человек, – а он мне: «Что же Вы, батюшка, ничего не спрашиваете?» Я руками развел, и он говорит: «А мне довольно на тебя смотреть?» В древнем патерике тоже есть такой случай. Отец Иоанн и в художественной литературе, и в божественной был очень человек начитанный; несмотря на старость, сохранил прекрасную память.

Его келейник архимандрит Филарет сказал, что он последние годы совсем плохо себя чувствовал, но вообще не жаловался, только иногда охал. Говорит, спрашиваю его: «Батюшка, ну вот Вы так охаете, Вам плохо?» – «Нет, нет, все хорошо». – «А почему же Вы тогда охаете?» – «Мне так легче». Это единственное, по чему можно было заключить, что он как-то нехорошо себя чувствует. Он оставил завещание устное: батюшкам, которые приедут его отпевать, всем раздать епитрахили, и была приготовлена целая коробка картонная с епитрахиями.

Очень интересно, как он умер: в день Новомучеников и Исповедников Российских между ранней и поздней литургией. То есть на ранней его поминали еще о здравии, а на поздней

уже за упокой. Недавно издали диски проповедей отца Иоанна, и первая проповедь – именно на память Новомучеников и Исповедников Российских, как будто он знал день своей кончины. А ведь он как раз и был исповедник. И Господь сопричислил его к этому ряду.

Сейчас уже единицы остались батюшек, которым за девяносто. Они практически все сидели, и отец Иоанн был одним из них. Он пять лет сидел в тюрьме, страдал за свою веру, и если бы Сталин не умер, то еще дольше бы сидел, а так его выпустили чуть пораньше. Он мне рассказывал, что, когда выходил на свободу, начальник лагеря или еще какой чин спросил у него: «Батюшка, Вы поняли, за что Вы сидели?» – «Нет, так и не понял». И тот ему говорит: «Надо, батюшка, идти за народом, – сделал паузу, – а не народ вести за собой». Потому что отец Иоанн смолоду, как стал священником, был очень ревностным, всегда проповедовал, и это привело к такому результату, его арестовали.

Церковь всегда очень высоко ставила исповедников, это был особый чин. По правилам древней Церкви, еще до V века, если какой-то человек пострадал за Христа и остался жив, то он, даже не будучи священником, имел право отпускать грехи. То есть уже тогда, в молодости, отец Иоанн обладал такими высокими дарами христианскими, а в конце жизни это просто был совершенный человек. Поэтому люди к нему так и тянулись. Нет ничего удивительного, что Путин приехал поздравить его с девяностолетием. Потому что к такому человеку все хотели как-то прикоснуться, его услышать. Ему даже приходилось бегать, потому что прохода никакого не было от народа. Я к нему чаще зимой приезжал и так и помню: он

весь укутанный, как кочан капусты, быстро-быстро бежит, а за ним бегут женщины. Такое постоянное зрелище.

Роль подобных людей в Церкви очень велика. Чем отец Иоанн так важен? Тем, что шестьдесят лет окормлял, можно сказать, всю Россию. Тем, что наглядно в себе самом показал, что такое настоящее христианство. Ведь лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Объяснить христианство теоретически, в проповедях, из книги невозможно. А он христианство являл: что такое кротость, что такое незлобие, что такое послушание, что такое мудрость, что такое прозорливость, что такое любовь.

Все христианские добродетели, которые есть, в нем были. Причем были не в зачаточной форме, как в каждом человеке, а в совершенстве. И это очень важно. Потому что какой-нибудь человек придет к отцу Иоанну – и все, он уже знает, что такое христианство. Конечно, если мы захотим такими стать, это не больно-то получится. Для этого надо иметь необычайную решимость, очень глубокую веру, очень сильную волю и, конечно, любовь к Богу.

Поэтому отец Иоанн для меня все эти двадцать пять лет являлся просто украшением жизни, и я с ужасом ждал, когда наступит этот день. Хотя понятно, конечно, что хоть до ста лет доживи, все равно расставаться с этим миром приходится, но тем не менее это большая потеря.

На отпевании о нем много говорили прекрасных слов, и день был такой солнечный, и служба, несмотря на сутолоку, была необыкновенная, какая-то очень живая. Все люди в присутствии покойного отца Иоанна как бы сбросили с себя внешние свои атрибуты, каждый оказался самим собой. Возникла

необыкновенно искренняя атмосфера. Но все же этот день был очень грустный, потому что такого масштаба человека у нас в России больше нет. А если в России нет, то его и нигде в мире нет. А если его на нашем земном шарике нет, среди шести миллиардов людей, то и во Вселенной нет.

Вся наша огромная Вселенная осиротела. Есть, конечно, люди и хорошие, и просвещенные, и духовные, безусловно, но вот такого нет. Они рождаются, может быть, раз в двести-триста лет. Хотя понятно, конечно, что такими не рождаются. Это человек путем христианского подвига таким стал. И после его кончины мы все осиротели.

Конечно, на небесах святых много, они на нас глядят с икон, и среди них людей, достигших христианского совершенства, тысячи, просто тысячи. Взять хотя бы преподобного Серафима Саровского – тоже все виды христианского подвига совершил. А тут, представляете, такой человек жил среди нас! Вчера я в его келье был, присел на диванчик, на котором он всегда людей принимал. Все такое знакомое, родное, потому что там ничего не менялось: как двадцать пять лет назад, так и сейчас. Может, какие-то фотографии новые появлялись, какие-то грамоты от Патриарха, ну а так, в целом, та же самая келья.

К нему приходили разные люди. Даже такой факт: несколько парней на отпевание прилетели на собственных самолетах. Пришли и нищие, и супербогатые, и епископы, и простые священники – разных слоев совершенно люди. И все они питались благодатью Божией, исходящей от отца Иоанна. Он душу человеческую очень хорошо знал. Особенно хороши были его проповеди во время Великого поста и на исповеди. И представьте: каково ему было со всеми нами возиться? Мы

исполнены грехом, всякими страстями: у кого обида, у кого зависть, у кого самомнение. А у него, человека совершенного, ничего этого не было.

Он был чистейший, как ангел, и действительно выглядел просто ангелом. Он всегда благоухал, особенно последнее время. Поэтому ему было легко утешать душу, он вливал в нее небесную чистоту. В церковных песнопениях есть такие слова о преподобных: «Во плоти ангел, небесный человек...» – и отец Иоанн был прямо такой. Его можно и канонизовать, а можно и нет – это ничего не меняет абсолютно. На отпевании никому в голову даже не пришло говорить, что пусть Господь простит ему грехи. У него их не было, человек абсолютно совершенный. Это, конечно, диво дивное.

Такие люди, как отец Иоанн, молятся за весь мир, и он на литургии, помню, всегда поминал какое-то необыкновенное число, тысячи и тысячи имен. И по его молитвам Бог совершал много действительно настоящих чудес. Многие люди ему письма писали, он до последнего отвечал. Сам уже писать не мог, диктовал келейнице. Она запишет, а он потом подпись поставит: А. И. – архимандрит Иоанн. Тысячам людей посылал поздравления с Рождеством, с Пасхой. Эти поздравления сейчас изданы, можете почитать, вчитаться – очень глубокие, необыкновенные, там нет ни одного лишнего слова.

От избытка сердца глаголят уста. Отойти как-то от этих событий, похорон отца Иоанна сразу невозможно. Придется еще долго переживать, вспоминать об этом, потому что событие огромное, вселенского масштаба. Если собрать всех людей, то он – первый. Потому что если таких людей среди нас нет, то и жизнь как-то бессмысленна. А отец Иоанн не только украшает нашу жизнь, он показывает, к чему мы можем стремиться. Аминь.

На приходе. 1985 г.

Чин о Панагии. 1990 г.

Благословение на Успенской площади. Печоры. 1973 г.

вспоминает
священник Филипп Филатов

Встреча

С отцом Иоанном меня познакомил Николай Иванович Гришин. В ту пору, а это было самое начало 70-х годов, Николай Иванович, занимаясь наукой, исследовал серебристые облака и часто по долгу службы ездил в прибалтийский город Тарту. На обратном пути он по возможности заезжал в Псково-Печерский монастырь. В мою первую поездку к отцу Иоанну ежедневный поезд Москва – Таллин привез нас на станцию Печоры на рассвете. В пять тридцать к вокзалу подошел рейсовый автобус, который и доставил вновь прибывших прямо

к стенам монастыря. Монастырские ворота распахнулись нам навстречу – и монахи стали устраивать приехавших паломников. Женщинам давали адреса, где они могли остановиться на ночлег, мужчин, собиравшихся потрудиться, определяли на послушания. У меня почему-то с первых минут пребывания в монастыре возникло дивное ощущение того, что я приехал к родным, здесь меня ждут и мне искренне рады, меня приняли как своего.

Вспоминаю свою первую встречу с отцом Иоанном. Я увидел старца приятной внешности, очень благоговейно относящегося к людям, с отеческой заботой обо всех, кто бы ни приходил к нему. Он ласково, как любящий отец, обращался со всеми, и это его отношение сразу же передавалось тебе, и ты начинал думать: «Господи Милостивый, какой человек! Какой великий, какой энергичный, его энергии и тепла хватает на всех! И откуда они берутся? Конечно, от молитвы. Хоть чуть-чуть побыть рядом с ним, хоть прикоснуться к нему, хоть одно-два слова сказать. А если он уделит тебе хоть пятнадцать минут, это великая награда!»

За пятнадцать минут общения батюшка столько мог вложить в твое сердце! Столько доброго и светлого! На все житейские вопросы и нужды батюшка говорил: «Прежде всего – молитва и терпение!»

Помню, как сразу же по нашем приезде отец Иоанн, узнав, что я собираюсь пробыть в монастыре около двух недель, а не день-два, обрадовался и повел меня к благочинному за пропиской. Но то ли в монастыре не было свободных мест, то ли по каким-то иным причинам с моей пропиской возникли проблемы. Тогда на веские доводы игумена монастыря батюшка

с улыбкой возразил: «Нет, но как же, Вы только посмотрите на него – человек-то потрудиться приехал, да и вид у него весьма благопристойный. Нельзя его не прописать, он пожить у нас должен, непременно пожить!» Надо отметить, что тогда я еще не был священником, да и не совсем ясно представлял для себя этот путь. Но именно эти посещения Псково-Печерского монастыря определили мое духовное устройство как священника.

Отец Иоанн ко всем, кто бы ни приходил к нему, относился как к детям. Все мы, независимо от нашего возраста и социального положения, всю жизнь остаемся детьми и нуждаемся в сочувствии, ласке и утешении. Придет старушка на исповедь, кажется, все-то уж ей ведомо, и детей подняла, и внуки уж повзрослели, чем ее жизнь удивит или обидит? – ко всему притерпелась! А приобнимешь ее за плечи, ласковое слово какое скажешь, и откроется она навстречу теплу, начнет рассказывать свои застаревшие скорби и печали – то сын обидит долгим молчанием, то невестка что-то резко ответит. Вот и заплачет бабулька, вот и выскажет потихоньку все, что на сердце болит и давит, выскажет, утрет слезы, расправится, заулыбается. Всё всем простила, со всеми опять в мире да любви, пойдет из храма с облегчением, с радостью. Так, мне кажется, должны люди сейчас уходить из церкви, всех надо утешить, всех приголубить. Этому меня научил отец Иоанн. Батюшка в любой ситуации находил слова ободрения и утешения для людей, с которыми Господь приводил его повстречаться.

Поезда

Помню, мы как-то ехали в поезде в Москву. Николай Иванович и я сели в этот поезд в Печорах, предварительно купив билет и для отца Иоанна, он должен был подсесть к нам в Пскове, решив какие-то административные вопросы перед поездкой к патриарху Пимену. В Пскове батюшка вошел к нам в купе, улыбнулся, сел, и сразу же завязался общий разговор. Спать-то мы в ту ночь, конечно, не спали – разве можно тратить время на сон, когда рядом такой человек!

И вот наш сосед, четвертый пассажир купе, посетовал отцу Иоанну, что после фронтовой контузии он плохо слышит. И такая печаль была в его речи, в его голосе. Отец Иоанн взял его за руку: «Милый, ну подумай, зачем тебе все-то слышать? Ведь в речи и брань, и пустого много. Зачем все-то слышать? А что тебе надо, то ты услышишь, то Господь для тебя непременно откроет. Так-то и лучше, поди, для тебя не все-то слышать». И так он это мягко сказал, столько любви было в словах батюшки, так мудро он раскрыл для человека пользу в постигшей его немощи, что повеселел наш сосед, оживленнее стал его разговор.

Пришло время перекусить, придвинулись к столику, достали еду. Фронтовик выложил свои продукты, мы – свои. На столе оказалась воздушная булка белого хлеба, завернутая в легкую красивую бумагу. Отец Иоанн сказал: «Вот завернули хлебушек, а зачем? Грязи-то на нем уже целый слой!» Мы всполошились: «Как так грязь? Хлеб только из магазина, да и не припомним, чтобы мы его где роняли, а тут – целый слой?» Батюшка уверенно кивнул головой: «Да,

целый слой грязи. Смотрите сами – хлеб-то нынче какой: пашут с матом, сеют с матом, убирают с матом, пекут с матом и продают тоже с матом. Вот вам и грязь, сколько ее». «Что же делать?» – почти в один голос спросили мы. «Не переживайте. Мы хлебушек перекрестим – нечисть и разлетится. Помолимся, и отступит вся грязь. Кушайте на здоровье». Эту поездку я хорошо помню.

На наше беспокойное замечание о том, что ему нужно отдохнуть, отец Иоанн ответил: «Да что вы, я не устал!» Но мы-то знали – за эти дорожные сутки батюшка поспал всего часа два. Обычно на отдых он урывал часа четыре из двадцати четырех, остальное время – молитва, послушание, общение с бесконечным потоком людей, которые все шли и шли к нему за советами.

Мне хорошо памятен один из моих первых приездов в Псково-Печерский монастырь. Утро. Монастырская трапезная. Братия, вернувшись из храма после молитвы, чинно устраивается вдоль длинных деревянных столов. Трудники трапезуют практически тут же. И вдруг по столам проходит волна – батюшка Иоанн идет, батюшка Иоанн идет! А надо сказать, что келия отца Иоанна была расположена за трапезной, в глубине коридора, и сидевшие с краю столов люди могли видеть дверь его келии.

Приехавшие в монастырь тотчас окружили отца Иоанна плотным кольцом. Те, кому посчастливилось оказаться в центре кольца рядом с батюшкой, о чем-то спрашивали его, что-то просили, те же, кто не мог пробраться к нему ближе, через головы стоящих впереди протягивали руки за благословением. На ходу благословляя самых прытких, отец Иоанн постепенно продвигался по коридору к выходу. При этом он

периодически выставлял руки ладонями вперед и, ласково улыбаясь, скороговоркой говорил: «Скорый поезд, скорый поезд. Наместник вызывает. Ой, что будет-то, что будет! Скорый поезд, скорый поезд!» Так он пытался объяснить окружившим его людям свой безотлагательный уход и его необходимость.

«Скорый поезд, скорый поезд!» – присказка отца Иоанна, помогавшая ему мягко уйти от людей, жаждущих постоянного общения с ним. Эту его присказку хорошо знали и понимали постоянные посетители Псково-Печерского монастыря. Я же и по сей день копирую в этом отца Иоанна, стараясь так же, как и он, с любовью произносить: «Скорый поезд, скорый поезд. Настоятель вызывает!» Эти простые слова ласково и убедительно говорят окружившим священника людям о том, что он действительно должен идти по делам, о том, что он шутит, упоминая о поезде, но в то же время дела его безотлагательны.

Впоследствии я часто становился свидетелем подобных ситуаций. То батюшку поджидали после службы у дверей храма, где он служил, то старались перехватить на монастырском дворе. И что я еще очень хорошо запомнил – отец Иоанн, как бы ни был занят, куда бы ни спешил, никогда не отказывал людям в благословении, всегда находил минуту-другую для ласкового слова, для улыбки. Иногда отец Иоанн пытался скрыться незаметно, выходя не через главные двери собора. Но куда там! Информация об этом мгновенно распространялась среди людей. И вот глядишь, уже окружили и эти двери, ждут.

Марьюшка

Как-то один человек, часто приезжавший к батюшке и подолгу живший в монастыре, засомневался. Он хотел оставить мирскую карьеру, весьма удачно складывавшуюся у него до этого времени, и стать священником. На дворе были трудные для Церкви времена, а у него – жена, дети. «Отец Иоанн, а вдруг голодать станем. И ладно бы я, а то – дети...» – «Да что, о чем ты? – удивился батюшка. – Вот я в Рязани жил, времена были такие... Так там утром встану, гляжу, а на окне уже кринка с молоком стоит. Ночью после молитвы спать ложился – в домике напротив свет еще горел – Марьюшка, соседка, по хозяйству хлопотала.

Огород, коровка, дом, семейство. На рассвете на молитву встаю – а у нее уже свет горит. Да и обо мне она не забыла – молочко свежее уже ждет. И когда она, моя умница, все успевает, а отдыхает-то когда? Священник на Руси никогда голодным не останется. С ним последним куском добрые люди поделаются, от себя отнимут, а батюшку накормят. И ты голодать не будешь, а так только – как и все. Не все легко, но и всем нелегко».

Такой была батюшкина вера в людей, его безграничная любовь к ним.

Гостинцы

Отец Иоанн никого никогда не отпускал домой без гостинцев и подарков для близких и детей. Да и все, кто приезжал к батюшке, приезжали не с пустыми руками. Я ездил к отцу

Проповедь в Михайловском соборе. 1971 г.

Иоанну по благословению отца Дамиана. Отец Дамиан и его матушка Лия Петровна были духовными детьми отца Иоанна, он окормлял всю их семью. Сейчас отец Дамиан служит в одном из московских храмов, а тогда он был клириком храма Святителя Алексия в Середникове.

Середниковский храм, окончательно построенный к середине XVIII века, не закрывался никогда. Красивый, намоленный, он помнит и пение Шаляпина на своем клиросе, и молитву Лермонтова, и частые посещения Петра Аркадьевича Столыпина. Посещал Середниковский храм и отец Иоанн.

Так вот, как-то собираясь уезжать домой, я по обыкновению зашел к отцу Иоанну проститься и взять благословение на обратный путь. Отец Иоанн стал одаривать меня: «Возьми, я тебе хлебушка монастырского приготовил, и деточкам твоим конфеты послать надо, у тебя ведь их двое, хорошо. Постой, а отцу Дамиану-то ведь тоже гостинчик передать нужно».

Отец Иоанн вынул коробку конфет, смотрит на нее и говорит мне: «Слушай, а это не та, которую отец Дамиан прислал мне?» – «Не знаю, батюшка». – «Нет, нехорошо это мы с тобой придумали, давай-ка ему что другое пошлем. Да и деток у него уже трое, и им гостинчиков непременно». Ни о ком не забывал дорогой батюшка, помнил, у кого сколько детей, у кого родители престарелые, всем что-то дарил, всех по-доброму баловал.

Монастырь

В те годы, когда я ездил к отцу Иоанну, примерно с 1971 по 1977-й, в Псково-Печерском монастыре было не так уж много насельников. Постепенно братия стала узнавать меня, да и я воспринимал монахов как родных, близких братьев. Рабочие руки там были нужны и зимой и летом – то дрова поколоть, то на строительстве. Тогда у нас были хорошие отношения с Таллином, и монастырь мог покупать там и кирпич, и другие строительные материалы. У нас-то при советской власти ничего было не достать, а Таллин снабжал хорошо.

Помню, как однажды мне пришлось перепилить на циркулярке две машины дров. На второй день работы у меня опухли обе кисти рук, видимо, я их сильно растянул. Старший монах,

который руководил работами во дворе монастыря, очень переживал за меня, он вообще долго считал меня за интеллигента, далекого от физического труда. А другой монах все никак не мог поверить в то, что я не батюшка, а мирянин. «Ты батюшка?» – «Нет, не батюшка». Когда мы уезжали, он поехал провожать нас и уже на перроне опять тихо спросил меня: «Ну, скажи – ты батюшка?»

Я приезжал домой из монастыря отдохнувшим и обновленным, энергии хватало на целый год. Перед отъездом отец Иоанн всегда велел зайти к нему и благословлял на дорогу. «Подойди, приложись к святыньке, – говорил он мне, подводя к иконе Богородицы. – А теперь давай прочитаем акафист твоему святому – Филиппу, да попросим его о путешествующем».

После акафиста батюшка окроплял меня святой водичкой: «Ты рубашечку-то расстегни поглубже, чтобы покропить. Вот так, до сердечка, до самого сердечка. А хлебушка-то я тебе сейчас монастырского принесу». И вот эта забота, а отец Иоанн как на крылышках летал, так трогала! У него такое сердце, которое всех вмещает и никого не отвергает. Для меня это было живой водой, я ее впитывал, впитывал, и мое сердце соединялось с его сердцем, и мне хотелось только таким быть. Только так относиться к людям, как отец Иоанн.

В монастыре были и другие батюшки, и, конечно, к ним приезжали и приходили и за советом, и на исповедь, но к отцу Иоанну не шли, а валом валили люди. Тянулись к его сердцу, горячему сердцу, которое всех обогревает, шли за теплом.

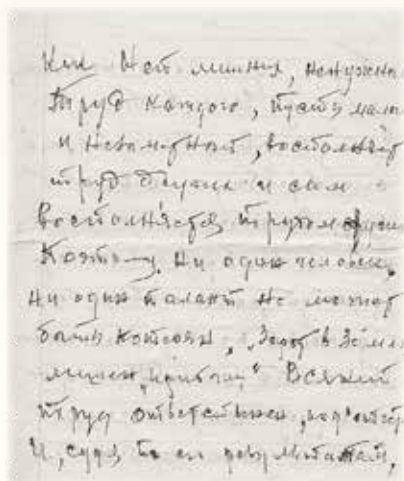
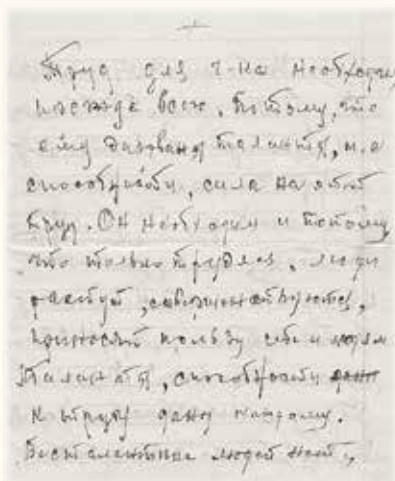
Мы ездили в монастырь за духовной пищей. Две недели жизни в монастыре делали меня совершенно спокойным и уравновешенным, здоровым душевно человеком на год вперед. Когда

Печоры. Чин монашеского погребения. 1974 г.

я смотрел на красивых молодых монахов Псково-Печерского монастыря, у меня возникали робкие мысли о моем священстве. Иногда я тихо спрашивал отца Иоанна: «Батюшка, а я могу стать священником?» – «Конечно, а почему же нет? Ты веруешь, венчан, надо тебе еще правило ведения служб изучить, все потихоньку», – отвечал батюшка. Думал я и о том, что, зная я монастырскую жизнь до женитьбы, то непременно стал бы монахом, ушел бы в монастырь. Мне очень хотелось хотя бы внешне походить на монахов – я отрастил бороду.

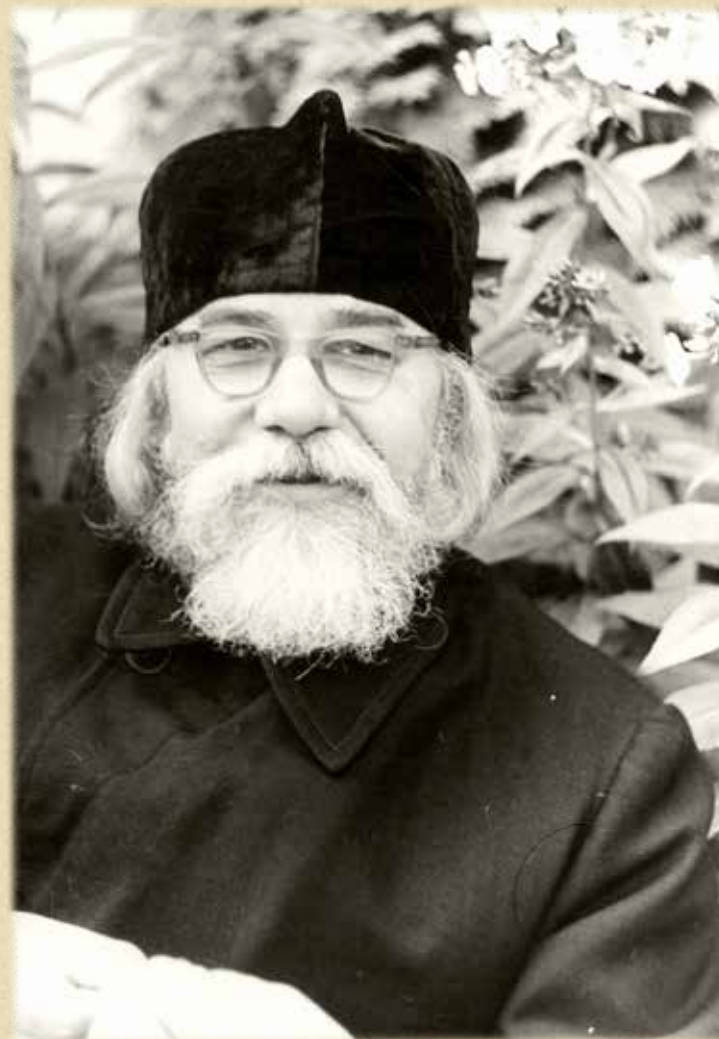
Мы начинаем ходить в храм, и еще не все понимая и улавливая больше нечто внешнее, чем глубинное, внутреннее,

Письмо, написанное рукой о. Иоанна

постепенно впитываем в себя слова молитв, постепенно отмы-
ваемся от своего грешного состояния, потихонечку очища-
емся. Так и я впитывал в себя тепло и благодать, исходившую
от отца Иоанна, отогревался, отмывался, учился жизни на
примере батюшки, боясь упустить хоть один его жест, хоть
одно слово. Тогда же, еще не будучи в сане священника, я
много почерпнул из его наставлений приезжавшим к нему
за советом священникам. Сейчас эти советы отца Иоанна бес-
ценны для меня как для пастыря.

Батюшка мне стал самым близким для души человеком,
который просто, мудро и высокодуховно все разъяснял,
наставлял и утешал, весь светился добром и любовью.

Переделкино. 1980 г.

Переделкино. За чтением. 1980 г.

Панагиар – архимандрит Иоанн. Печоры. 1977 г.

Чин о Панагии. Печоры. 1978 г.

Вспоминает диакон Дмитрий Поляков

Моя первая встреча с батюшкой произошла в октябре 1972 года. Впоследствии эти встречи, можно сказать, стали регулярными. Я приезжал в Псково-Печерский монастырь к своему отцу – монаху Дионисию (в миру Петр Николаевич Поляков), который подвизался в обители с 1968 по 1998 год. Еще до ухода отца в монастырь его духовным наставником в Псково-Печерском монастыре был игумен Феофан (Малявка), и, будучи послушником более семи лет, он окормлялся духовно у отца Феофана.

Только после пострижения моего родителя в иночество и монашество духовником его стал батюшка отец Иоанн (Крестьянкин). Первые мои встречи с отцом Иоанном были довольно скоротечны и ограничивались краткими вопросами и благословением. За его общительное и участливое отношение при самых серьезных вопросах, за его шуточный и веселый тон при разговорах и, в первую очередь, за внешнюю схожесть с главным героем сказок Корнея Чуковского я про себя «окрестил» его доктором Айболитом.

И этот доктор действительно лечил, и лечил, в первую очередь, души обращавшихся к нему отчаянных, потерявших веру, смысл жизни и нравственные ориентиры людей. Наставляя, уча, вразумляя и исправляя.

Не помню, в каком году и по какому вопросу пришел к папой к отцу Иоанну, видно, надо было разрешить какое-то недоумение. Но почему-то эта встреча в корне изменила мое представление о нем, более того, она изменила мое представление и понимание жизни. В тот раз я ушел от него растерянным и потрясенным и всю ночь не мог уснуть, вспоминая и переживая каждое слово старца. Помнится, разговор шел о роли человека в этом мире, о смысле жизни, о нашем предназначении.

Придвинувшись вплотную (а батюшка был не худенькой комплекции), чуть даже навалившись и обняв меня одной рукой за плечи, он начал говорить прямо в ухо, обдавая горячим дыханием, в перерыве между монологами отодвигаясь и отстраняя меня. Такой содержательной и взволнованной речи, такой искренней, доступной, наполненной изречениями и примерами из жизни святых отцов и Священного Писания,

мне прежде не доводилось слышать. Можно сказать, что он открыл мне глаза на мир доселе мне неизвестный и перевернул все мое сознание и понимание о предназначении человека.

Уехав из монастыря, я долго не мог прийти в себя от этой необычной встречи. По приезде домой начал переосмысливать свою жизнь: свои дела, поступки, следить за своей речью, пытаться молиться утром и вечером.

Не знаю, откуда и почему у меня родилась мысль поступить в духовную семинарию. Может быть, потому, что тогда, в 70-е годы, в Духовной академии города Ленинграда учился муж моей сестры – священник Иоанн Титов, который и дал мне рекомендацию для поступления в семинарию.

И вот с этой мыслью и рекомендацией поехал я в обитель испросить благословения у старцев. В первую очередь я поделился своими намерениями с родителем. Как мне показалось, он обрадовался моему желанию (втайне он хранил эту мечту), что когда-нибудь я стану священником. За советом и благословением пошли к отцу Иоанну.

К моему замыслу батюшка отнесся настороженно, без всякого восторга, но и не разубеждая. Предварительно рассказав вкратце, каким должен быть священник и что ждет его в пастырской жизни, в конце нашей беседы отец Иоанн дал мне какую-то объемную книгу, в которой содержались канонические препятствия к принятию священнического сана. По всей вероятности, это была книга правил святых апостолов, святых вселенских и поместных соборов. Место, которое я должен был прочитать и применить к себе, оказалось как раз каноническим прещением к священству.

Оставив меня одного на некоторое время со своей совестью, батюшка вышел, предоставив время для раздумья. Все было понятно, кроме одного слова, значение которого я не знал и которое отец Иоанн, вернувшись, разъяснил мне. И это был тот самый «камень преткновения». Совесть обличала меня, и я уехал, так и не сознавшись в этом грехе. Вопрос о поступлении в семинарию автоматически отпадал, а признаться и покаяться в содеянном грехе не мог – стыд жег душу.

Вернувшись домой, я все-таки написал батюшке письмо с указанием причины своего недостойнства быть священнослужителем, да и то совершенно иной. Старец, как мне помнится, даже не ответил на мое признание, провидя мой обман и лукавство. Но в одном из разговоров как-то отец Иоанн произнес такие слова: «Служить пойдешь, когда исполнится 50 лет. Не забывай, что не мы выбираем Бога, а Он нас».

Шли годы. Вопрос о поступлении в семинарию больше не поднимался, а желание учиться оставалось. И каждый прошедший год я отсчитывал как личную потерю чего-то очень важного и нужного. Но знал и чувствовал, что надо учиться. Долгое время я никак не мог определиться, куда все-таки поступать, в какой вуз: то ли в Институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта (в те годы я еще активно занимался спортом), то ли по специальности – в Институт железнодорожного транспорта. Но больше всего меня интересовала история – история нашего государства, нашего Отечества.

Наконец-то «созрел» и решился, что буду поступать на исторический факультет Ленинградского государственного университета имени Жданова. Помня и зная, что без благословения ничего не делается и никакие плоды не могут

Монашеский постриг. 1970 г.

произрасти, опять поехал в обитель к отцу Иоанну. Был с папой и у отца Феофана, и на мой вопрос о поступлении в университет батюшка отреагировал вопросом: «А надобно ли тебе это?» Не удостоверившись подобным ответом, решил все-таки справиться у отца Иоанна. Тогда папа стал просить встречи у старца. То ли отец Иоанн не хотел меня принять, то ли был очень занят, но ответ был подобный феофановскому: «А нужно ли ему это?»

Из обители я уехал в растерянности и недоумении. Что делать и как поступить? Но так как начал готовиться к поступлению, решил продолжать начатое дело. Для чего съездил в Питер (так мы, жители Ленинградской области, называли тогда город Ленинград) на могилку к блаженной Ксении, где и просил ее, чтобы она помогла мне в сдаче экзаменов.

В августе 1977 года я подал документы и сдал экзамены на заочное отделение исторического факультета Ленинградского университета, но не прошел по конкурсу. То, что просил у блаженной, то и получил. Экзамены сдал, а поступить не поступил. Но я не был разочарован и на следующий год решил повторить попытку с поступлением (благо, что какой-то опыт уже имелся), совершенно не сообразуясь со словами старцев.

Однако в 1978 году меня перевели, в связи с производственной необходимостью, с Киришского нефтеперерабатывающего завода на промывочно-пропарочную станцию. Времени для подготовки в вуз стало меньше, и желания тоже. Так мое стремление и желание учиться постепенно остыло само по себе, по воле Божией, выраженной благословением старцев.

В нашем молодом и современном городе Кириши, построенном практически заново в 60–80-е годы и строящемся и поныне, не было православного храма, и верующие вынуждены были ездить в другие города для духовного окормления. В основном ездили в Ленинград. В результате этих поездок я познакомился с православными земляками. Началось общение. Встречи и беседы проходили в основном в электричках, по дороге в храм Божий.

Не помню точно, кем и когда была высказана мысль о строительстве храма в Киришах. Это предложение многим при-

шлось по сердцу. Со временем эта мысль утвердилась и приняла формы активного действия. А так как не знали, с чего и как начинать, решили собирать подписи и писать заявления.

Написали в исполнительный комитет города Кириши, прошение митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Антонию, уполномоченному совета по делам религий Ленинградской области Г. С. Жаринову, Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену, уполномоченному совета по делам религий при Совете Министров СССР об открытии храма в нашем родном городе. Но во всех государственных учреждениях встречали непонимание и неприязнь, либо нежелание разговаривать на эту тему, либо долгое молчание.

Тогда мы решились действовать более решительно. Собрали инициативную группу и одного представителя – Антонину Васильевну Зайцеву – направили в Москву к уполномоченному по делам религий при Совете Министров СССР. Сам же я поехал в Ленинград к уполномоченному Г. С. Жаринову.

Как в первом, так и во втором случае, кроме нелицеприятного разговора, оставившего тяжелый и неприятный осадок, ничего не получили. После неудавшихся встреч с высшими представителями религиозных учреждений мы собрали представительную делегацию из числа православных верующих города Кириши и поселка Будогощь и «осаждали» исполнительный комитет города в лице председателя Киришского горисполкома Н. К. Дробязко. Но и в этом случае не имели никакого успеха, кроме повышенного внимания со стороны властей и представителей Комитета государственной безопасности.

После неудавшегося общественного похода в исполнительный комитет в нашей «двадцатке» – будущем приходском

совете – начались разногласия, обиды и упреки по поводу неявки в исполком некоторых будущих прихожан из-за нежелания более активно заниматься вопросами открытия храма. Начались выяснения отношений, ссоры и претензии. Дело затормозилось и приостановилось. И только после этого мы осознали, что благословения заниматься вопросами открытия храма у нас ведь нет.

Надо было ехать в Псково-Печерский монастырь. И я поехал с уверенностью, что буду не только принят отцом Иоанном, но что он благословит и похвалит за такое богоугодное дело. Но каково же было мое разочарование, когда после рассказа батюшка озадачил меня вопросом: «А зачем строить, зачем открывать?» Я был ошарашен: «Как не открывать, как не строить? Ведь город-то молодой, нет ни одного храма в районе. Детей надо крестить, молодых венчать, стариков соборовать, покойников отпевать». Отец Иоанн, видно, понял мою растерянность и сказал: «Придет время – откроют!»

На этот раз домой, в Кириши, вернулся возмущенным и разочарованным, рассказав своим единомышленникам о встрече с отцом Иоанном. После этого свидания с батюшкой мы еще как-то по инерции ходили в исполком, ездили на прием к секретарю митрополита, посещали близлежащие деревни, где раньше были храмы, но энтузиазма и надежды на разрешение вопроса уже не было. Тем более что неприязненные отношения между собой не способствовали общему делу.

И только по истечении определенного срока, «когда пришло время» – 7 января 1991 года – храм в городе Кириши был построен, открыт и освящен. В данное время в Киришах есть действующий храм, что на Черной речке, молитвенный дом

в самом городе и строящийся храмовый комплекс в самом центре города. Оказывается, отец Иоанн был прав. Пришло время – открыли!

Так как по своему характеру и натуре я был и остаюсь деятельным и активным человеком, то после неудавшегося общего дела по открытию и строительству храма решил, что надо иметь собственную дачу. Для чего присмотрел в деревне Кусино бревенчатое бесхозное здание бывшей деревенской школы и загорелся желанием построить из него дачный домик. В те годы я работал дежурным электромехаником тяговой железнодорожной подстанции «Тигода». Времени свободного было достаточно. К тому же деревня Кусино была в километре ходьбы от подстанции, где и находился купленный мною сруб бывшей школы.

Словом, все благоприятствовало строительству. Нашелся и человек, который относительно недорого взялся срубить домик. Между делом вспомнил, что надо посоветоваться с папой и взять благословение отца Иоанна на строительство. Без всякого сомнения, что получу желаемое, пишу письмо родителю. Не знаю, ходил ли он к отцу Иоанну, но получаю неодобрительный ответ на мое предложение. Опять в недоумении: «Что в этом плохого? Люди трудятся, строят дома, работают на участках. Заняты полезным и нужным трудом. Почему не могу трудиться для пользы своей семьи?» Не вняв доброму совету, продолжаю начатое дело по строительству. И когда сруб дома был уже собран и его надо было определять на место, мы переехали в другой город.

Дело в том, что многие годы у нас с супругой шли разговоры о переезде на малую родину, в город Богородицк Тульской

области. Лично я не испытывал особого желания переезжать, но супруга и дети желали и просили согласия на переезд. По этому вопросу (по перемене места жительства) у меня был разговор с папой, и мы опять обратились за советом к отцу Иоанну.

Помнится мне, что в тот приезд батюшка принимал нас вместе с моей женой в своей келье. Поприветствовав и благословив нас, старец спросил: «Кем доводится тебе эта женщина?» Я ответил, что это моя супруга. «Правильно сказал, Димитрий. А то отвечают непонятно: это матушка, матушка моя! А кто она на самом деле, и неизвестно. Именно жена есть с-упруга, потому что ходите в одной семейной упряжке».

В конце беседы на мой вопрос о перемене места жительства батюшка отвечал очень мудро и рассудительно: «А вы подайте объявление об обмене в город Богородицк и Печоры, и там, где вам первые ответят и дадут согласие, туда и переезжайте».

Дело в том, что я был склонен на переезд в Печоры. Но первые ответили и предложили обменяться квартирами богородчане. В срочном порядке рассчитались с работы, забрали документы старшей дочери из школы и младшей из садика, отправили контейнер с мебелью и вещами по назначению.

А дачный домик остался непроданным и по сей день. Истрачены деньги на покупку сруба, заплачены деньги мастеру за работу. Так я опять был наказан за свое непослушание и своеволие. После этого случая полностью убедился и понял я, что не только надо слушать, но и подчиняться тому, что говорят старцы.

Была еще одна история в моей жизни, связанная с отцом Иоанном. Мы еще жили в Киришах, а я работал на подстан-

ции – ЭЧП-19. Место было захолустное в Новгородской области. Подстанция находилась в лесу. Сама же станция Тигода была незначительна и малочисленна по населению. На прилегающей к станции территории стояло несколько частных домиков и двухэтажный панельный дом на восемь квартир.

Дом практически пустовал, лишь две квартиры были заселены. В одной квартире жила супружеская пара с внуком – мальчиком Женей лет шести-семи. У этого мальчика были отец с матерью, лишенные родительских прав, и поэтому ребенок жил у деда с бабкой. А так как эти люди тоже были пьющие, то они не отличались особой заботой о ребенке, и когда уходили на работу, мальчик был предоставлен самому себе. Зачастую был голодным. Как все бездомные, бесприютные дети, он целыми днями слонялся по станции и, не имея товарищей-сверстников, вынужден был искать человеческого общения со взрослыми. Иногда забредал к нам на подстанцию, и мы подкармливали его своими «тормозками» (термосами, в которых приносили с собой еду).

Женя был смышленным и бойким мальчиком; к тому же не совсем испорченным. У меня родилась мысль усыновить этого хлопца. Через некоторое время после принятого решения пишу письмо отцу Иоанну о желании усыновить Женю, но получаю письменный отказ. На этот раз я уже не своеволичал и исполнил совет старца как волю Божию, тем более что уже было принято решение на переезд.

Подобный, похожий случай с усыновлением произошел и в Богородицке. К этому времени мы имели пятерых детей. Трое, Лиза, Дуняша и Ксюша, ходили в детский садик «Радость». В этом детском саду находилась группа отказных, бездомных

Игумен Иоанн. 1970 г.

и отобранных у родителей, лишенных родительских прав, детей, так называемая сиротская группа.

Иногда мы брали на выходные дни из этой группы к себе в семью мальчика. Звали его Петя. Ребенок был смышленным и отличался бойким характером. Петя быстро во все вникал, всем интересовался и был чересчур активным. Наши дети с ним освоились и подружились. Со своей стороны мальчик вошел с ними в контакт и сблизился. Нас же принял за род-

ных и, к чрезмерному нашему удивлению, стал называть меня папой, а супругу мамой. Тогда у меня родилась мысль усыновить Петю.

Супруга же возражала, апеллируя, что у нас своих детей хватает и их надо, в первую очередь, вырастить и воспитать. К тому же у Пети была странная болезнь нервного свойства. Иногда по ночам, не просыпаясь, Петя садился в кровати и начинал раскачиваться. Утром же он вставал бодрым и веселым, как ни в чем не бывало, шел в садик. Болезнь мальчика настораживала, пугала и огорчала нас.

Но жалость к больному и беззащитному ребенку превышала мой страх в надежде, что в нашей семье он поправится. Жена стояла на своем и ввиду моей неуступчивости предлагала обратиться к отцу Иоанну за советом. Что я и сделал. Ответ последовал незамедлительно и вопреки моему желанию был отрицательным. Спорить и доказывать – бессмысленно, надо было слушаться и подчиняться.

Впоследствии Петя умер от сердечной недостаточности. Что было бы, если бы он умер в нашей семье? Что нам пришлось бы пережить? Так батюшка очередной раз вразумил и отвел от нашей семьи очередную беду.

В конце ноября 1985 года мы переехали в Богородицк. В августе 1986 года у нас родилась третья дочь, во святом крещении Елизавета. И в течение последующих трех лет у нас родились еще две дочери: Евдокия (во святом крещении Александра) и Ксения, названная в честь блаженной Ксении Петербургской.

Вот тогда-то я и вспомнил, почему старец не дал благословение на усыновление Жени и Пети.хлопот и забот хватало и

со своими детьми. Видно, старец предвидел и знал мою будущую жизнь. Но, несмотря на всю свою занятость и заботы, связи с монастырем я не терял, переписываясь с папой и получая от него ответы от батюшки отца Иоанна. Иногда вырывался сам и приезжал в обитель.

Как-то в один из приездов в беседе с отцом Иоанном была затронута тема любви к врагам. Я недоумевал, как это можно любить врагов? Батюшка долго и убедительно на примере святых отцов и подвижников веры убежденно говорил о возможности и необходимости жалеть и любить наших недругов. Но, видно, понимая, что его слова мало до меня доходят, в заключение сказал: «Да! Это тяжело и трудно делать. На начальной стадии хотя бы не делай им зла».

Любовь и сострадание к человеку у отца Иоанна были безграничны. Он встречал и приветал людей, невзирая на ранги и положение в обществе. Для него все люди были равны и в равном достоинстве. Для всех он был открыт и доступен. Со всеми был ласков и обходителен – будь то президент, генерал, космонавт, актриса, простой рабочий, пенсионер или домохозяйка.

Особой любовью его были дети. Он весь расцветал и светился любовью и нежностью, когда к нему подходили под благословение малыши и отроки. Он щедро отдавал все, что только мог. Не было такого случая, чтобы, уезжая из обители, я оставался без напутствия и благословения, без гостинцев и подарков не только лично мне, но и каждому члену семьи. Это были иконки, нательные крестики, образки, книжечки или благовонное масло, освященное на мощах или от чудотворных икон, привезенные в подарок старцу с Афона или

Святой Земли. И с какой радостью он одаривал, благословляя и напутствуя, с глубоким смыслом, объясняя значение каждого дарованного предмета.

Обычно встречи и беседы с батюшкой были продолжительны, по несколько часов, но я даже не замечал, как быстро летело время. Другое дело, когда время поджимало и надо было спешить на автобус или поезд. Зачастую билеты уже были куплены предварительно, но старец как бы и не замечал моего беспокойства и продолжал что-то увлеченно рассказывать.

Я с тревогой посматривал на часы, высчитывая, сколько осталось времени до отправления, и переводя беспокойные взгляды на родителя. На что отец Дионисий спокойно реагировал: «Успеем! Не переживай!» Однако отцу Иоанну напоминали, что мы спешим и можем опоздать. Тогда батюшка начинал молиться о «в путь шествующих». Затем усаживал на диван и начинал помазывать елеем лоб, глаза, щеки, уши, шею. Далее окроплял святой водой и остатки выливал за шиворот. Затем еще раз преподавал благословение и отпускал восвояси.

Взволнованный и убежденный, что на автобус уже опоздал, так как время отправки давно истекло, но в душе надеясь на чудо, нагруженный сумками с подарками и гостинцами, почти бегом бежал на вокзал в сопровождении моего отца. И – о чудо! – автобус всегда стоял, как бы поджидая именно нас. Такие проводы были постоянными, и почему-то рейс всегда задерживался, как бы сознательно дожидаясь лично меня.

В августе 1994 года нашу семью постигло несчастье, но если смотреть по-христиански – посещение Божие. Заболела супруга. Врачи поставили ей диагноз – онкология левой груди. В страхе и недоумении, как поступить и на что решиться, обра-

тились за советом к папе моему и отцу Иоанну. И вскоре получаем от папы ответ и батюшкино благословение: «Бояться не надо. Операцию делать. А мы будем молиться». 16 сентября супруге сделали операцию – удалили левую грудь. И со временем она стала поправляться. 7 октября этого же года ее выписали из больницы, и она вернулась домой.

Шло время. Забота о малых детях, престарелой матери, постоянные хозяйственные и домашние дела позволили забыть о пережитом. Но беда вновь постучалась в семью. С весны 1996 года супруга стала хромать на левую ногу и жаловаться на боль в тазобедренном суставе. С каждым днем боль все усиливалась, и жена была вынуждена опять обратиться к врачу-онкологу. Ее направили в Тульскую областную больницу – «Глушанки».

Диагноз был неутешительным – онкологические метастазы тазобедренного сустава. И опять за молитвенной помощью обращаемся в Псково-Печерский монастырь. Как рассказывала потом монахиня Алексия (моя двоюродная сестра по отцу – Александра Ивановна Антонова), папа, отец Дионисий, наложил на себя сорокадневный пост и все эти дни молился о болящей Нине только на коленях. Отец Иоанн записал ее в заздравный синодик и ежедневно до самой своей смерти молился Врачу душ и телес о даровании здоровья болящей ради ее детей.

По своему неразумению и маловерному желанию справиться о состоянии супруги я обратился к местному врачу – онкологу Г. И. Дорновой. И получил удручающий ответ, что надежды на выздоровление нет, и жить ей осталось полгода, максимум год. В эти страшные для нашей семьи дни мы

Крестный ход внутри монастыря. 1982 г.

обращались за молитвенной помощью ко всем своим родным и знакомым, но особенно, конечно, опять и опять к батюшке отцу Иоанну. Молитвы были услышаны Богом. Исчезли боли в суставе, пропала хромота, как показала последующая медицинская проверка путем сканирования и рентгеноскопии – метастазы не обнаружены.

Прошло 15 лет после операции, моя супруга жива и трудится: занимается домашними делами, нянчит и воспитывает внуков. В этом проявлении милосердия Бога к болящей я усматриваю большое участие отца Иоанна, его святых молитв.

В 90-е годы, когда шли так называемые реформы, в частности, по реструктуризации Подмосковского угольного бассейна, а правильнее сказать, по закрытию угольных шахт и разрезов, я работал на очистном участке № 7 шахты «Владимировская». До пенсии оставалось доработать три года, но уже начали задерживать зарплату, переходить на бартерные расчеты (вместо денег в счет зарплаты выдавали промтовары). А последний год моей работы на шахте (1996) нам, шахтерам, не платили на протяжении девяти месяцев, несмотря на наши забастовки и голодовки.

Папа знал о нашем тяжелом материальном положении и, разумеется, извещал об этом отца Иоанна. На что старец дал нам жизненную установку: «Надо выжить, пережить это смутное время». Так мы и выживали своими трудами и его молитвами о нас. Держали скотинку, обрабатывали землю. Источником нашего материального существования была пенсия супруги и пенсия отца, которую он высылал нам с благословения наместника монастыря.

Определение жизненного устройства дочери Анны было связано с отцом Иоанном. В 1996 году Анна заканчивала 11-й класс Богородицкой средней школы № 2. Надо было определять дальнейшую свою судьбу – решать, где продолжать образование и куда поступать учиться. Написали оба, я и дочь, письма батюшке касательно будущего Анны. Через непродолжительное время получили ответ. Воспроизвожу дословно:

«Дорогие мои, пишу вам одно общее письмо, так как получил оба ваших письма, задающие один и тот же вопрос. Начнем с того, что мы будем молиться, а Анечка еще и серьезно трудиться, чтобы успешно окончить школу. Готовиться к поступлению в институт начинай уже теперь.

Особенно молись, Аня, святому преподобному Сергию Радонежскому и святому пророку Науму. Остановим свой выбор на институте в Москве, где будут льготы при поступлении. Перед вступительными экзаменами надо будет поисповедоваться, пособороваться и причаститься – непременно. Институт и факультет выберем, Анечка, по совету с папой.

Жить в Москве можно только у Александры Ивановны, и тебе, детка, надо будет быть у нее в полном послушании во всем, от первого до последнего дня твоего пребывания в Москве. А час-полтора езды по Москве – это не расстояние. Ты станешь к этому времени серьезной студенткой и этот час сумеешь использовать с пользой для учебы.

А если Александра Ивановна берет на себя труд, то ты, Анечка, в благодарность живи у нее и ничем ее не огорчай. Всей семье Божие благословение. Будем молиться, чтобы все увенчалось успехом».

Это письмо и послужило нам ориентиром для подготовки и поступления Анны в высшее учебное заведение. Для чего предварительно я и дочь поехали в Москву и определились в выборе института. Остановились на Институте пищевых производств, и батюшка такой выбор благословил.

По окончании школы Анна сдала экзамены и поступила на кибернетический факультет этого института. Проучившись полтора года, дочь решила, что институт и выбранная профессия не отвечают ее духовному содержанию и служению более возвышенным идеалам. Анна решила бросить учебу и на следующий год поступать в Свято-Тихоновский университет. В какой-то мере я понимал дочь и был солидарен с ее желанием, но, имея горький опыт собственной самостоятельности, подсказал Ане, что надо ехать в монастырь и просить у отца Иоанна благословения на такой шаг.

В январе 1998 года Анна с матерью поехала в обитель. К тому времени папа мой был уже тяжело болен, но пошел к отцу Иоанну и попросил батюшку принять внучку и помочь в разрешении создавшейся ситуации. Отец Иоанн принял Аню, но, к нашему удивлению, не дал ей благословения оставить образование в Институте пищевых производств и не разрешил поступать в Свято-Тихоновский университет.

«Ты что же, детка, думаешь решать и поступать, как хочешь? – такими словами встретил старец мою дочь. – Для чего мы молились и просили Всевышнего, исполняя твоё желание, а вдруг ты надумаешь, поступив в Свято-Тихоновский университет, оставить его, и так будешь бегать из одного института в другой. Учись, детка, там, куда мы дали тебе благословение».

Разочарованная, удрученная, но возвращенная от фантазий к реальности, Анна с матерью возвратилась домой. В июне 2002 года Анна закончила Институт пищевых производств, получила диплом о высшем образовании. Осенью того же года она вышла замуж и на следующий год родила сына, моего первого внука. Сейчас Анна живет в Москве, имеет двоих детей, собственную квартиру, работу и достаток, позволяющий содержать семью. А кто знает, что было бы, брось она тогда институт.

В 2003 году на семейном совете мы вынуждены были решать проблему продолжения жизненного пути третьей дочери. Елизавета никак не хотела уезжать из Богородицка, заявляя нам: «Меня вы из дома не выгоните!» И как мы с супругой ее ни уговаривали, что учиться здесь негде, а надо обязательно иметь высшее образование, она стояла на своем.

Только вмешательство отца Иоанна и его благословение подвигло Лизу подать документы в Свято-Тихоновский университет. В этом же году она благополучно сдала экзамены и, пройдя собеседование, была зачислена на педагогический факультет. В 2008 году Елизавета успешно закончила учебу и получила диплом об окончании университета с правом преподавания в общеобразовательных учебных заведениях. Первого сентября этого же года вышла замуж. Сейчас живет в Москве, воспитывает дочь.

Похожая ситуация сложилась с четвертой дочерью, Евдокией, с той лишь разницей, что Дуняша сама заранее определилась в выборе профессии. Она также никуда не хотела ехать из дома и решила поступать в Богородицкий сельскохозяйственный колледж имени И. А. Стебута на ветеринарное отделение.

Пятая дочь, Ксения, напротив, никак не хотела оставаться в Богородицке и рвалась на свободу в Москву. Она сама, как и ее сестра Евдокия, решила, куда будет поступать, где будет жить и как будет учиться.

Дело было за малым. Оставалось получить благословение отца Иоанна. Пишем письмо батюшке. К тому времени отец Иоанн уже был стар и болен. Через непродолжительное время старец через послушника Олега дает ответ:

«Дорогой отец Димитрий! Батюшка благословил написать Вам письмо, что планы Ваши в отношении младших дочерей хороши, и дай Бог, чтобы они осуществились. Будет батюшка об этом молиться, просите и вы с супругой милости Божией в исполнении благих и добрых намерений Дуняши и Ксюши. Батюшка шлет вам Божие благословение. По благословению батюшки писал послушник Олег. 19.02.2005».

Сие благословение восприняли мы все как должное и обязательное.

В этом же 2005 году девочки благополучно сдали вступительные экзамены. Дуняша – в сельскохозяйственный колледж имени Стебута, Ксюша – в колледж градостроительства и предпринимательства города Щелково. Ко всему прочему, хочу добавить, что на протяжении всех учебных лет Лизы, Дуняши и Ксюши ни я, ни супруга не ездили и не контролировали своих дочерей, полагаясь на их самостоятельное и честное отношение к учебе. За исключением дочери Анны, у которой я был всего один раз в общежитии института. Они сами сдали экзамены и поступили, сами отучились и благополучно закончили выбранные ими учебные заведения.

В 2008 году Евдокия успешно закончила Богородицкий сельскохозяйственный колледж и поступила в Государственный Орловский аграрный университет. Ксения весной 2009 года успешно защитилась с красным дипломом по специальности «Ландшафтный дизайнер». Живет и работает в Москве.

Как сложится дальнейшая жизнь Дуняши и Ксюши, предположить невозможно, да мы и не предполагаем. Родители наши умерли, старцы ушли. Надеемся на Промысл Божий и помощь свыше наших молитвенников и заступников.

Мы мыслим, что Господь не оставит неключимых рабов Своих. Так, на протяжении многих лет жизненного пути Господь молитвами родителей наших – отца Дионисия, Анны, старцев отца Иоанна и отца Феофана хранили и оберегали нашу семью, наших детей. И Промысл Божий вел и ведет каждого своим путем ко спасению.

Что касается меня, 15 сентября 1997 года я был уволен по сокращению численности работников шахты «Владимировская» Киреевского района. До пенсии оставалось больше года. В поисках трудоустройства встал на учет на биржу труда и получал временное пособие по безработице в течение всего года.

В январе 1998 года закончился срок моего стояния на бирже, и я вышел на пенсию по льготному стажу и выслуге лет. Но сидеть дома в пятидесятилетнем возрасте, не работая, и ограничиваться получением пенсии значило обречь семью на голодное существование. Надо было искать работу. Но как и где искать?

Повсеместно закрывались и банкротились предприятия. Рабочих сокращали и увольняли. Единственная возможность найти работу была в Москве. Но если ехать в Москву,

Проповедь в Сретенском храме. 1990 г.

пришлось бы оставить семью, больную и старую мать, дом в селе Иевлево и дом на поселке без присмотра. Ситуация была трудная: «Куда ни кинь – везде клин».

В 1990 году православным жителям Богородицка был передан Казанский храм. Я являлся непосредственно активным участником открытия храма и членом его приходского совета. Там я стал петь в любительском хоре. Настоятелем прихода был назначен отец Стефан Гривас, который неоднократно, в связи с нехваткой священнических кадров, предлагал мне рукоположиться в сан диакона. Мысль принятия сана не приходила мне в голову, хотя я и помнил сказанные мне когда-то слова отца Иоанна: «Пойдешь служить в 50 лет».

24 августа 1998 года умер мой отец – монах Дионисий, и мы – моя семья – лишились своего покровителя и благодетеля, лишились духовной и финансовой помощи. К этому времени у меня осложнились отношения с регентом Казанского храма, и я решил опять вернуться в Успенский храм. Обратился к настоятелю храма протоиерею отцу Сергию Резухину с просьбой взять меня в певчие. Зная меня, моих родителей и родственников, отец Сергей предложил походатайствовать перед архиереем о принятии мною сана. Длительное время я находился в раздумье, но все-таки дал согласие, помня слова старца о своем предназначении.

19 декабря 1998 года на праздник святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца, викарием Тульской и Белевской епархии епископом Богородицким Кириллом в Свято-Никольском храме, что на Ржавце города Тулы, я был рукоположен в сан диакона. И вот уже более 11 лет служу в Свято-Успенском соборе города Богородицка. Исполнились слова старца и духовника архимандрита Иоанна (Крестьянкина): «Служить пойдешь, когда исполнится 50 лет. Не забывай, что не мы выбираем Бога, а Он нас».

Затрудняюсь утверждать, был ли старец прозорливым, но то, что был избранником Божиим, – однозначно. И если человек следовал его советам, то получал желаемое и просимое.

Часто я задавался вопросом: «Откуда у старца такое видение будущего? Откуда эта рассудительность и знание жизни семейного человека? Как может монашествующий знать мирские дела и давать советы, которые не в силах разрешить сам вопрошающий?» И только со временем нашел ответ. Разумеется, это пастырский опыт, подкрепленный многолетними

годами в посте и молитве. Это искреннее желание помочь страждущему человеку, попавшему в какую-то неразрешимую для себя ситуацию или беду.

Его искреннее сострадание изливалось в первую очередь молитвой к Богу с просьбой о милости, прощении и вразумлении. Да! Он был милостивым, любящим, всепрощающим, ласковым и терпеливым батюшкой. Его любили, ценили и уважали братия обители, прихожане и приезжавшие паломники; не только верующие, но даже люди атеистического мировоззрения.

Но в то же время он был строг, строг по отношению к себе, к своим делам и поступкам. Я не знал распорядка его дня, но, как все насельники монастыря, он нес послушание. Был духовником монашествующих, имел духовных детей в миру, вел переписку и отвечал на массу адресованных ему писем, встречал и принимал гостей (сужу это по себе), помнил и молился о больных, скорбящих и страждущих, не забывая поздравить многих и многих с праздником Пасхи и Рождества Христова. Неопустительно совершал чреду служения и исполнял монашеское правило. Постоянное требовательное и строгое отношение к себе выработало особый монашеский уклад жизни, не соответствующий мирскому пониманию. Но эта строгость и дисциплина не были в отце Иоанне доминирующими.

Батюшка знал и понимал шутку и при случае мог остроумно воспользоваться ею. Однажды мне довелось услышать вопрос, обращенный к моему родителю: «Отец Дионисий, сколько тебе лет? С какого ты года?» Престарелый духовный сын назвал год своего рождения. «О! Ты еще отрок», – резюмировал старец. А этому «отроку» было уже под 80, и был он моложе батюшки всего на восемь лет.

Касательно современных старцев и старчества также отвечал очень оригинально и с юмором: «Сейчас старцев нет, а есть опытные старички». По всей вероятности, батюшка в шуточной форме пытался скрыть и умалить свой благодатный дар видения душевного и духовного состояния приходящего к нему человека. Но был случай, когда батюшка сам рассказывал мне и моему папе о явлении ему Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона. Именно явления, а не сонного видения.

Обычно святые люди и подвижники не любят делиться происшедшими с ними чудесами, но старец подробно рассказывал нам об этом явлении, не забыв добавить к сему, что «прославлять дела Божии – благо есть».

Служение отца Иоанна было искренним. Молитва была радостной и горячей, вне зависимости, где он находился: в тюрьме ли, в келье, на природе или же в храме. Со слов старца, именно молитва в заключении породила ту искренность и горячность, которая сохранилась у батюшки на всю жизнь.

Мне довелось видеть и слышать его служение в храме и келье. Что поражало в нем – это живое обращение к Богу, как к своему Отцу, родственнику или близкому человеку. Ни до, ни после мне не доводилось слышать и видеть такой горячей молитвы ни у одного из пастырей, ни у одного из людей. Он разговаривал с Богом, общался с Ним, и это общение и связь со Всевышним являлись необходимостью и потребностью его души.

Его служба в храме была продолжительной. Возгласы – протяжными и сосредоточенными. Однако молящиеся были настолько захвачены и увлечены горячим служением пастыря, что забывали про время и усталость; жадно ловя каждое его слово.

Об одном эпизоде, довольно забавном, связанным с проповедью отца Иоанна, поведал мой папа – монах Дионисий. С тех пор прошло уже много лет. Многие очевидцы и свидетели того события отошли в иной мир, но память живет и хранит прошлое. Я уже не помню ни времени, ни праздника, за которым служил отец Иоанн; вернее сказать, сослужил, потому что литургию возглавлял наместник обители – архимандрит Гавриил (Стеблюченко), но проповедь в конце службы говорил отец Иоанн.

По всей видимости, проповедь была довольно продолжительной, и, чтобы дать понять батюшке, что уже пора заканчивать, наместник решил привлечь внимание старца, велел включать и выключать центральную люстру собора. Батюшка был так увлечен, что этого не замечал. Тогда наместник сказал послушникам тащить ковровую дорожку, на которой стоял проповедник. Старец переступил через дорожку и продолжал проповедь. По завершении слова батюшка зашел в алтарь, попросил прощения у наместника и, как ни в чем не бывало, завершил служение.

Таким его и знали: долготерпеливым, милосердным, любвеобильным, шутливым и в то же время твердым и строгим, не только в отстаивании канонических правил и позиций Церкви, но и в своих личных убеждениях. В один из моих приездов в монастырь отец Иоанн поставил меня в крайне неудобное и неловкое положение.

Во время беседы, касающейся таинства исповеди, он в присутствии моего отца заставил каяться в собственных грехах. Озноб охватил меня с ног до головы. Как в присутствии родного отца открыться и рассказать о своих грехах и преступлениях? Я не знал, с чего начать, и был в явном замешательстве. Батюшка подсказал: «Начни с детства». Я стал вспоми-

нать. И не успел еще перечислить нескольких незначительных мелких грехов, как батюшка меня остановил: «Довольно с тебя и этого».

Это была первая и последняя моя исповедь перед старцем. Позднее я понял, что батюшка просто испытывал меня, смог ли я открыться перед своим родителем.

В беседах отец Иоанн касался не только личных и семейных отношений, но зачастую и внутренней стороны – мироощущения, мировоззрения. Он советовал ко всем проблемам и вопросам относиться со здравым смыслом и рассуждением. «Каждый свой поступок и каждое слово надо прежде оценивать, взвешивать, а затем уже произносить и поступать в соответствии со своей совестью», – говорил старец.

Вся сознательная жизнь отца Иоанна была ожиданием и радостной надеждой на встречу со своим Искупителем Господом Иисусом Христом. Труды его, его любовь и вера, испытанная многими скорбями, пошли перед ним в вечность, ходатайствуя о нем. Его молитвы об оставшихся на этой бренной земле, однажды поселившись в его любвеобильном сердце, не могут пресечься, но продолжают жить. Ты ушел от нас, дорогой отче, но оставил о себе память и пример, как должен жить всякий православный христианин.

Память старца и его молитвы и после земной его жизни живут и напоминают нам о его любящем сердце в «Наследном даре архимандрита Иоанна (Крестьянкина)». Каково было мое удивление и радость, когда после его смерти я получил поздравление от батюшки ко дню Святой Пасхи! Огромная благодарность тем, кто хранит его наследие, заботясь о нас, его детях, близких и дальних.

С диаконом Николаем. 1982 г.

На приходе у о. Кенсорина. 1983 г.

Суббота Светлой седмицы. 1974 г.

Вспоминает монах Михаил (Усачев)

...О существовании Бога мы подозревали, но что такое реальная жизнь в Боге, не задумывались – всеми страстями одержимые молодые художники, вот кем мы были.

Было нам в ту пору чуть больше 30. Единственное, до чего смогли «дотянуться» в этом возрасте, – до «Науки духовной» Штейнера, которая нам тогда была, что называется, вместо Библии.

Однажды мой друг Алексей Чухин (позже он станет священником) повстречал в Ярославле Татьяну Сергеевну Смирнову. Выслушав его рассуждения о духовности Штейнера, она предложила ему поговорить на эту тему с отцом Владимиром

Правдолюбовым: «Он в Касимове живет, хороший батюшка. Поговори с ним – не пожалеешь...»

В свои 34 года я был уверен, что священники – народ недалекий, выдумали себе какую-то идею, какого-то Бога и на этом зарабатывают деньги. Так или примерно так думал я. Так думал и мой друг Алексей. С неохотой пошел он к отцу Владимиру. В первом же разговоре отец Владимир разнес нашего любимого Штейнера просто в щепы. Будучи по образованию математиком, отец Владимир говорил о системе Штейнера без запальчивости, спокойно и очень убедительно. Тогда нас это удивило, появилось желание видиться со священником чаще.

И пришли мы, наконец, в касимовский храм. Вскоре от прихожан храма мы узнали, что совсем недавно здесь служил замечательный батюшка. Звали его отец Иоанн Крестьянкин. Новость эту нам сообщила бабушка Христина. Кто она была – да никто! Просто ба-буш-ка. Верующая. Все в ее жизни было подчинено Богу и Церкви. Она была при храме в то время, когда отец Иоанн служил. Бабушка Христина рассказала, что все отца Иоанна в Касимове полюбили так, что и отпускать не хотели. К нему народ валил валом. Словом, бабушка Христина нам посоветовала: «Поезжайте в Печоры к отцу Иоанну».

Мы тут же поехали в Печоры, о которых тогда ничего не знали. Приезжаем, спускаемся под горку, как в яму. Видим: народ куда-то идет. Мы – за ним. Оказалось, отец Иоанн служит молебен (или панихиду, я уже сейчас и не помню). Огромная толпа. А в то время редко молодые парни в церковь ходили, это сразу все замечали, и поражались, и хвалили. И вот по окончании службы отец Иоанн вдруг, обращаясь к

нам, говорит: «А это кто к нам приехал? Такие молодые да симпатичные?» И так весело, радостно спросил: «Кто вы такие?»

Мы подошли ближе, отвечаем: «Приехали из Питера». Отец Иоанн: «А зачем вы сюда приехали?» – «А мы в Касимове были, нас прямо оттуда к Вам и направили». – «Да? Ой, как хорошо! Касимов – святой город, какие люди!» – И начал вспоминать отца Владимира, отца Анатолия, старцев, касимовских прихожан. Люди кругом стоят, слушают. Потом спрашивает: «Где вы остановились?» – «Нигде, мы только что приехали». Он сразу воскликнул: «Кто возьмет их, кто?» – и с улыбкой всех оглядывает. Раздались крики: «Мы, мы возьмем».

Подошла одна бабушка, Анна ее звали, она трудилась на послушании на овощных складах, которые располагались в пещере. Это была ревностная подвижница. «Я забираю», – сказала она. А оказалось, что у нее и дома-то нет. ...Саму ее местные прихожане, Володя с женой, взяли к себе пожить на какое-то время. А тут она без ведома хозяев еще и нас приведет! Володя глаза вылупил! Но они с женой тоже были особой закваски, мне таких до нашей встречи видеть не приходилось. Каждое утро бежали они на раннюю литургию. И это был стержень их жизни... Они приехали в Печоры из Белоруссии, купили избушку. «Дом» не скажешь – сплошные щели (мы к зиме приехали, в ноябре), холод в помещении жуткий. Они нам отдали свою кровать односпальную, а сами спали на плите: печь протопят, она теплая и – ложатся.

Ежедневно ходили мы в монастырь, ходили за отцом Иоанном, удивлялись и поражались. Таких людей мы в своей жизни еще не видывали – прямо фонтаном из человека

В алтаре Михайловского собора. 1977 г.

бьет любовь к людям. Человек себя как бы забывает. Он нас сам к себе сразу как-то привязал. После службы с нами подолгу разговаривал; в келью поведет, помажет маслицем, покропит святой водицей, а то и за шиворот нальет. А мы-то что? Замученные питерской жизнью, мрачноватые, скучные люди. Опустошенные суетой. А тут вся суета, весь мрак стали куда-то исчезать, и душа стала наполняться радостью...

Он расспрашивал, кто мы, как живем, к чему стремимся. «Художники? Ой, как хорошо, что художники. Из художников многие легко приходят к Богу. Вот у нас даже отец Алипий, наместник – художник, вы к нему обязательно зайдите,

замечательный художник, иконописец. Иконы его видели? Не видели? Сейчас же пойдите, посмотрите. Вы иконы пишете?» – это все слова отца Иоанна при первой нашей беседе. «Да нет, пока не пробовали», – мямлили мы в ответ. «Надо начинать иконы писать, теперь надо служить Церкви, хватит всякие лозунги писать, Ленина рисовать». И сразу руками замал: «Все-все-все! Теперь надо вам переключаться на жизнь церковную, надо служить Церкви и Богу. Господь вас привел, это же чудо, вы-то понимаете, что это чудо?» А что мы там понимали? Мы были оглушены и поражены всеми этими событиями. Нам говорили, что это святой человек, но какова эта святость? Мы совершенно не представляли такой любви, такой раскованности, такой свободы...

Он сразу входил в твою жизнь, все сразу понимал и все сразу расставлял по своим местам.

Уехали мы в полном восторге и по приезде сразу заявили нашему штейнерианскому гуру: «Мы были в Печорах, весь этот ваш Штейнер – полная туфта, а вот православие – это да!» После этого, естественно, наши пути разошлись навсегда. И мы с радостью стали в Питере по храмам ходить. В то время в Питере молодежь за это преследовали. Особенно тех, кто с детьми. Мы стали скрываться и таиться, даже причащаться не разрешали часто, такие были времена, что говорили: «Это только схимники имеют право через две недели, а ты кто такой?»

А отец Иоанн нас благословил так: «Причащайтесь как можно чаще, только с подготовкой! А подготовка – в том, чтобы греховность свою видеть. Видите вы ее?» – «Не видим, батюшка». – «А вот учитесь видеть. Это у Отцов называ-

ется трезвение – как можно шире и глубже видеть свою греховность, страсти свои. Если ты это видишь, то на исповеди надо не отчитываться в грехах, не перечислять их, а каяться... Таинство покаяния!» Эти слова отца Иоанна «каяться надо на исповеди, каяться, видеть свою греховность и каяться» мне с самого начала запали в душу. Позже я в книгах прочел это сам. Но наставил-то на путь верный нас отец Иоанн!

Он много с нами беседовал. Иногда часа по три. Бывало – что со всеми вместе. Бывало, и по отдельности. Как правило, мы сидели молча. А он говорил. Он прекрасно видел, что мы ничего не понимаем в православии, и всю картину православия как бы изображал перед нами. Красота православия – и что такое исповедь, что такое молитва, все вот так в беседе его и льется, как река. Для нас это был бальзам, откровение.

Через пять лет после этого таким же великим открытием для меня стала книга святителя Игнатия Брянчанинова. Этот том буквально потряс меня своим ясным взглядом и на христианство, и на монашество. В ту пору это было для нас откровением: узнали, что есть еще четыре тома работ Святителя. Но где их достать? Стали искать! Нашли в Киргизии, и я туда поехал и всю зиму переписывал эти книги, чтобы иметь руководство ежедневное. Так святитель Игнатий у нас лег в основу.

Когда мы рассказали об этом отцу Иоанну, он подытожил: «Святитель Игнатий – это наш основной учитель. Еще Феофан Затворник. Это – наши великие учителя, Богом данные». Отец Иоанн совершенно не притеснял, а объяснял и в

то же время давал полную свободу в духе тех истин, которые он открыл. Это была, конечно, премудрость, в ту пору нами не осознаваемая, – ведь гордости и себялюбия в нас тогда было, что называется, выше крыши.

Около него любой чувствовал себя совершенно свободно, легко, и кажется, что он – обычный человек. О том, что он старец, святой человек, совершенно забывалось. Сядет рядом на диване, обнимет тебя, прижмет и говорит целый час, и держит тебя под мышкой, прямо слышишь, как у него сердце стучит. Он, видимо, специально так делал, чтобы дух мирской нас оставил, страсти покинули... Тогда-то я этого не понимал, а сейчас понимаю, что он в это время о нас молился: «Господи, дай этому человеку Духа Твоего, дай благодати этим безблагодатным людям, дай Дух жизни, чтобы увидели положение свое, страсти свои, начали каяться».

Вот на это он нас и настраивал, на трезвение, на то, что пора перестать жить в опьянении, что пора жить трезвенно, все время стремиться видеть свое состояние, свои страсти. А когда этого сподобишься – то это и есть покаяние, это и есть постоянная молитва.

После встречи с отцом Иоанном у нас все пошло замечательно, хотя, может, это и неточное слово. Началась другая жизнь, скажем так. Жизнь облегчилась, потому что прояснилась. А «другой» эта жизнь стала называться в первую очередь потому, что началась борьба со страстями. С теми самыми, которые мы сами в себе за долгие годы взлелеяли, с теми самыми, которым позволяли свободно расти и поработать себя. А мы – стыдно сказать – даже и не понимали поначалу значение этого слова – «страсти».

Святители Игнатий и Феофан были нашими учителями повседневными. Особенно первые десять лет мы их читали, читали и читали... Уже много позже я приезжаю в Печоры и говорю: «Батюшка, дайте мне книгу Симеона Нового Богослова». – «Ой, как хорошо! Это же такой учитель, ведь наш святитель Игнатий вырос из Симеона Нового Богослова. Они же по духу родственники. Буквально одного духа». Оно так и есть, действительно – многое, что находишь у святителя Игнатия, находишь у святого Симеона.

Конечно, отец Иоанн был священник ни на кого не похожий. Отец Иоанн, как Иоанн Кронштадтский, был редкий самородок, с самого детства предназначенный ко просвещению русских людей. Вся жизнь его Господом направляемая, и дары имеет соответствующие.

Первый дар – это огромная любовь к людям, ко всем, не только к хорошим, а ко всем, как и у Иоанна Кронштадтского. И беззаветное служение этим людям, они себя совершенно забывают, как Иоанн Кронштадтский, так и Иоанн Крестьянкин, у них с утра до вечера думы о людях, в памяти их огромные синодики, потоки людских жизней...

Как я разумею, просто Господь дал двух священников ко просвещению России. Перед революцией, перед таким разгромом Церкви и монашества Господь явил Иоанна Кронштадтского, который показал, что такое святость, что такое благодать Божия, чтобы всей России было ясно, от какого дара она отказывается и что бросает на поругание. Это был дар Божий, воля Божия – явить России через своего подвижника вечную Истину. Сам Иоанн Кронштадтский перед смер-

На службу в Михайловский собор. 1980 г.

тью печалился, потому что он делал все, все отдал, но не мог не видеть, что безбожие набирает силу.

Так же и отец Иоанн Крестьянкин иногда печалился и в некоторых своих проповедях взывал: «Что мы делаем? Что творим? Мир гибнет!» Ох, какие это были проповеди! Пробирали до мозга костей. Люди впитывали эти слова как губки. У него же дар такой: вот говорит вроде простые вещи, но он их не говорит, а прямо в душу вкладывает. Это не проповедь, не гомилетика какая-нибудь, а это Дух Божий льется

из его души в наши души. Это излияние Духа Божия через Слово... Слушаешь и времени не ощущаешь. И не хочется, чтобы батюшка заканчивал проповедь. Тут уж из алтаря выйдут, напоминают ему – пора завершать. А народ-то в храме хочет еще и еще ему внимать.

И все у него так происходило. Даже простое каждение. Вот идет батюшка по храму с кадилом. Как он это делал! Не только иконы, а каждого кадит с такой любовью, что и это становится исхождением благодати. И такая радость у всех, так вот и поворачиваются к нему, как к солнышку... То же и чтение Евангелия! Это – не чтение, это излияние благодати. Это я сейчас понимаю, тогда я не понимал этого.

У него был такой дар небесный: быть проводником благодати Божией! Он как бы отключается от себя, и через него любовь Божия хлещет прямо людям в души, и человек с мертвой и иссохшей душой приходит в храм, а выходит от батюшки в радости жизни! Бывает ли большее чудо на свете?

Как-то батюшка нам в келье рассказывал про свое детство. Было дело на Пасху, батюшке в ту пору едва минуло 7 лет. Приходит он домой, смотрит – на столе стоят куличи, пасхи. Дома никого нет, все на службе. Мальчик Ваня увидел кулич, и руки у него сами потянулись к нему. Он отщипнул, попробовал и отошел. «Я согрешил», – тут же подумалось. И у него слезы полились. Батюшка говорил нам: «Я помню до сих пор этот грех...» Он с раннего детства имел понятие, что такое грех. При этом разговоре вспомнил и я, как рос: блатная обстановка, матерщина, воровство... Как говорят, «небо и земля».

Знаете, я читал в чьих-то воспоминаниях, что отца Иоанна однажды спросили: «Батюшка, вам больше 90 лет, откуда у

Вас столько энергии?» Он ответил: «А у меня совесть чистая». Он был глубоко предан благодати Божией. И иногда говорил: «Когда я от себя что говорю, бывали случаи, что и ошибался, а когда говорю то, что благодать открывает, – тут ошибок не бывает».

Бывало, приедешь к батюшке, и все выливается само собой, подойдешь к нему и сам всю жизнь свою раскроешь. Благодать Божия человека приголубит, согреет и очистит, и всякие страхи, все скорби – всё уходит.

И вот в жизни нашей семьи такое произошло: жена моя угасает от рака и, как любой человек, боится смерти. Поехала в Печоры к отцу Иоанну. Возвращается оттуда совершенно спокойная. Бояться смерти она перестала стараниями отца Иоанна. Как уж он умел убедительно сказать, что ждет человека не смерть, а переход в радость вечности, в радостную обитель Света. В последних своих проповедях, сам ожидая смерти, он употреблял эти слова.

А еще батюшка в беседах часто спрашивал: «Вот даны тебе творения Святых Отцов, книги даны». И по голове так выразительно постучит: «И ум дан. Дан тебе ум?». – «Не знаю, батюшка». – «Как не знаешь? Ведь голова-то не для того только, чтобы шапку носить, вы же читаете, значит, у вас духовный разум должен появляться. Ведь мы же не можем руководствоваться одним разумом плотским, мы можем спастись только духовным разумом! Вот для этого вы и читаете!» Мы, понятное дело, сидим с открытым ртом – какой там «духовный разум»? Долго не понимали, что это такое.

И он мне никогда ни о священстве, ни о монашестве не говорил. Говорил другое: «У тебя дети на руках, вырастишь

В резиденции Патриарха. 1980 г.

детей – тогда видно будет. Твое дело сейчас вырастить детей не на погибель, как это многие делают. Вот когда твой сын Илюшенька пойдет в армию, вот тогда ты приходи, я тебя благословлю на монашество».

Но я не вытерпел, раньше времени выскочил самовольно в монашество. Приехал я на Валаам писать иконы и сам не знаю как стал монахом. Помолился я тогда Богородице: «Матерь Божия, Ты знаешь, как я хочу быть монахом и как я люблю монашество. Но у меня на руках сын Илюша, дочери уже вышли замуж. Если Ты берешь его Себе на руки, то я приму постриг». Сыну я написал: «Если ты не против – я стану монахом?» И сын Илюша меня благословил. Он ответил мне: «Папа, это прекрасно. Не бойся – я проживу». Буквально через день после этого мне назначили постриг...

...И вот в первый раз после пострига приехал я к отцу Иоанну. Думал, что отрывает меня за то, что без благословения. Батюшка как только меня увидел: «Ой, отец Михаил приехал», – обнял, целует, как будто бы никакого перерыва не было и как будто ничего не произошло. Это для него характерно. Он свободу полную предоставлял. Если человек решает что-то сам, то, слава Богу, это очень хорошо, значит, он на своих ножках стоит, прекрасно. А так, чтобы буквально во всем человек подчинился Старцу – у него не было такого. Он учил меня самостоятельности, приучал самому решать серьезные вопросы. Постепенно добивался, чтобы человек полюбил Святых Отцов, чтение. Неспроста ведь он всем книжечки дарил. От него мы, наверное, целый книжный магазин вывезли.

Отец Иоанн был, конечно, очень мудрым человеком. Бывало, к примеру, он других при нас держал гораздо строже,

чем нас, не разрешал им даже мелочей. При мне мог отчитать кого-нибудь за то, что сделал то или иное без благословения. Мы при этом совершали в десятки раз более серьезные вещи без всякого благословения, а он делал вид, что ничего не произошло. Он видел, что мы привыкли к свободе, к самостоятельности привыкли, что нас достаточно просто направлять, а контролировать каждый шаг – нет нужды.

У меня-то главная проблема была – воспитание детей. Тут мне батюшка очень помог. Когда мы стали верующими, мы же никаких понятий о воспитании не имели. А моей старшей дочери уже было больше семи лет – притом что Святые Отцы предупреждают: основы личности закладываются в первые семь лет. И в эти-то годы она пребывала в воспитании безбожном, потом мы ее перепоручили до 14 лет бабушке, которая все это безбожие только усугубила. И уже сколько лет я ничего со старшей дочерью так и не могу поделаться.

Отец Иоанн неустанно повторял: «Детей воспитывай только собственным примером». И какой же пример в ту пору я являл? У меня одна жизнь, у жены – другая, у детей – третья. Единственный пример, который я подавал, – читать непрерывно. Жена при этом кричала: «Ты все читаешь да читаешь, а денег-то нет!»

Я работал то плотником, то художником-оформителем, зарплата была не больше семидесяти рублей – просто издевательство какое-то было с моей стороны над всей семейной жизнью. Жена была смиренной, ума не приложу теперь, как она все это выдержала – мое поведение и все это безденежье. Жили мы очень бедно, тогда я этого не осознавал. Но дело даже не в бедности, а в крайнем неразумии такой жизни.

Чудо и то, что жена относилась к отцу Иоанну точно так же, как я, с такой же любовью, благоговением, и получала от него не меньше, чем я. Приезжала из Печор обновленной, укрепленной, поэтому и терпела всю нашу несуразную жизнь. Ходила в зимнем пальто, в котором она еще в Мухинке училась. Оно было все драное, а она как бы и не замечает. Я хожу в старом, и она ходит в старом. Все подружки ее смеются, они все модницы, мои товарищи – все такие пузатые художники, уже давно пересели на автомобили... а мы такие-растакые... Но мы-то были в радости все время, отец Иоанн был нашей опорой – наставляет, исправляет и радость благодатную вдыхает.

Был случай, один раз приехал я к батюшке. В келью он пустил, на диван посадил, сам рядом сел, и вдруг его наместник вызывает куда-то. Отец Иоанн говорит: «Хорошо, ты посиди, я сейчас приду, я тебя закрою, чтобы никто сюда не входил и никто не знал». Я говорю: «С радостью посижу», – в такой благодатной келье посидеть – это же счастье. Закрыв меня, и его не было долго-долго, часа три-четыре, наверное. Я все его фотографии, иконы изучил, все книги просмотрел. Он прибегает: «Ну, ты все тут изучил, все посмотрел?» И сделал мне необходимые пояснения: «Вот смотри, я по жизни прошел сколько, с кем я встретился, кого я полюбил, вот они. Все передо мной, вот видишь? Такой-то владыка, такой-то старец. Какие люди, как они жили! А сколько они натерпелись, какие лагеря прошли! Вот этот – 10 лет, этот – 15 лет».

Да, я забыл сказать – вернулся-то он в келью с тарелкой, в которой лежала вареная рыба. «Ведь ты, наверное, проголодался? Ешь-ешь, не стесняйся, я подожду», – стал что-то перекладывать у себя. Я после дороги был ужасно голодный в самом

деле и все съел. Батюшка: «Вот молодец, теперь поговорим, правда?» Я улыбаюсь, а потом отец Иоанн начинает беседу. Понятное дело – его отвлекают, опять куда-нибудь выскочит, там поговорит с кем-то, но при этом всякий раз улавливаешь его настрой именно на беседу с тобой. Это ведь редкий дар – жить жизнью того человека, с которым ты в данный момент разговариваешь. Он обладал им в полной мере.

Не будем забывать – перед дверями его кельи всегда стояла очередь. Священники, прихожане отовсюду... Святые, они, наверное, от простых людей тем и отличаются, что проживают не одну, а тысячи жизней.

И эти беседы со мной, это же не просто нравоучение какое или вопрос-ответ, нет, он просто всю жизнь мою представляет, болячки мои представляет и на эту тему говорит, о воспитании детей, о моей жизни.

Насчет того же воспитания первый совет был: «Каждый вечер садитесь и читайте всей семьей жития святых, вы не представляете, каким чудесным образом это потом отразится на вашей жизни и жизни детей». И мы последовали совету, несколько раз читали Дмитрия Ростовского, а Киевский Патерик – и того больше...

Господь тогда открывал нам жития, так живо переживали мы их во время чтения. Я помню, часто читали и плакали, и я сам, и дети... Еще отец Иоанн просил обязательно причащать детей каждое воскресенье и желательно и самому причащаться.

В те времена все было не так просто, приходилось причащаться в разных храмах, ведь КГБ-то наблюдает, во всех соборах были «государевы очи», и особенно за молодыми, такая вот

слежка – не слежка, а наблюдение. И, естественно, батюшка говорил со мной об иконописи.

Однажды мы идем с ним со службы и проходим мимо иконы Благовещения, отец Зенон написал ее. Отец Иоанн остановился. «Вот, Геннадий, смотри, разве это Благовещение, между нами говоря? Ты посмотри, Архангел наступает на Богородицу, словно какой-то спортсмен, ты посмотри, посмотри. А ведь он подходил к Ней со страхом, с благоговением, с любовью». Надо же писать икону, чтобы была любовь, благоговение, страх Божий, вот что мы любим в православии, веры щит – покаяние, смирение. Ты понял? Это все должно быть в иконе».

В тот момент я ничего не понял, а сам киваю: «Понял, понял, батюшка». Уже потом я над этим задумался, а тогда мне казалось, что это иконописец номер один, это маэстро, и вдруг он про его икону мне такое говорит: «Это же не Благовещение, посмотри, что это такое?! Богородица в каком-то испуге отпрянула. Почему? Та, Которая рекла “Се раба Господня”. Суть иконописи – в духе православия, а дух православия есть дух покаяния, смирения. Сие – в иконе, сие и в пении...»

Он видел и мои первые работы, но я тогда только начинал. Положа руку на сердце – работы были никуда не годными. Ему понравилась моя работа позже, когда я взялся реставрировать иконостас в одном храме на Псковщине. Все там пребывало в ужасном запустении, а работу надо было делать очень быстро. И я приехал к отцу Иоанну.

Он с испугом на меня смотрит: «Ты взялся за это дело, а сможешь ли? Ты не представляешь, какое это дело!» Я самоуверенно говорю: «А чего, батюшка, не смогу-то? Я ведь учился

на монументальной живописи». – «Ну-ну-ну, учиться-то ты учился, но ты не представляешь, что это такое, какое великое дело это, ведь там многих икон вообще нет, ведь они двухметровые, и их надо писать заново». И так меня при этом по колену постукивает: «Ты сможешь ли?» Пока не поздно, мол, откажись. А как я откажусь, когда сижу без копейки денег, а тут мне обещают, что будут платить, сколько ни попрошу? Там был такой замечательный батюшка, отец Николай Земляной, он мне сказал: «Сколько ты попросишь, столько и дам. Только делай на совесть. Мне так владыка сказал – сколько ни попросит, все дадим».

А вскоре и сам митрополит Иоанн (Разумов) приехал: «Кого ты нанял восстанавливать?» – «Вот, батюшка, посмотрите, благословите». Он на меня смотрит так сурово: «Ты иконописец или художник?» – «Художник». – «А ты иконы-то писал когда-нибудь?» – «Писал». – «Ну, ты как писал? Технология у тебя какая, ты чем писал?» – «Маслом». – «Так ты художник, ты не иконописец». А я тогда и разницы не понимал. «Ну, ладно, отец Николай, что нам делать, у нас выхода нет. Что ж, благословляю тебя». Дело непомерное, действительно, пятиярусный иконостас, да еще там ничего не видно, одна чернота, все голубями засижено. Наверху там были гнезда голубей, и повсюду по лицам и по фигурам – полосы до левкаса от помета...

Отец Иоанн был в дружбе с митрополитом, и батюшка сказал: «Митрополит тебя благословил, все, что можешь, делай. Можешь – не можешь, давай, будем молиться, и сам молись, и мы будем молиться». Действительно, я все лето, с мая и до конца октября, жил в деревне Хвоенка. Всей семьей там

жили, и я ежедневно ревностно трудился, но сделал работу на «троечку».

Приехал митрополит, много народа приехало на освящение. И отец Иоанн приехал тоже. Ходят, смотрят: «Молодец ты, Геннадий. И (чтобы я не зазнался) задают вопрос: ты же это не сам нарисовал?» – «Ну, конечно, не сам, я только отреставрировал, где дыры были, а вот эти иконы сам». – «Неужели сам?» После освящения храма за трапезой кто-то говорит владыке: «У нас священника столько времени нет, когда вы нам дадите?» – «А где я вам его возьму, у меня столько храмов стоит? Вы сами-то ищете?» – «Ищем. А где мы возьмем?»

Потом, после паузы: «Вот художник сидит, хотите, я вам его поставлю?» Отец Иоанн тут же наклоняется и говорит митрополиту: «У него есть каноническое препятствие, владыка». – «Какое?» (У меня жена была вторым браком за мной, вот какое было каноническое препятствие.) Отец Иоанн сказал мне тогда: «Конечно, ты найдешь владыку, который не посчитается ни с какими каноническими препятствиями и тебя рукоположит, но мне хотелось бы, чтобы все было у тебя чисто».

В этом отношении отец Иоанн был очень строг: «Потом придешь ты, и апостол Петр на Страшном Суде скажет тебе: вот он наши апостольские правила нарушил!» Напугал меня. Я думаю: «Батюшки-светы, куда мне прыгать через апостольские правила? Не буду, не буду, батюшка!» И действительно, даже мысли такие старался не пускать, хотя меня со всех сторон подталкивали к священству. Так что в канонических вопросах отец Иоанн был строг и принципиален.

Мы благоговели перед самой кельей отца Иоанна. Вспоминаю такой случай. Сажу в келье, вдруг – стук в дверь, и не благоговейно, как монахи стучат, а орет кто-то за дверью басом. Думаю: «Ничего себе!»

Дверь открывается, и на пороге батюшка стоит, здоровенный такой, собой всю келью заполняет, на меня внимания не обращает, кричит: «Батюшка, у меня тут к вам три вопроса...» И только слышен спокойный, ласковый голос батюшки: «Смирение, покаяние, терпение, страх Божий», – говорит священнику о добродетелях. Тот успокаивается. Улыбка появляется на лице. Уходит совершенно умиротворенный.

Я несколько раз был свидетелем разных бесед отца Иоанна и всегда поражался: скажем, плотского духа люди приходят, и он говорит с ними на их языке, только о плотском, но так их наставит, что они уходят уже как бы приподнятые над собственной жизнью... Духовный человек приходит – наставленный уходит, плотской приходит – то же самое. Он сразу видит, с кем он говорит, с плотским он о духовном не говорит, с душевным не говорит о духовном, с духовным – говорит о духовном.

Я замечал это не раз. Огромная редкость такой дар. Надо же видеть душу человека, с кем ты говоришь!

Литургия в Сретенском храме. 1983 г.

*В трапезную
после службы, 1970 г.*

Проповедь. 1970 г.

вспоминает
схимонахиня Евстафия

Исполняю послушание матушке игумении: пишу о высокопреподобнейшем старце архимандрите Иоанне (Крестьянине). Испытываю большое затруднение, мне 85-й год... Могу изложить только те моменты из его 95-летней богоугодной жизни, которым была свидетельница или которые непосредственно меня касаются, так как я по милости Божией – его духовная дочь с 1971 года.

Читала сегодня Евангелие от Матфея, глава 25. В ней говорится о талантах, которые господин вручал своим рабам. Подумалось мне, что именно это относится к батюшке отцу Иоанну. Господь вручил ему пять талантов. Батюшка, как

верный раб Господень, приобрел на них десять талантов и всю жизнь продолжал умножать их.

Наибольший талант у нашего старца – любовь. Любовь, скорбящая даже за врагов, любовь, хотящая спасения всем, любовь, которая явилась связующим звеном Церкви земной с Церковью небесной, любовь, которая сделала его посредником между нами и Богом.

С августа 1961 года я несла послушание на скотном дворе – пасла коров и другие работы там исполняла. Не помню теперь, в 1962 или 1963 году, как-то летом шла я торопливо через кладбище в монастырскую ограду (к себе в келию) и повстречала священника, который с группой женщин направлялся к источнику. У батюшки я взяла благословение и на мой вопрос узнала, что он протоиерей Иоанн и служит под Москвой.

Потом спустя много времени от сестер услышала, что в обитель приезжал очень духовный священник отец Иоанн Крестьянкин и в трапезном храме проводил беседу на духовные темы с матушкой игуменией Ангелиной и насельницами монастыря. Тогда я поняла, что с ним я и повстречалась на кладбище, но не знала, что он и есть отец Иоанн Крестьянкин, о духовности которого я и раньше уже слышала несколько раз.

Когда-то, будучи в Ленинграде на лечении, повстречалась с духовной сестрой по отцу Борису Николаевскому, который скончался в 1954 году. В беседе с ней выразила горькое сожаление, что нет батюшки отца Бориса и не может быть подобного ему. А она ответила, что есть такой батюшка – отец Иоанн Крестьянкин, что она его духовная дочь (после отца Бориса) и ездит к нему в Летово Рязанской области, где он служит.

В алтаре перед проповедью. 1970 г.

В мае 1968 года состоялась моя встреча с владыкой митрополитом Мануилом (Лемешевским), к которому я обращалась, и он взял надо мной руководство с декабря 1964 года. Это была последняя наша встреча.

Беседовали мы на веранде дома, где он жил. Святитель сидел в кресле, опустив голову, уже очень, очень слабенький, а я перед ним стояла и напряженно вслушивалась в его слова, ибо говорил он шепотом. В конце беседы он сказал об отце Иоанне Крестьянкине: «Он – народный пастырь. Отец Иоанн умеет поддерживать мир с печерской братией, умеет жить со всеми в мире, даже с теми, кто к нему плохо относится». Что-то много он о нем говорил, но тогда я его не знала. В то время он уже был печерским иеромонахом.

В ноябре 1971 года я была в Псково-Печерском монастыре. По благословению матушки игумении Варвары я поехала туда для встречи с отцом Иоанном (Крестьянкиным), до этого письменно получив от него благословение на личную встречу. Теперь он стал моим духовным отцом. Матушка игумения благословила поехать на пять дней, сказав: «Как же к такому старцу не отпустить?»

Господь сподобил встретиться с батюшкой. Побеседовали мы с ним в гостинице, где я остановилась. Рассказала батюшке о себе. На другой день исповедовалась у батюшки на амвоне Успенского храма у южных дверей во время Херувимской песни, на следующий день – в воскресенье – за ранней литургией в том же храме причастилась.

Во время исповеди батюшка говорил много назидательного. Я почувствовала в нем большую Божественную Любовь, глубину духовного познания, ведения и духовного рассуждения.

В эту первую встречу батюшка благословил меня образом Божией Матери Скоропослушницы, чему я очень обрадовалась и удивилась, так как это особо мною почитаемый образ.

Приехала я в пятницу, а в среду на следующей неделе уезжала, на пятый день, как матушка игумения благословила. Узнала, что по четвергам батюшка проводит общие исповеди. Я намерена была задержаться, сказав батюшке, что матушка простит, но он ни в коем случае не благословил нарушить благословение матушки игумении.

Итак, с благословения матушки игумении я стала ездить в Псково-Печерский монастырь для встречи с отцом Иоанном и на могилу старца Симеона.

Второй раз я была в Печорах в 1973 году. Приехала в день праздника преподобномученика Корнилия. Была участницей торжества. Пospела к поздней литургии. Во время «запричастного» отец Иоанн говорил слово о преподобномученике Корнилии. Сильно, живо, полно, нравоучительно. Во время отпуста владыка митрополит Иоанн сказал: «Наш Златоуст такое слово произнес прекрасное, так всесторонне раскрыл жизнь святого, что мне больше нечего сказать». Праздничный молебен начался в Сретенском храме, а закончился в Успенском у раки преподобного. Впервые я была за праздничной трапезой, увиделась с батюшкой, получила благословение.

На второй день мы встретились в гостинице, где я остановилась. Долгонько побеседовали. В этот приезд я была участницей общей исповеди, которую проводил отец Иоанн. Он вызвал у всех покаяние. В день отъезда мы встретились с батюшкой в его келии. Часа два побеседовали и попрощались. В назидание старец говорил: «Идти путем самоукоре-

ния. Считать себя хуже всех. Надо трудиться. Надо обновляться. Радоваться не один день, а всегда».

Один из приездов пришелся на праздник Преполовения. Вошла в ограду. Во дворе – море людей. Только что закончился водосвятный молебен, который совершался на улице, на площади Успенского храма. Толпа во дворе, а батюшка с верхней ступеньки лесенки, которая ведет на площадь, усерднейше не просто окропляет, а буквально поливает народную толпу освященной водой. Именно от всей души, с обильной радостью, что так глубоко запечатлелось в памяти.

В какой-то мой приезд отец Иоанн служил заказные молебны после литургии, в том числе и водосвятные. Помню, 16 молебнов было с акафистами и не знаю сколько простых. Воды освящалась целая бочка. Молебен служился два часа. После молебна батюшка не окроплял, а тоже поливал всех священной водой. Любовь его лилась через край!

Пришлось молиться с батюшкой и за панихидой, которую он совершал весьма усерднейше, не сокращая. Кстати, надо сказать, отец Иоанн с большой любовью совершал отпевание усопших братьев и провожал их на место упокоения. Во всем серьезность, любовь, молитвенность!

Раза два или три приходилось участвовать в общей исповеди, которую проводил батюшка отец Иоанн. Он у всех вызывал покаяние. Вначале, в вводной части исповеди, он обычно раскрывал Евангелие, за два-три предыдущих дня читанные, очень глубоко и назидательно пояснял их смысл на жизненных примерах. Насыщенные, содержательные, поучительные проводились исповеди. В большинстве же случаев батюшка исповедовал меня в келии, иногда до вечерней службы, а ино-

гда (несколько раз) рано утром перед литургией. Когда как благословит. Бывало, днем приходила, бывало, скажет: «Давай сначала побеседуем, а потом поисповедуемся».

Прощальная встреча всегда происходила в келии. Тогда батюшка, как мама родная, так усердно и старательно начинал собирать в дорогу: и иконки, и просфорочки, и назидательные листочки, и гостинцы. А потом уже благословлял, всегда помазуя освященным елеем и обильно окропляя святой водой. И все это делалось с особо живой бодростью и радостью. И столько вливалось в душу благодатного мира! Виделось и чувствовалось, что батюшка от всей души желает утешить, ободрить, умиротворить к нему приходящих. Домой возвращаешься, точно на крыльях летишь.

Храню батюшкин мешок, в который были вложены подарки в дорогу. На нем изображен большой орел с распростертыми крыльями. Давая мне этот пакет, отец Иоанн сказал: «На орле полетишь». И кто бы поверил? За час я приката-прилетела домой (на такси). И денег-то батюшка давал на дорогу, правда, не лично, через провожающих (его близких).

Как-то раз пришла я после ранней литургии, и батюшка пришел – пошутил: «Кто же тебя впустил так рано? Ну, давай мы с тобой вместе позавтракаем». И откуда-то вдруг появился ранее невидимый маленький-маленький круглый столик на одной ножке, такой чудесный. Для одного человека подходящий, но нам и вдвоем было не тесно. Не помню: то ли чай с молоком, то ли кофе мы пили; были яйца всмятку и бутерброды. «Ну вот, будешь помнить», – сказал батюшка. Да как же можно такое забыть?!

*Первая фотография в своей келии.
Печоры. 1967 г.*

Однажды я покаялась батюшке в том, что особенно люблю рыбку. Вдруг батюшка вскочил и буквально припустился бегом по коридору, затем вниз по лестнице на кухню и принес мне много жареной рыбы, завернул и велел взять с собой. В один из моих приездов прислал мне старец рыбных котлет, точно только сейчас приготовленных (парных). Да такие вкусные! Ему из Москвы привезли чада духовные, а он тут же передал котлеты мне. В доме, где я жила, на всех хватило до моего отъезда. Так много было. И почти каждый раз перепадала мне от него рыбка в разном виде. Как-то я читала у Отцов: «Бывает

особая любовь к некоторым продуктам питания не по прихоти, а по требованию организма – это не грех!»

Думаю, что батюшка любил совершать литургию в Никольском храме (ранняя с 6 часов утра по четвергам). Несколько раз мне приходилось молиться там вместе с батюшкой. Памятным осталось: однажды я не успела дома прочитать правило ко причащению и, когда пришла в храм до службы, стала быстро читать (с собой взяла), думая: «Сколько успею». Читаю, удивляюсь: «Почему батюшка не начинает службу, уже время?» И только тогда, когда я закончила читать правило (молитвы ко причащению), батюшка тут же дал возглас на литургию.

Другой случай, связанный с этим храмом: в четверг мне надобно было уезжать. Не дотянув до конца службы (до креста), я пошла в Успенский храм, чтоб приложиться к чудотворному образу Божией Матери и поклониться мощам преподобномученика Корнилия.

Возвращаюсь в Никольский храм и вижу массу народа у лестницы, вся лестница забита людьми, а сверху (из храма) спускается батюшка, точно на крыльях летит, весь сияющий, радостный, а народ устремляется к нему под благословение. И я подошла. Он говорит: «Иди ко мне в келию, я сейчас приду». Уже была договоренность о том, что я приду попрощаться. Пришла я в келию, жду, жду... А батюшки нет и нет. Так целый час, а то и больше ждала, когда, наконец, он пришел, как обычно, энергичный, бодрый и радостный. А ведь было холодно. Столько времени народ его держал во дворе... Шарфик небрежно вокруг шеи обвивается. Он о себе не думает, хотя легко подвержен простуде. И Господь его хранит...

Батюшка близко к Господу, и Господь с ним. Он слышит и слушает молитвы батюшки. Через него прощаются грехи (мы это чувствуем), через него отступают искушения, малые и большие. «Будем звонить в Небесную Канцелярию, а там, как Господь управит», – говорит он. И все управляется по его молитвам.

Снам я не придаю значения, но все же напишу, какой приснился мне однажды. Время летнее или начало осени, я легко одета. За плечами рюкзак. Быстро шагаю. Кругом такой безграничный простор... Но вот на пути домик. Я знаю, что здесь живет батюшка, и захожу. Мы встречаемся, беседуем. Мне надо уходить. Батюшка благословляет меня, и я чувствую в себе радость и легкость (что потом и въявь было).

Направляюсь к выходу, но понимаю: за дверью – злая сила поджидает (бесы). Вдруг при этом сознании батюшка берет меня за руку и поворачивает в другую сторону, ведет к другому выходу, путь лежит через дворик. Я спускаюсь по лестнице и иду, а мальчишки начали пулять в меня камушками, но они маленькие и не попадают в меня, а которые попадают – от них не больно.

И так я вышла на улицу радостная и бодрая и пошла домой, уже под гору легко и быстро бежала. По молитвам батюшки Господь хранит нас от злой силы и больших искушений и только маленькие (бросаемые в нас врагом камушки) попускает.

Не забыть приезд батюшки отца Иоанна в Пюхтицкую обитель в 1978 году на первой седмице Великого поста, когда в монастыре совершался монашеский постриг священника отца Александра Муртазова и четырех сестер. Отец Александр

пожелал, чтобы батюшка отец Иоанн был его восприемником от Евангелия.

Приехав в обитель в четверг перед вечерним богослужением, отец Иоанн сразу же направился в игуменские покои и преподал благословение и наставление сестрам-постриженницам. Присутствовал при постриге, который совершал владыка Алексей. После пострига в 12 часов ночи, когда сестры приходили петь новопостриженным «Се жених грядет» и другие песнопения, батюшка тоже пришел, поздравил новопостриженных, преподав им благословение, и сказал, как проводить монашескую жизнь.

В пятницу батюшка вместе с владыкой совершал литургию, а вечером в пятницу во время правила ко причащению провел общую исповедь, большую, которую он составлял по десяти заповедям. После утрени непосредственно участвовал в постриге отца Александра, став его восприемником от Евангелия.

В субботу отец Иоанн опять вместе с владыкой совершил литургию, и причащали они в две чаши. После службы в субботу он уехал домой. Несмотря на свое нездоровье (он приехал больной), отец Иоанн много потрудился. Я видела, как батюшка, больной, невзирая на свою немощь, весь истощал себя, чтобы принести духовную пользу насельникам обители Пюхтицкой. Молитвой, проведением общей исповеди, служением литургии – всем батюшка доставлял духовную пользу, утешение и радость.

В его приезд проявилась великая милость Божия к нашей обители. Этот момент как бы напомнил ранее существующую связь двух обителей – Печерской и Пюхтицкой. Батюшка своим приездом еще больше породнил эти обители.

Любовь его лилась через край в души всех, кто имел возможность соприкоснуться с этой любовью, такой большой, самоотверженной, такой редкой в наше время холодное. Я не имела возможности в те дни лично поговорить с батюшкой, но вместе со всеми пользовалась и питалась благодатию, исходящей через него в молитве и словах.

В декабре 1991 года состоялась моя последняя встреча с батюшкой. Больше двенадцати лет мы не виделись. Но батюшка ежегодно неизменно поздравлял с праздниками Рождества Христова и Пасхой. И я его поздравляла с этими праздниками и с днем Ангела. А также всегда спрашивала благословение на особые моменты в жизни (постриг в схиму, операция глаз). Писать о батюшке можно много и бесконечно (целый том составить можно), но я закончу, прося меня простить.

Благодарю Господа, что Он сподобил меня быть духовной дочерью такого великого старца, благодарю матушку игумению за то, что благословляла мои поездки к нему, благодарю батюшку, что терпел мои немощи.

Добавлю. Написано это было при жизни отца Иоанна для книги о нем. 5 февраля 2006 года блаженный старец скончался. Пошел домой – на покой. К Богу пошел. Но от нас он не ушел. Оттуда видит нас, наблюдает за нами и помогает нам.

Господи! дай нам
милую излеченность
В нашей жизни то,
что мы должны излечиться.
Дай нам естественность
переставить то, что
мы не можем излечиться,
и дай нам мудрость
чтобы отменить
первое от второго

Напоминание самому себе

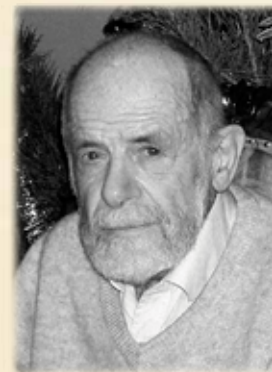

Чин о Панагии. 1977 г.

Псков. В Троицком соборе. 1957 г.

вспоминает
Владимир Кабо

Свободный дух

Дух дышит, где хочет [Иоанн 3:8]

В июле 1950 года, после девяти месяцев, проведенных в трех московских тюрьмах – Лубянской, Лефортовской и Бутырской, – я оказался в поселке Ерцево, центре Каргопольлага, на юге Архангельской области. Территория лагеря простиралась отсюда на сотни километров, почти до самого Архангельска. Она включала десятки отдельных лагерных пунктов (ОЛПов), и в каждом трудились сотни заключенных рабов. Спустя месяц меня отправили на 16-й лагпункт,

расположенный в 30–40 километрах от Ерцева, у поселка, носившего символическое название Черный, на одной из железнодорожных веток, которыми вывозили заготовленный заключенными лес. Лагерь был окружен лесами, зимними ночами в небе над ним колыхалось северное сияние, а в мае начинались белые ночи. Здесь и суждено мне было прожить до лета 1954 года.

Большую часть заключенных составляли осужденные по так называемым бытовым статьям, в основном бывшие колхозники и рабочие, меньшую – политические, сидящие по 58-й статье; к ним принадлежал и я. Поселили меня в бараке для административно-технических работников – бухгалтеров, нормировщиков, экономистов. В этом же бараке жил заведующий столовой – бывший хозяйственник из Грузии; рабочий конпарка, а в прошлом католический священник из Каунаса; санитар на производстве – историк из Риги; и много других людей разных национальностей и очень разных судеб.

В советском концлагере отразился весь огромный Советский Союз со всей его сложной трагической историей. И мне, еще недавнему студенту-москвичу, не окаясь я здесь, никогда бы, вероятно, не пришлось встретить всех этих людей, а с некоторыми – и близко сойтись.

Барак наш был таким же, как и другие. Внутри, по обеим сторонам длинного прохода – двухэтажные нары-вагонки, тумбочки между ними. Под потолком – голые электрические лампы, черная тарелка радиорепродуктора – голос Москвы звучал почти непрерывно.

В этой обстановке – было это, помнится, весной 1951 года – я и встретил впервые Ивана Михайловича Крестьянкина. Я навсегда

запомнил, как он шел своей легкой, стремительной походкой – не шел, а летел – по деревянным мосткам в наш барак в своей аккуратной черной куртке, застегнутой на все пуговицы. И обликом, и поведением он резко отличался от остальных заключенных. У него были длинные черные волосы – заключенных стригли наголо, но администрация разрешила ему их оставить, – была борода, в волосах кое-где блестела начинающаяся седина. Его бледное тонкое лицо было устремлено куда-то вперед и вверх.

Особенно поразили меня его глаза – вдохновенные глаза духовидца. Он был чем-то похож на философа Владимира Соловьева, каким мы знаем его по сохранившимся портретам.

Иван Михайлович – так звали его в нашем лагерном быту, так звал его и я – поселился рядом со мной, на соседней «вагонке». Мы быстро и прочно сблизились, и я узнал, что до ареста он был священником одного из московских православных храмов.

В своем письме родителям от 3 мая 1951 года – а моя лагерная переписка с ними сохранилась – я пишу о том, что среди людей, окружающих меня, есть люди нравственно и духовно высокие: «Они являются для меня образцом в повседневной жизни и помогают мне обогатить мою жизнь подлинным и ценным содержанием». Имен я не называю, но если отец Иоанн уже был там в это время, то эти слова относятся прежде всего к нему.

Встреча с отцом Иоанном сыграла большую, быть может, судьбоносную роль в моей жизни. Она не была случайной, как и многое, что происходит с нами на нашем жизненном пути. К этой встрече я был подготовлен. В своих воспоминаниях «Дорога в Австралию» я рассказываю о пробуждении рели-

Троицкий собор. С помощницами по храму. 1956 г.

гиозного чувства, которое я испытал на фронте. Это чувство вновь вспыхнуло во мне в тюрьме и лагере. Много лет спустя смерть моей первой жены и пережитое мною потрясение вновь привели меня к отцу Иоанну, и он снова пришел мне на помощь.

Благодаря отцу Иоанну я прочитал в лагере Библию. Это он дал мне эту великую книгу, и я прочитал ее всю, полностью, от первой до последней страницы. Интерес к истории религии и духовной культуры – а он с той поры уже никогда не покидал меня – стремились удовлетворить и мои родители. Мать привозила или присылала книги из нашей домашней

библиотеки или купленные у букинистов. «История религий» Шантепи де ля Соссея, которой заинтересовался отец Иоанн, была передана моей матерью через преданных ему прихожанок, навещавших его в лагере.

Конечно, мы питались не только духовной пищей. Долгое время мы с Иваном Михайловичем даже ели вместе, а в лагерных условиях это свидетельствовало о большой близости и взаимной симпатии. Отчасти этому способствовало то, что оба мы получали регулярные посылки – я от родителей, а отец Иоанн, вероятно, от бывших своих прихожан.

Как я помню, работал отец Иоанн в бухгалтерии. Бухгалтером он был и в миру. Необычайно добросовестно относился он к любому делу, к которому призывала его жизнь, таким я наблюдал его и в лагере.

Этот необыкновенный человек обладал способностью привлекать людей, возбуждать к себе любовь. И это потому, что он сам любил людей. Когда он говорил с вами, его глаза, все его лицо светилось, излучало любовь и доброту, а в словах звучали внимание и участие. Не много, вероятно, найдется людей, в которых с такой полнотой и силой проявилась бы глубочайшая сущность христианства, выраженная в простых словах: «Бог есть любовь». Любовь к Богу и к людям – вот что определяло все его поведение, вот о чем говорил он весь, летящий, устремленный вперед.

Он не был проповедником на словах. Через него действовала Божественная сила. Вот почему он как бы весь светился – такое впечатление он производил на меня и, вероятно, на других людей, окружавших его в лагере. Это была сила харизмы, благодати, сосудом которой он был и себя ощущал. Такой человек, такой священник в те годы был «обре-

чен» на то, чтобы оказаться в тюрьме и лагере. Он был слишком притягателен и там, на воле, и власти попытались пресечь его влияние на людей.

Отец Иоанн был христианином в полном значении этого слова. Для него не было «ни эллина, ни иудея». Расовые и национальные различия не имели для него значения. Ксенофобия, шовинизм были глубоко ему чужды. В каждом человеке он видел, прежде всего, человека, стремился разглядеть в нем не его телесную и даже не его душевную, а его духовную природу – то, что делает человека однопородным с Богом. Достоинство человеческой личности было для него высшей ценностью. Еврей был для него таким же близким человеком, как и человек любой национальности.

Ученики Христа были евреями. Первые христиане были людьми многих национальностей. Христианство открыто всему миру, и эту открытость нес в себе отец Иоанн.

Человека, способного принять и понести в себе Божественный свет, он видел и в закоренелом преступнике. И в этом отношении не было для него различий между людьми. Эту черту отца Иоанна я наблюдал много раз, видел, с какой открытостью, любовью он говорит с профессиональным вором, может быть, с человеком, несущим на себе тяжелый груз прошлых преступлений. В этом был, как я думаю, величайший смысл его пребывания в лагере.

Отцу Иоанну были свойственны деликатность, интеллигентность, большая внутренняя культура. В его манерах было что-то от старого русского интеллигента. Замечательной особенностью его душевного склада было чувство юмора, любовь к шутке – шутке, лишенной язвительной насмешки, сарказма.

Его шутки никого не задевали, не обижали. Эта черта вообще свойственна людям душевно чистым.

Способность беззлобно шутить, смеяться сродни гениальности. Она, кстати, тоже сближала отца Иоанна с Владимиром Соловьевым. Вспоминается его реплика, связанная с лагерным обедом в «коммерческой» столовой, где можно было пообедать за деньги.

– Иван Михайлович, что сегодня в столовой?

– Беф-мирантон и соус пикан.

Отец Иоанн не был человеком «не от мира сего». Было бы ошибкой утверждать, что он был чужд политике. Он не был и не мог быть равнодушен к происходящему в мире, в собственной стране. Но и политику, и вообще дела земные он понимал в каком-то высшем смысле, смотрел на них *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности – лат.) – в отношении к Богу и вечности.

Хорошо помню, как он встретил меня в незабываемые мартовские дни 1953 года – дни, отмеченные одним из величайших событий истории: смертью Сталина. Отец Иоанн встретил меня около нашего барака, он, как всегда, не шел, а словно летел, в его руках была газета, он был охвачен радостным возбуждением.

– Вот, смотрите, сбылась, наконец, мечта русского народа.

И он показал мне фотографию на первой странице газеты: Сталин в гробу. Услышав это, я подумал: кто-кто, а Иван Михайлович знает свой народ.

Если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что через пятьдесят лет, по данным социологического опроса, почти каждый второй житель России одобрит деятельность Сталина. Не буду

здесь обсуждать этот феномен, искать ему объяснения. Думаю, что отец Иоанн, родившийся и воспитанный в коренной русской религиозной среде, свидетель насильственной коллективизации, чудовищных репрессий, насилий над религией и церковью, уничтожения храмов и монастырей – мог ли он думать о своем народе иначе?

После смерти Сталина в лагерном режиме начало что-то меняться. И тогда Иван Михайлович покинул наш барак. Ему и еще одному заключенному, немолодому уже человеку, разрешили поселиться в землянке, вырытой – не помню уже, кем и когда – на территории лагеря. И они жили теперь в этой землянке вдвоем.

Однажды отец Иоанн пригласил меня к себе. Я спустился по нескольким ступенькам вниз и увидел небольшую комнату, слабо освещенную через окошко под самым потолком. Стены обшиты деревянными плахами, двухэтажные нары, столик, покрытый скатертью, тумбочка. Икон не помню – думаю, на стенах их не было, чтобы не волновать начальство. Необыкновенная чистота, порядок, уют.

Надо сказать, что Иван Михайлович всюду, в каких бы условиях он ни находился, умел создать вокруг себя особую атмосферу опрятности, чистоты, «благолепия». То, что я увидел, была настоящая подземная келья – явление в условиях советского лагеря поразительное. Представляю, что значила после барака возможность такого уединения для отца Иоанна, который с юных лет чувствовал в себе призвание к монашескому образу жизни.

Но не долго суждено было ему жить в этих условиях. В конце сентября 1953 года его внезапно увезли. Я писал об

этом родителям в начале октября и снова в письме от 23 октября 1953 года: «Я писал вам об отъезде Ивана Михайловича Крестьянкина и просил вас сообщить мне о его дальнейшей судьбе. Нас связывали добрые отношения, и мне было жаль с ним расставаться». Прощаясь, я подарил ему свой термос – он мог пригодиться ему в новой, неизвестной жизни, которая его ожидала.

В 1954 году я покинул 16 ОЛП и переехал на комендантский лагпункт в Ерцево, а в августе того же года освобожден по амнистии и вернулся в Москву. В своих воспоминаниях «Рук твоих жар» Анатолий Краснов-Левитин рассказывает о встрече с Иваном Михайловичем в Куйбышевском инва-лидном лагере, куда его привезли из Каргопольлага. Из этого лагеря отец Иоанн и освобожден в феврале 1955 года.

В одном из писем из лагеря, которое стало мне доступно благодаря любезности Анастасии Горюновой-Борисовой, отец Иоанн упоминает Волгу, на которую любит издали, и с сожалением вспоминает нашу жизнь на 16 ОЛП: «Нахожусь в совершенно иной жизненной обстановке, во многом резко отличающейся от предыдущей, которую часто вспоминаю». Год и место отправления в письме не указаны, но оно, несомненно, относится к осени 1953 года и отправлено из Куйбышевского лагеря.

В 1955 году, вскоре после его освобождения, я встретил отца Иоанна в Москве. Я узнал о его освобождении от тех же близких ему женщин, с которыми мы сохраняли связь. Встретились мы в квартире, в которой он тогда поселился. Я снова учился в Московском университете на историческом факультете, который мне не дали закончить в 1949 году.

Интерес мой к религии сохранился, я оставался верен ему на протяжении всей дальнейшей жизни. Особенно волновала меня проблема происхождения религии. Мне хотелось понять, как возникла у наших далеких предков идея Бога и какой она предстает в сознании современных народов, сохраняющих первобытный образ жизни. Вернувшись в университет, я погрузился в изучение мировой этнологической литературы. Я мечтал о том, чтобы написать книгу о первобытной религии. Своими мыслями, идеей будущей книги я и хотел поделиться с отцом Иоанном.

Отец Иоанн внимательно выслушал меня. Он одобрил избранный мною жизненный и научный путь и благословил меня на осуществление моего замысла. После этого разговора прошло много лет. Все эти годы, работая над другими научными темами, я шел к задуманному мною труду, обдумывал его, накапливал необходимые материалы, писал отдельные части будущей книги. И только в 2002 году в Австралии была опубликована моя книга «Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности».

Ведущая идея этой книги не изменилась со дня моей встречи с отцом Иоанном в далеком 1955 году – в основном она осталась той же. Вот почему я могу сказать теперь, что эта встреча была одним из самых важных событий в моей жизни – оно определило направление моих научных поисков, помогло осуществлению моего давнего замысла.

После встречи в Москве прошло двадцать лет, и на этот раз к отцу Иоанну привело меня одно из самых тяжелых моих испытаний – болезнь и смерть жены. Это произошло в 1976 году. Я тогда жил и работал в Петербурге. Я знал, что отец

Иоанн – теперь уже архимандрит Псково-Печерского монастыря – человек, глубоко уважаемый и почитаемый в народе. И я чувствовал, что должен увидеть его, что он поможет мне.

И вот я в стенах древнего монастыря. Я вижу отца Иоанна: он постарел, но движения его все те же – быстрые, парящие, молодые; взгляд его все тот же – глубокий, проникающий в душу. Я вижу его в соборе во время службы, он приглашает меня в свою келью монаха, а потом – в монастырский сад, и мы сидим на скамье, а внизу, у наших ног, – весь монастырь. И мы опять ведем неспешную беседу – о жизни, о Боге, о вере, – как когда-то, много лет назад, в других стенах.

Я посетил отца Иоанна еще несколько раз и по его совету, там же, в монастыре, принял крещение. После этих встреч я почувствовал себя обновленным, готовым продолжать жизнь. Никогда больше я не встречал его, но память об отце Иоанне, об Иване Михайловиче Крестьянкине, всегда со мною. Она живет во мне, куда бы судьба ни привела меня, что бы со мной ни происходило.

Я не видел его годами, но мне всегда казалось, что он незримо сопровождает меня на моем жизненном и духовном пути. В трудные дни и часы моей жизни я ищу в нем поддержку, мы продолжаем прерванную много лет назад беседу.

Со. Паисием. Село Юшково. 1977 г.

На приходе. 1968 г.

Отец Иоанн. 1980 г.

Вспоминает **Николай Симаков**

По милости Божией мне впервые довелось встретиться с дорогим батюшкой Иоанном Крестьянкиным весной далекого уже теперь 1979 года. Было это во время Великого поста, тогда я впервые приехал в Псково-Печерский монастырь как паломник. Помню, даже не знал еще толком, как подобает себя вести в настоящем действующем православном монастыре. Поэтому был несколько смущен и робко стоял среди многочисленных молящихся людей в Успенском храме.

Здесь мне пришлось наблюдать, как многие паломники и молящиеся женщины просят благословения у входящих монахов. Мне тоже очень захотелось получить благословение

в стенах этой древней обители. Преодолевая свою застенчивость и робость, видя, как все это делают, я сложил руки для благословения и решился подойти к входившему в храм монаху, увидев на груди у него наперсный крест. Им оказался батюшка невысокого роста с очень добрым лицом, в очках, который, благословив, поцеловал меня по-отечески в лоб и даже обнял.

Помню, я был весьма поражен этим. Было такое ощущение, как от встречи с родным и близким человеком. Мне тут же захотелось узнать, кто этот батюшка. Я стал расспрашивать стоящих рядом людей. На мой вопрос я услышал ответ: «Как, Вы разве не знаете – это же отец Иоанн Крестьянкин!» Рядом со мной стояла Татьяна Горячева, моя знакомая, с которой я приехал тогда в монастырь. На мой вопрос об отце Иоанне Крестьянкине она сразу же ответила, что это духовник монастыря и известный старец.

В начале 80-х годов я стал часто приезжать в Псково-Печерский монастырь. Мне хотелось вновь побывать в этой древней православной обители, которая никогда не закрывалась, и, конечно, хотелось вновь увидеть и встретиться с отцом Иоанном. Для меня как неопита тогда было важно увидеть вновь старца – живого носителя православной веры и благодати. Хотелось узнать, что такое духовная жизнь и как можно спастись в миру. У меня не было духовного отца, и хотелось его найти здесь, в стенах монастыря.

И вот, приехав в монастырь, я вместе с другими паломниками после окончания литургии ждал выхода батюшки Иоанна из Михайловского собора. Ожидавших столпилось довольно много, люди были все страждущие: у кого муж

в тюрьме, кто разводится, кто пьет, у кого больные дети. Все были удручены своим горем, находились в печали, унынии и друг с другом не разговаривали. Помню, что и у меня в душе было уныние, тоска и какое-то болезненное состояние.

Внезапно появился отец Иоанн. Он всегда ходил очень быстро, почти летал. Его ряса часто развевалась на ветру, как крылья. Внешне батюшка отец Иоанн был невысокого роста, лицом и манерами напоминал профессора дореволюционного времени, глубоко интеллигентного и тактичного. Общаясь с ним, каждый чувствовал любовь и уважение к себе с его стороны и даже некое равенство. Вместе с тем духовно он был похож на святителя и чудотворца Николая, который стремится помочь каждому в его беде и жизненном испытании.

Подойдя к нам, батюшка Иоанн стал разговаривать понемногу с каждым. Помню, как все приготовили и протягивали ему свои толстые тетради с исповедью и просьбами. «Ой, какая толстая тетрадь, когда же мне это все прочесть?» – весело говорил он. При этом отец Иоанн спрашивал о самой главной причине, которая привела человека к нему. И тут же давал духовный совет, как быть и что необходимо сделать.

Хорошо помню, как люди, обступившие его со своим горем, стали вдруг как-то оживляться, радоваться, а некоторые даже начинали смеяться от радости. И я тоже почувствовал, что с появлением батюшки мое внутренне состояние изменилось. Уныние, тоска в душе исчезли, и вместо них появились бодрость и одухотворенность. Душа, до этого болезненно израненная унынием, исцелилась от встречи со старцем.

Все это произошло, несомненно, оттого, что рядом с нами был батюшка отец Иоанн. Он излучал благодать Божию из своей любящей души, и все вокруг духовно-душевно исцелялись. Тогда я впервые познал на себе опыт старческого душепопечения. Когда очередь дошла до меня, я тоже протянул отцу Иоанну свою подробную исповедь в толстой тетради, опасаясь, что он не возьмет ее. Но батюшка взял мою исповедь и при этом спросил, на сколько дней я приехал в монастырь? Я не знал, что и сказать.

Заметив мою нерешительность, он напомнил правило для паломников приезжать в монастырь не менее чем на три дня. Ведь всем паломникам нужно помолиться, исповедаться и причаститься. Благословив меня остаться при монастыре на три дня, он добавил, что постарается прочесть мою исповедь и пригласить к себе на беседу. Я, конечно, был весьма рад этому обстоятельству и с трепетом ждал приглашения к старцу.

Встреча произошла на третий день. Ко мне подошел монах и передал, что отец Иоанн благословил прийти к нему сегодня. Когда я вошел в келью батюшки, он уже ждал меня. Келья отца Иоанна была светлой, все стены были увешаны иконами и портретами архиереев. В ней я почувствовал себя как в намоленном домовом храме.

Батюшка, благословив, посадил меня на свой диван, на котором он всегда принимал посетителей. Он беседовал со мною как Отец с заблудшим сыном из евангельской притчи. Я, было, оробел внутренне от такой близости и простоты общения со старцем. Но его тактичная и проникновенная беседа со мной стала для меня настоящим праздником и духовной радостью.

Благословение паломников. 1999 г.

В 1983 году я приехал в Псково-Печерский монастырь на Страстной седмице, чтобы здесь встретить Пасху Христову. Помню Пасхальное ночное богослужение в Михайловском соборе. Возглавлял его сам отец Иоанн (Крестьянкин). Во время Пасхального крестного хода батюшка с особой радостью пел и, обращаясь к нам, стоящим в соборе, не раз восклицал: «Пойте все, братья и сестры!»

Рано утром в этот же день Воскресения Христова вместе с другими паломниками я пришел к келье батюшки отца Иоанна, чтобы поздравить его лично. Среди нас, помню, была совсем слепая женщина, которая принесла пасхальные яйца для отца Иоанна.

Встреча Патриарха Алексия II. Печоры. 1992 г.

Мы стали петь все громко пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» Батюшка Иоанн вышел из кельи как всегда радостный, восклицая: «Христос Воскресе!», и мы все дружно отвечали: «Воистину Воскресе!»

Он пригласил нас к себе в келью. Она в этот день казалась еще более светлой. Все в ней было по-пасхальному празднично. Я не знал, на что больше смотреть – на отца Иоанна, который весь светился от пасхальной радости, или на многочисленные иконы в его келье.

Помню, чуть даже не рассмеялся, когда на вопрос одной из женщин, поедет ли батюшка служить на приход в Эстонию, он, махнув рукой, шутливо отвечал: «Да я тут сам на послушании, как благословят». Эта пасхальная ночь, проведенная со старцем в соборе, а затем в его келье, запомнилась и запечатлелась в моем сердце навсегда.

Отец Иоанн стал для меня живым подтверждением, что православие есть истинная вера русского народа. Скажу больше, встреча с ним была для меня встречей с живым воплощенным Евангелием, с благой вестью о Воскресении Христовом и Царстве Божием.

Даже если бы отец Иоанн ничего не говорил, одно его присутствие было духовной радостью, веселием, исцелением и утешением. Думаю, что это испытывали все, кто с ним общался. Он был человек Царства Божия, промыслительно посланный к нам, к людям страждущим, больным, несчастным, чтобы помочь, духовно исцелить, укрепить в вере и направить на путь спасения.

В один из очередных моих приездов в Псково-Печерский монастырь (в первой половине 80-х годов) я, как всегда, ждал вместе с другими выхода отца Иоанна после литургии из Михайловского собора. Он вышел и после бесед с многочисленными людьми стал спускаться вниз по лестнице. Так получилось, что меня и еще одного молодого человека отец Иоанн взял под руку, так как лестница была крутой и так ему было легче спуститься вниз.

Уже не помню, о чем мы говорили с батюшкой, пока спускались, но когда спустились вниз, я наконец решился осуществить свою мечту и спросил: «Батюшка, возьмите меня в

духовные чада». Отец Иоанн сказал в ответ: «Хорошо, но знаете, врача надо иметь на дому, а вот когда сложный диагноз и нужна операция, тогда едут к профессору в Москву». С этого времени я стал получать каждый год открытки и поздравления от батюшки отца Иоанна на Рождество Христово и на Пасху.

На мои вопросы о духовной жизни отец Иоанн подчеркивал необходимость для мирян участвовать в богослужбной жизни Церкви. Это касается, прежде всего, Всенощного богослужения в субботу и Божественной литургии в воскресенье. Исповедоваться и причащаться миряне должны, считал батюшка, постоянно, но не чаще чем раз в две недели. Отец Иоанн всегда говорил об обязательной тщательной и неукошнительной подготовке к причастию Святых Христовых Таин.

Батюшка благословлял ежедневное чтение Нового Завета, одну главу из Евангелия и две из Апостола. Он рекомендовал читать Святых Отцов, начиная с аввы Дорофея и святителя Феофана Затворника, а затем уже переходить к преподобному Иоанну Лествичнику и другим учителям духовной жизни.

Однажды, когда отец Иоанн в братском корпусе давал мне духовный совет и наставление, я вдруг почувствовал, что он видит всю тайную греховность моей души как на ладони. Я остро испытал тогда чувство стыда и покраснел, как в школьные годы.

Помню, как в одну из встреч с батюшкой я, получив благословение, отправился обратно домой, тогда еще в Ленинград. Всю дорогу я ощущал духовную радость и благодать от встреч с ним, и лишь когда я заснул в автобусе к утру, она стала уменьшаться.

Когда в 80-е годы мне пришлось работать юрисконсультом в роддоме № 13, ко мне врачи стали посылать тех женщин, которые шли на первый аборт. Нужно было с ними проводить беседу о вреде аборта и его последствиях. Вышло так, что я переусердствовал. При встрече с батюшкой мне пришлось все рассказать.

Отец Иоанн дал мне тут же свой совет. Нужно только предупреждать, считал батюшка, и рассказать о последствиях этого смертного греха, но не запрещать. А то ведь такая женщина может сама, не дай Бог, извести младенца или убить себя. В роддоме были случаи отказных детей-даунов, и я спросил батюшку, можно ли мне их крестить, а также крестить умирающих детей? Батюшка благословил меня крестить тяжело больных, отказных, умирающих младенцев и научил, как это делать. Помню, он сказал, что крестить их надо в простой подогретой воде, с верою и молитвой, обращенной к Святой Троице: «Крещается раб Божий (имя) во имя Отца. Аминь! Во имя Сына. Аминь! Во имя Духа Святого. Аминь!»

В начале 90-х годов я был назначен митрополитом Иоанном (Снычевым) ответственным секретарем журнала «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости». С первого номера журнала по благословению митрополита мы постоянно печатали проповеди батюшки отца Иоанна (Крестьянкина). Когда наш журнал попал к батюшке, он его прочитал, и вскоре я получил от него письмо. Отец Иоанн писал:

«Дорогой Николай Кузьмич! Предоставилась возможность передать Вам это благодарственное письмо. Мы очень внимательно следим за Вашими совместными с владыкой Иоанном трудами и утешаемся ими. Помогай Вам Бог не ослабевать в этом

важном деле. Но к Вам и просьба будет. Мы очень волнуемся, чтобы не миновал нас какой-либо Ваш журнальчик. Нельзя ли Вас попросить присылать нам по три-четыре экземпляра всего выходящего у Вас. Мы это все неукоснительно оплатим.

Знаю, как для Вас сложна всякая дополнительная нагрузка, но все же дерзаю просить Вас об этой услуге. Молимся о Вас всегда усердно. С любовью о Господе, Ваш Отец Иоанн».

Получив письмо от дорогого батюшки, я тут же показал его митрополиту Иоанну. Владыко внимательно прочитал его и наложил свою архиерейскую резолюцию: «Поместить на страницах Санкт-Петербургских епархиальных ведомостей», что, конечно же, мы с радостью и сделали в следующем номере. Для меня письма отца Иоанна были и благословением духовного отца, и радостью получить от него новую весточку.

Порой батюшка сам присылал нам материалы, которые он считал нужным и даже необходимым поместить на страницах журнала. Вот одно из таких писем:

«Дорогой Николай Кузьмич! В последнее время к нам стало обращаться много людей с откровенными признаками беснования. И даже само вселение нечистой силы у многих совершенно аналогично тому, что описано в главе книги митрополита Вениамина (Федченкова).

В связи с этим нам захотелось попросить Вас, не найдете ли Вы возможность опубликовать в “Ведомостях” отрывок из этой книги, чтобы читатели знали и как это происходит, и как все реально это, и видя близких, мучающихся неведомыми медицине “болезнями”, – люди понимали бы, что происходит вокруг и где надо искать помощи и исцеления. Посылаю Вам

эту главу. Храни Вас Бог. Божие благословение. Ваш архимандрит Иоанн. 12.02.1993».

Хочется привести еще одно дорогое мне письмо от батюшки Иоанна:

«Дорогой Николай Кузьмич! Посылаю в благодарность за Ваши труды Вам подарок – книгу “Нравственное богословие для мирян”. От Вас же получил 10-й номер “Санкт-Петербургских епархиальных ведомостей”. И вот интересный момент, прочитал с интересом весь номер и в нем и свои две проповеди. Их читал как будто и не мои они совсем. Вот так, скажешь слово, и канет оно в вечность, а со страниц печатных уже возвращается оно к тебе, как нечто совершенно новое.

Спасибо Вам. Как ответственно и важно то дело, что делаете Вы. Помогай Вам Бог.

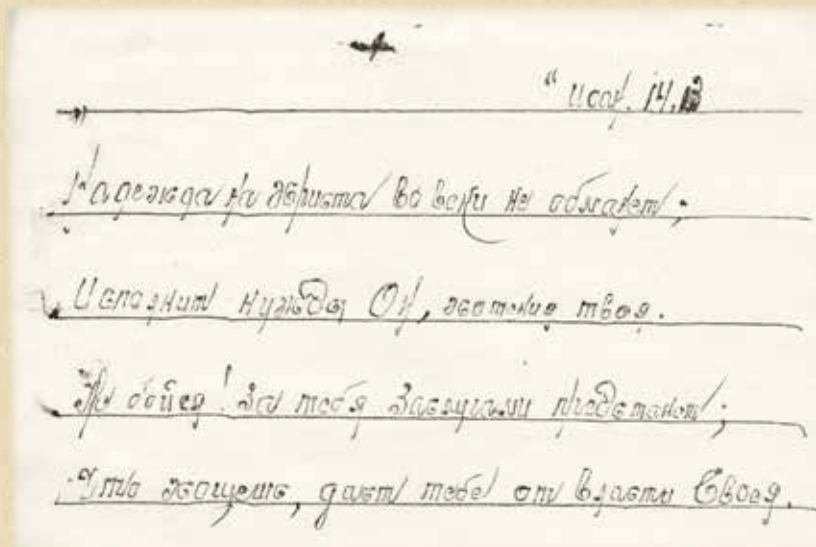
С любовью о Господе. А. Иоанн».

Встреча с отцом Иоанном стала самым важным событием в моей жизни.

Отец Иоанн отошел ко Господу в знаменательный день праздника Собора Святых Новомучеников и Исповедников Российских, к которым, несомненно, принадлежал. В тот день, 5 февраля 2006 года, я был в Казанском соборе на литургии, которую возглавлял митрополит Санкт-Петербургский Владимир, близко знавший батюшку.

После окончания Божественной литургии владыко, обращаясь к нам, сказал: «Сегодня отошел ко Господу благодатный старец – исповедник отец Иоанн (Крестьянкин), которого, несомненно, прославит Церковь как праведника и угодника Божия!»

Записка, написанная рукой о. Иоанна

Молебен на преполовление Пасхи. 1990 г.

Успение Пресвятой Богородицы. 1995 г.

С о. Филаретом на Святой горе. 2001 г.

С архимандритом Нафанаилом. 1982 г.

вспоминает

Ольга Сокурова

Встреча моя с архимандритом Иоанном (Крестьянкиным), дорогим батюшкой, произошла в 1977 году. За несколько лет до этого я была тайно крещена в небольшом деревянном домике на окраине Питера одним известным в городе священником, отличавшимся самоотверженным служением Богу и людям и редким бесстрашием. Звали священника отец Василий. У него было трое детей, один из них – инвалид, но он часто рисковал собой и благополучием семьи ради тех, кто, доверившись ему, присоединялся к Христову стаду.

Пережившие те времена хорошо знают, что верить в Бога было тогда совсем небезопасно: «граждан», замеченных в храме на молитве или записанных среди тех, кто крестился, венчался, заказывал отпевание, вполне могли уволить со службы, выгнать из вуза. А тех, кто читал или распространял религиозную литературу, выслеживали, засуживали, отправляли в ссылки.

Тем не менее именно в 1970-е годы многие пришли к вере – после десятилетий воинствующего безбожия, после неистовых хрущевских гонений против Церкви, вопреки атеистическому воспитанию в семьях, детских садах, школах, вопреки диамату и истмату, которыми забивали головы студентов в вузах.

В одной из своих проповедей отец Иоанн назвал обращение нашего поколения к православной вере настоящим чудом: «...То, что современный человек, выросший и воспитанный без Бога, приходит в Церковь, где Господь встречает его словами: Сегодня надобно Мне быть у тебя... ныне... спасение дому сему [Лк. 19, 5, 9] – вот это не мнимое, а действительное чудо».

Да, мы свидетели и участники этого чуда. Господь призвал – и рухнули все преграды, и пошли за Ним многие молодые и немолодые уже люди с радостной готовностью все претерпеть ради Него. Промысел Божий вновь был явлен в исторических судьбах России.

Моя жизнь, неожиданно для меня самой, оказалась вовлеченной в русло этой общей судьбы и, как малая капля, отразила ее, слилась с общим очищающим, обновляющим потоком. И вот, управляемая спасительным Божиим Промыслом, ранним летним утром я впервые приехала в Печоры. Я очень

хотела увидеть и услышать отца Иоанна, о котором много слышала в Питере от друзей.

Меня поразила райская красота обители, расположенной в цветущей низине за могучими древними стенами. Монастырь представился мне словно бы огромной чашей, наполненной благодатью. Пели птицы. Я спустилась в Успенский храм, с внутренним трепетом вошла в него, встала в очередь за свечами. Слышно было, как в соседнем приделе священник перед началом исповеди обратился к людям с призывом к покаянию.

Меня поразило его голос: казалось, он устремлялся прямо вверх, к Престолу Божию, и оттуда приносил ясные, точные и прекрасные слова. Как филолог, то есть в буквальном смысле «любящий слово» человек, я не могла не отметить духовную красоту и силу той краткой и емкой проповеди. И почему-то мне подумалось, что этот голос и эти слова могли принадлежать, наверное, только отцу Иоанну, о котором много замечательного рассказывали в Питере. Так что сначала я услышала батюшку, а потом увидела его.

Попробую передать свои первые наблюдения. В движениях, жестах отца Иоанна, поворотах его высоко поднятой головы с седыми волнистыми волосами все было торжественно, благообразно, гармонично. Если человек постоянно ходит перед Лицом Божиим, то только так, наверное, и должен он себя вести. Благородная красота поведения еще не раз внутренне отмечалась мною при последующих встречах с батюшкой.

В ту первую встречу уже после службы я увидела, как он движется – не идет, а как будто радостно летит. Развешаются крылья мантии, а за ним так же радостно бежит-поспевает народ. И вот уже кто-то забежал вперед, сообщая на ходу о

своем неотложном деле. Батюшка останавливается, его со всех сторон обступают, берут в кольцо, и уж никуда, кажется, и никогда в жизни не отпустят. Вот он прижимает к себе чью-то счастливую голову, а по чьей-то, не менее счастливой, вразумляюще постукивает рукой.

Вот он отвечает на вопросы, и люди старательно вытягивают шеи, чтобы не упустить ни одного драгоценного словечка: то, что обращено к другому, может прямо касаться и тебя – все мы родные друг другу, все похожи и в бедах, и в падениях, и в недоумениях своих. Вот батюшка пошутил – и все по-детски светло смеются, и словно горы скатываются с плеч.

Да, именно так: несли к нему горы тяжких неразрешимых проблем, а глядь – вместо твоей горы-то осталась махонькая кочка, с которой управиться с Божьей помощью можно просто, бодро и с удовольствием. И снова батюшка, на ходу извиняясь и благословляя, летит вперед, а народ радостно за ним, покуда это возможно...

Сколько раз еще потом, вот так, вместе со всеми, я провожала батюшку или же поджидала его после литургии с алтарной стороны Михайловского собора.

...Переминаясь с ноги на ногу, ждем. Многие про себя читают молитву. В кучке ожидающих батюшку людей обязательно есть ребятишки, они подвижны, но стараются не нарушать тишины. Ждем. Все не идет и не идет отец Иоанн. У выходящих священников люди спрашивают: в храме ли еще? Не упустили ли? Нет, говорят, еще там, с кем-то из отцов или братии разговаривает. Ну, еще, значит, надо подождать, поучиться заодно смирению да терпению.

И вдруг разом все лица светлеют: вот он, вышел, наконец, – и словно солнышко всех осветило. А как же людям жить без солнышка? Ведь народ наш давно уж сирота, и так сильно нуждается он в ласке, сочувствии, заботливом внимании. И где же все это можно найти, как не в отечески верной и самоотверженной любви русских старцев? В их смиренном любящем облике утешительно светит народу-страдальцу, народу-крестоносцу Солнце-Христос.

...Возвращаясь в тот давний день из монастыря, я подумала, какая же у батюшки теплая и родная нашей общей народной душе фамилия – Крестьянкин.

Утром следующего дня, взяв табурет, школьную тетрадку в клетку и авторучку, я уединилась на огороде монастырской певчей тети Кати, у которой остановилась по рекомендации одной из своих подруг. Катин дом находился в самом конце дальней улицы с каким-то «тюремным» названием – Новые Бутырки. За этим последним домом начинались уже, по шутливому выражению Анны Ахматовой, «необъятные просторы нашей родины»: огород, за ним лужок на крутом берегу ручья, местами мелкого, местами бурливого, а за ручьем еще другие луга, благоухающие разнотравьем, и среди них тропинка, которая вела к могучим стенам и башням монастыря.

Наученная своей подругой, я добралась до Катиного дома именно этим сокращенным путем, через ручей. И первое, что увидела, успешно преодолев водную преграду и взобравшись по крутому берегу на долгожданный лужок, были наставленные на меня рога Катиной козы Комки.

Потом я осознала судьбоносный смысл этой встречи: Комка была моим зеркальным отражением. В ту пору я представляла

собой такую же своенравную особу с упрямыми рожками. Матушка Варвара, игуменья Пюхтицкого Свято-Успенского женского монастыря, куда мы часто ездили в молодые годы, помню, пошутила однажды, что к ним в обитель поначалу одни козочки приходят. А потом рожки-то у них постепенно стираются в непростом общежительном быту, да на послушаниях, да на молитве, и они потихоньку превращаются в овец. Так происходит в монастыре.

В миру же, как я теперь понимаю, «рожки» стачиваются большими скорбями и, по пушкинскому выражению, опытом «ошибок трудных». А еще не обойтись в этом сложном деле преодоления своевольной самости без неусыпного внимания и великой помощи духовного отца.

Осознав жизненную необходимость обрести такого мудрого и строгого руководителя, я сделала первый нелегкий шаг ему навстречу: уединилась на Катином огороде с ученической тетрадкой и в течение дня исписала ее всю. В ней я поведала батюшке свою жизнь от самого раннего детства, ничего не утаив, рассказав и о том, что было спрятано в самых тайниках сердца и совести.

Незадолго до этого я прочла в «Богословских трудах» новый, очень удачный перевод «Исповеди» блаженного Августина. Поэтому моя собственная попытка исповедаться за прошедшую жизнь несла на себе следы некоторого влияния этого выдающегося духовного памятника древней Церкви, его ритма и стиля. В то же время никогда еще не приводилось мне так искренне открывать свою душу, свои поступки другому человеку. Поистине – «жизнь мою отныне я тебе вверяю...».

Шествие из Успенского храма. 1973 г.

Уже стерлось из памяти, как передавала я свою тетрадь отцу Иоанну. Помню лишь, что несколько дней после этого ходила сама не своя в ожидании сурового приговора. И вот у монастырского колодца произошел мой первый разговор с батюшкой. Совершенно неожиданно он встретил меня радостно и ласково. Потом-то я поняла, что если и можно было когда-нибудь – очень редко – получить его одобрение, то только

в случаях глубокого покаяния, трезвого и строгого рассуждения о себе.

Дар рассуждения батюшка всегда называл самым драгоценным и необходимым даром. Господь наградил его этим редким даром сполна.

В ту первую нашу встречу у колодца батюшка подарил мне икону Божьей Матери «Державная» и сразу ответил на некоторые мои вопросы, о которых можно было говорить не наедине. Так, он научил меня, как молиться за мою нянюшку, полного имени которой я не знала (дома мы звали ее тетя Фаня). Она посеяла когда-то в моем детском сердце семена веры, взошедшие только через многие годы. А молиться надо было так, очень просто: «Спаси, Господи, душу рабы Твоея, еяже имя Ты веси».

Наверное, у многих из стоявших тогда рядом с нами людей были в жизни такие же безымянные благодетели... Краткие молитвы, от всего сердца к Богу возносимые, по словам батюшки, очень важны, а в иных обстоятельствах жизни они могут заменять большое молитвенное правило.

Когда батюшка в первый раз вот так говорил со мной, я испытывала небывалую, ликующую, через край переливающуюся радость и, наверное, вся сияла, отражая исходивший от батюшки свет. Во мне проснулась детская, счастливая и доверчивая душа. Так родилось еще одно духовное чадо отца Иоанна.

Батюшка благословил прийти к нему в определенный час следующего дня. Посчастливилось мне в те давние благословенные времена бывать в батюшкиной келье. Чистота, белизна – вот первое от нее впечатление. И батюшка – чистый, белый. Глаза сквозь увеличительные линзы очков кажутся

огромными, всезнающими. Смотрят глубоко-глубоко и все в тебе видят. И страшно, и совестно, и радостно. «Сядем рядком, поговорим ладком», – скажет, бывало, батюшка и усадит на диванчик. И я вся обращаюсь в слух, боюсь что-то важное упустить, не уразуметь, не запомнить.

В святом углу – киот со множеством икон. Есть среди них большие, древние, есть маленькие, бумажные – всем равная честь, все намоленные. Над изголовьем батюшкиной кровати, насколько помню, изображение старца Амвросия Оптинского. Он лежит больной, а смотрит на вас мудро и весело.

«Сила в немощи совершается». Русское слово «веселый» означает «быть в силах». Во всех старцах – и в тех, о ком я читала, и в тех, кого посчастливилось видеть, – есть какая-то особая веселость. Наверное, это веселость победителей. В труднейшей духовной брани уже одержана ими существенная победа над грехом, над духами злобы поднебесной. Все они – воины Христовы, передовой отряд нашей земной воинствующей Церкви. Но одновременно они как будто принадлежат уже отчасти и Церкви Небесной, торжествующей – во всяком случае, они ее свидетели. В их веселости – несомненное напоминание о Победе Христа над адом и смертью. Поэтому веселость наших старцев по сути своей Пасхальная.

И в то же время иногда, в храме, оказавшись недалеко от батюшки во время чтения Акафиста, я сквозь стекла его очков видела огромную, бездонную печаль – подобную той, какая бывает запечатлена порой на иконописных ликах Богоматери. И казалось мне тогда, что батюшка смотрит в мои глубины, в мою греховную тьму. А какие темные бездны мира, неведомые нам, открыты ему в такие минуты?

Батюшка в своих проповедях считает необходимым вновь и вновь призывать нас преодолеть духовную расслабленность и беспечность, напоминая о том, что «времена близки»:

«У всех живущих на земле возникает в наше время предчувствие грядущей катастрофы, но человечество, томимое тяжелым предчувствием, не хочет остановиться, задуматься, понять, что с ним происходит. Дьявольские силы поработили ум и сердце живущих грехом, который согнул и исказил человека настолько, что он перестал видеть Бога, он уже не может выпрямиться, чтобы ум его осиял свет Божественной истины и тьма исчезла».

«Дорогие мои, нельзя в наше время жить бездумно. Мы все, даже те, кто уже давно в ограде Церкви, испытываемся сейчас силой всяких соблазнов, в том числе силой нового религиозного сознания, ложной христианской духовности. И во всем этом является апокалиптический образ великого отступления, который охватит весь род человеческий перед концом света, о котором ныне напоминает Господь нам ежедневно...»

«Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь... Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить. Но нет! Великий “ухажер” – диавол – похищает у них сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а “вваливается” в Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что изменить пора... еще

не начав быть православным христианином, он становится судьей и учителем».

Могу подтвердить эти суровые и справедливые слова любящего Пастыря опытом своего поколения. Процесс воцерковления был для нас очень непростым. Сказывался существовавший во многих семьях болезненный обрыв православных церковных традиций. Далеко не все из тех, кто пришел в 1970-е годы к вере, сумели ее сохранить. Для кого-то обращение к христианству явилось, прежде всего, актом вызова существовавшей тогда политической системе, бунтом против насилия.

Но и в Церковь такие люди нередко приносили семена бунта. Некоторые из них впоследствии покинули Церковь, пребывая на поверхности своих самоуверенных представлений о том, «как все должно быть», и категорически отвергая то, что этим представлениям не соответствовало.

Другие, оставшись в Церкви, затеяли разрушительную «реформаторскую» деятельность, ушли в губительный раскол. А иные стали проявлять «ревность не по разуму» в связи с вопросами действительно значимыми и непростыми. Страсти вокруг ИНН – тому пример. Когда эти страсти достигли опасной грани раскола, раздался спокойный, отрезвляющий и твердый голос отца Иоанна.

Он посмотрел на проблему взглядом духовным, но, увы, именно духовный взгляд далеко не все сумели понять и принять. Проблема действительно существует, она весьма симптоматична для нынешнего времени, но отнюдь не ей, как считает отец Иоанн, следует отводить первостепенную роль в деле нашего спасения. Ведь это проблема внешняя.

Неизмеримо важнее проблемы внутренних недугов, которые зачастую оказываются заброшенными, запущенными в горячке борьбы с внешним врагом. Батюшка в традициях святоотеческой мудрости призвал православную паству обратиться очами внутрь, сторожить входы в свою душу.

В одном из его писем есть такой совет: «Научимся видеть себя, тогда мы обнаружим все дела, все козни диавола внутри и вокруг нас». Но у многих оказались открытыми лишь внешние, плотские очи. Новые «учителя» продолжают настаивать на своем видении проблемы, и дело стало доходить до какого-то истерически сектантского накала, до дерзостно предвещающего Божий Суд деления людей на овец и козлищ, спасенных и погибающих, «благодатных» и «безблагодатных».

Недавно мне позвонила одна девочка-выпускница и дрожащим голосом спросила, существуют ли такие вузы, в которых не требуются результаты ЕГЭ (единого государственного экзамена). Оказывается, мама запретила ей сдавать этот экзамен, так как на работах по ЕГЭ ставится «цифровой код». Надо сказать, что в ЕГЭ и вправду нет ничего хорошего, но вовсе не из-за цифр, а по существу. Имеются все основания для того, чтобы сильно усомниться в возможности с помощью системы тестов справедливо оценивать знания ребят, особенно по гуманитарным дисциплинам. Однако никакой угрозы делу спасения души для вечности этот самый ЕГЭ не представляет, а на вступительных экзаменах в вузах цифровые шифры давным-давно ставятся на всех видах письменных работ, в том числе на старых добрых сочинениях. Шифры нужны для того, чтобы избежать предвзятого подхода к абитуриентам.

Между тем бдительная мама готова закрыть для своей дочери дорогу к высшему образованию из-за страха перед цифрами, «заменяющими имя». Это ли не свидетельство ревности не по разуму – уже на грани сектантства? И ведь у таких насмерть испуганных овечек наверняка есть «пастыри», ослепленные своим мнимым героизмом в затейной ими бескомпромиссной борьбе – не по сути, а из-за цифр.

За частным случаем, частной проблемой просматривается общая духовная опасность, которая может проявиться и в других ситуациях. Поэтому позволю себе привести здесь запись одной давней своей беседы с батюшкой, происходившей еще в 1985 году, но по сей день не утратившей, как мне кажется, своей актуальности – а тем более вечной значимости. Речь шла о выбранной одним человеком жизненной позиции (довольно рискованной и своевольной). В связи с нею батюшка напомнил следующие изречения из разных источников:

«О. Иоанн Кронштадтский: “Будь осторожен и береги ум”.

О. Игнатий Брянчанинов: “Не пытайся изменить то, что попущено Господом”.

Философ Спиноза: “Дела земные нельзя ни осмеивать, ни оплакивать” (то есть не нужно относиться к ним с пренебрежением, но нельзя и принимать их слишком близко к сердцу, полностью отдаваться им).

Мир идет к концу, разрушается. В нем действуют тайные силы – фермент этого разрушения, идущего от сатаны. Они существуют уже 2000 лет. Но – Господь попустил, и допрашивать Его о Его планах мы не можем. Сегодня во всех точках планеты полыхает огромный костер зла. Хорошо, если мы не подбрасываем в этот костер собственных вязанок.

Единственное, что требуется от каждого из нас, – в мире тьмы нести лучик света. Важно утверждать положительные ценности – это и есть главный вклад в защиту нашей православной культуры.

Нельзя идти на напрасные жертвы, если Господь не призвал. Главная опасность: за своевольным мужеством может скрываться утонченная гордость. В таких случаях борьба всегда кончается поражением, несет вред и сопровождается тяжкими духовными и телесными падениями.

Берегите величайший дар жизни. Не кладите голову в пасть Вельзевула. “Будьте мудры, как змеи, и целы (просты), как голуби” (а не как симпатичные морские свинки, которые сами устремляются к удаву в пасть). Все надо делать с пользой и рассуждением, во всем ясно видеть позитивную цель.

Не надо шуметь. Не надо вести себя вызывающе, а то получится как в басне: “Ай, моська, знать, она сильна, коль лает на слона”.

Не надо рассчитывать на свои личные силы. Господь призывает – тогда иди на подвиг исповедания.

Помните:

- рассуждение важнее всего;
- терпение нужнее всего;
- молчание хорошо;
- многоречие – хуже.

Лучше быть обидимым, чем обидчиком. Святой Амвросий Оптинский часто повторял: “Надо жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение”. С нас спросят, прежде всего, не то, что мы писали или чему учили,

но – как мы жили, что делали, и будут засчитывать нам не своевольную борьбу, а дела добрые, чистоту совести. Конечно, своей совестью нельзя торговать ни при каких обстоятельствах и внешних условиях.

По меткому замечанию писателя Анатоля Франса: “Мир гибнет потому, что Вельзевул внушил людям, что его нет”. Современные люди весьма беспечны и попадают в сети лукавого.

Сейчас мы находимся в плену – худшем, чем татарское иго. Видимые власти – только исполнители, а над ними градусы и степени. Повсюду царит язычество – гораздо худшее, чем в древние времена. Ибо старое язычество было полно веры – только в ложных богов. Новое язычество – циничное неверие, нигилизм, идолопоклонство самим себе.

Нас унижают и в чем только не обвиняют. Что же, оправдываться, доказывать, что это не так? Сейчас главное – выдержка. “Терпением вашим спасайте души ваши”. Не путайте: это не малодушие, не трусость. Быть может, это высшее, самое трудное и самое твердое мужество.

Один прозорливый старец (Нил Мироточивый) предсказывал: “Настанет время, когда год будет как месяц, месяц как неделя, неделя как день, а день как минута”. Колесо жизни вращается все быстрее. На каждой спице колеса – живой человек. Чуть ослабеет – сорвется с колеса, а перенапряжет силы – разорвется его сердце. Надо научиться не ослабевать и не перенапрягаться.

Страшно предстать пред Господом с немирной душой.

Выдержка, выдержка и еще раз выдержка.

Итак: терпение и хранение уст. Буду усиленно молиться».

Вот такая у меня сохранилась запись, сделанная сразу после встречи с батюшкой. Я старалась запомнить и воспроизвести то, что он говорил, как можно точнее. Надеюсь, эта запись кому-нибудь и теперь сослужит добрую службу, поможет среди нынешних бурь и потрясений сохранить дух мирен. Только с таким внутренним устроением можно успешно вести брань против мироправителей тьмы и духов злобы поднебесных.

*Воды глубокие плавно текут,
Люди премудрые тихо живут.*

Эти строки были найдены в бумагах А. С. Пушкина. Среди многообразных шумов мира – как нам расслышать их святую правду?

По-слушание – способность слышать – возможно только во внутренней тишине, а тишина рождается из глубины покаяния и смирения. Но послушание – это не только слышание, но и исполнение. «Блаженны слышащие слово Божие и исполняющие его».

Для современного человека нет ничего труднее послушания. Но нет и ничего более необходимого для спасения. Мне довелось понять это на своем горьком опыте. Получилось так, что в одном важном жизненном вопросе я ослушалась своего духовного отца, совершила, как он выразился, «ошибку-измену». И расплачиваюсь за это всю жизнь. Старцам по их святым молитвам открыта воля Божия о человеке. При этом старцы никогда ничего не навязывают, а просто советуют, и советов своих, как правило, не повторяют.

Ф. М. Достоевский в своем итоговом романе «Братья Карамазовы», разрабатывая очень значимую для него тему старче-

Молитва. 1990 г.

ства на Руси, пишет в первую очередь именно о послушании: «Итак, что такое старец? Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и свою волю». Эту школу жизни, как отмечает писатель, человек проходит добровольно, «в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы наконец достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, кто всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли».

Во всех словах и действиях отца Иоанна было видно его полное послушание воле Божией, установлениям Божиим, переданным нам в Священном Писании. И в своем следовании Божьей Правде он не допускал никаких, даже малейших, отступлений, никаких компромиссов, никаких послаблений и послаблений.

Не велит Господь выходить за разведенного? Значит, так тому и быть – и вопросов никаких нет. Благословил Господь чадородие в законном супружестве даже до последних дней мира? Значит, нечего рассуждать о трудностях и обстоятельствах жизни. И так во всем – полностью доверяться Господу и следовать Ему. «Наше дело жить по заповедям, – говорит батюшка в одном из писем, – а оценку даст Господь. Мы же всегда рабы неключимые есть».

Среди житейской трясины, в обманчивых туманах современного мира с его «плюрализмом» и «толерантностью» только на камень Церкви, на опыт наших духовных отцов и можно надежно и безопасно опереться. В их строгом руководстве – великое наше утешение и надежда.

В защите чистоты православного вероучения, чистоты жизни вверенных ему духовных чад, в молитвах о страждущей России отец Иоанн Крестьянкин – настоящий духовный боец, и боец очень сильный. Знаю это не понаслышке.

В своих письмах батюшка часто цитирует, а порой вместо своего ответа передает, пересылает целые тексты преп. Ефрема Сирина, святителей Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова и других подвижников благочестия – и древних, и современных. И это – свидетельство, что наша Православная церковь живет соборным разумом, неизмеримо превосходящим

всякий отдельный человеческий ум. Все отцы Церкви единомысленны, все исполнены одного Духа Истины и Любви.

Вот, например, рекомендованная отцом Иоанном молитва о близком человеке, которому мы не знаем, как и чем помочь. Эта молитва взята из книги митрополита Антония Сурожского «Молитва и жизнь» (раздел V): «Боже, Ты знаешь все, и любовь Твоя совершенна; возьми же эту жизнь в Твою руку и сделай то, что я жажду сделать, но не могу».

Батюшка советует также читать его же кратенькую молитву:

«Господи! Дай нам силы изменить в нашей жизни то, что мы должны изменить.

Господи! Дай нам мужество перенести то, что мы не можем изменить.

Господи! Дай нам мудрость, чтобы отличить первое от второго».

А как прекрасны, точны, исполнены силы те слова, которые находит сам отец Иоанн для каждого из нас в глубине своего сердца! Как умеет он найти единственно нужные в трудный момент, ободряющие слова поддержки! Свои скорби и испытания мы взваливаем на его плечи, а он принимает их и вместе с нами несет, и молится о нас «с любовью, отцовской и материнской нежностью», как сказано в одном из его писем.

Многие батюшкины письма уже опубликованы, и по откликам видно, как необходимы они людям, какая идет от них действенная, животворная помощь (батюшка в одном разговоре так и назвал себя шутливо – «скорой помощью»). Позвольте и мне предложить некоторые отрывки из писем отца Иоанна ко

мне, грешной. Может, и они пригодятся какой-нибудь ищущей или страждущей душе.

Итак, вот эти дорогие батюшкины строки:

«Все у нас в жизни идет своим чередом, идет нормально. Идем, на пути спотыкаемся и иногда падаем, встаем и опять идем. Несем крест, и им возносится душа наша к Богу, как жертва живая. Без пролития крови не бывает прощения, вот и мы проливаем ее в сердечной боли о близких, в боли о своих грехах. Таков путь к Богу, таков путь очищения души и возрождения ее. И мы от этого пути не откажемся.

Всегда помните слова: “Сам искушен быв, может и искушаемым помощи” – наши искушения и падения, как ни странно, рожают в нас сострадание к людям, понимание происходящего, и они же учат нас оказывать действенную помощь другим. А к Богу-то как они нас приближают и таинством покаяния, и осознанием своей слабости и Его силы, явленной помощью Божией к нам...»

«...Мы на передовой, волны мути и зла накатываются одна за другой. Но “помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю”. ...Предаемся целиком в руки Божии, в Нем наша сила. А я бы никому не советовал что-либо внешнее менять в эти два года, ибо общее смятение не пощадит никого и догонит и встретит на новом месте. А сами знаете, чтобы прижиться на новом месте и пустить корни – время надо. А на старом-то покачаемся, покачаемся, да и опять восстанем».

Далее батюшка пишет о митрополите Иоанне (Снычеве): «Спасибо за проповеди – статьи Владыки. Он и сам мне пожаловал то, что было в прессе. Молюсь о нем сейчас усиленно. Мы-то все попискиваем понемногу, и кто нас слы-

шит? А это его выступление – голос Церкви. Многие ошестинятся и оскалятся на него теперь. Но если Бог за нас, то кто против нас? А если падем, то исповедниками и мучениками. Хорошо бы, но не всем дает Господь это избранничество. Будем же теперь так жить, чтобы “и жизнь (была) Христос, и смерть – приобретение”».

Еще отрывки из некоторых других писем:

«”Времена настали тяжкие”, и это уже апостол возвещал, что будет и уже есть. “Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрехшиеся” [2-е посл. к Тимофею, гл. 3]. И потому так тяжело, потому каждый шаг – мученичество для тех, кто желает, тянется к жизни в Боге... Дух (лукавый) проник везде, и наша задача не допустить его в свое сердце, и только в этом мы еще хоть сколько-нибудь, хоть немного вольны. А поэтому давай искать не вовне, а в сердце своем, и там найдем Бога, и жизнь наша преобразится Им. И скажешь словами пророка: “Сокры мя в тайне селения Своего”. Знает Господь, как сохранить любящих Его. Сохранит и нас за страдания ради Его. В этом не сомневайся и этому верь безраздельно».

«Господь знает, когда и в какой мере испытать нас, и выше меры не даст. Да, время близится. Слышали предупреждение апостола о том, что настанут времена тяжкие, христиане первых времен – и они шли сквозь свои испытания. Слышали эти слова христиане времен благочестивых – и они не миновали

своих скорбей. Слышим эти слова и мы: “люди будут надменны, горды... более самолюбивы, нежели боголюбивы” – и видим сбывающееся своими глазами. Но какие испытания грядут нашему времени, можем только догадываться, и то отчасти. И это будут наши спасительные испытания, если пройдем сквозь них, сохранив веру».

Большое значение отец Иоанн всегда придавал материнскому подвигу. В одной из бесед он сказал, что духовный и культурный уровень общества можно определить в первую очередь по отношению этого общества к женщине. «Раньше замужней даме целовали руку в знак преклонения перед материнством, и к женщине было возвышенное, бережное отношение – а теперь что?» – и батюшка горестно опустил голову.

Когда у меня родилась дочка, батюшка прислал поздравление с этим важнейшим в жизни событием и написал следующее:

«...Заметь, не случайно попала тебе в руки книга о Иисусовой молитве именно сейчас, когда привычное отходит перед новыми обстоятельствами жизни в прошлое и в тебе должны пробудиться качества и силы, до сих пор бывшие под спудом. Кажется, что все, чем жила раньше, отсекается. И все разнообразие и многообразие интересов должно уступить место смиренной роли матери с кажущимся ограниченным кругом интересов и дел.

Но вот это-то и будет, и есть проявление истинного, глубинного, Богом данного богатства женщины – не восхищенного самовольно и потому чаще уродливого проявления ее активности и значимости, но истинного Богом благословен-

ного назначения – родительницы и воспитательницы христианской семьи.

Сколько надо мудрости, сколько такта и чуткости, от скольких привычных проявлений себя придется отказаться во имя новых задач. Благослови, Господи! Очень все это трудно, да еще в нынешнее время, когда, говоря твоим языком, “мы и так живем ниже всякого допустимого уровня, ниже, чем во всякие другие времена”. И это со счета не спишешь, и придется прощать и смиряться, смиряться и прощать – и другим, и себе.

Не связывая себя никакими определенными молитвенными правилами, это породит только расстройство и уныние. Живи свободно и легко памятью Божией, и в этом будет тебе защита, и помощь, и вся жизнь: “Господи, помилуй! Господи, благослови! Господи, прости! Господи! Слава тебе!” Вот сколько много тебе молитв сразу и на все случаи жизни».

Приведу еще некоторые совсем кратенькие высказывания батюшки из разных его писем:

«Самый лучший доктор – это время».

«Душу берегите в тайниках».

«Путь к Богу тернист. Но вы идите».

«Божие благословение на творческие труды».

«В отношении работы помолитесь св. мученику Трифону».

«Все делай с пользой».

«Сердечко не сокрушай, прикинь к Богу и Ему доверься».

«Надо поднять много трудов и много молиться».

«Кто приобрел терпение, тот приобрел упование».

«Среди бурь и невзгод избранным дается покой в Боге».

«Вспомни о долготерпении и безграничной милости Божией. Если и десять праведников обрящутся среди “содома

и гоморры”, то и тогда пощадит Господь утопающих во грехах. Надо войти в эту десятку. Вот и трудись».

О спасении России: «Нам бы осознать сначала свою гибель и необходимость своего личного спасения и спасения близких. Ведь только от этого зависит судьба России... Возрождение общее может начаться только с возрождения частного (души каждого)».

Вот, таковы лишь некоторые из драгоценных батюшкиных слов. Но батюшка учит не только словами, а всем образом своим, образом своей жизни. В один из последних моих приездов мы разговаривали в коридоре у дверей батюшкиной кельи с его келейницей и секретарем Татьяной Сергеевной. Она сказала: «Я ведь с батюшкой вижусь постоянно, вижу его в простой бытовой обстановке. И, казалось бы, в быту, в житейских мелочах человек мог бы проявить какие-нибудь маленькие погрешности, обнаружить простительные слабости. Но я столько лет наблюдаю батюшку – нет, и в мелочах он безупречен».

Признаюсь, это свидетельство произвело на меня сильное впечатление – пожалуй, большее, чем сообщение о каких-то необыкновенных аскетических подвигах. Я подумала: «Вот это да! Вот это степень совершенства! Ведь это жизненный ориентир для всех нас. Самый трудный и необходимый ориентир».

...Я давно не видела батюшку. Не скрою: поначалу было непривычно без этих светлых и таких укрепляющих встреч. Бывало, батюшка пошепчет что-то очень важное на ушко, потом мы вместе помолимся, он щедро обольет святой водицей, просфорок надает на дорогу, маслица благоуханного, подарочков всяких, да легонько по голове постучит для про-

яснения мыслей, а потом благословит в дорогу – и летишь от него как на крыльях, а люди к тебе так и тянутся, привлеченные переданной батюшкой благодатью, и делишься с ними, и самой еще долго-долго хватает.

Казалось, что без этого уже не прожить, и сначала было больно и трудно без несказанной радости бесед «лицом к лицу» с дорогим духовным отцом. Но, конечно, было и смиренное понимание, что так нужно. А потом подумалось, что, может быть, батюшкин образ жизни, конечно, обусловленный и возрастом, и духовной необходимостью, – это все-таки еще и некоторое указание для всех нас.

Есть время общаться, а есть и время избегать встреч. Сейчас в силу обстоятельств жизни многих из нас – больших перегрузок на работе и дома, общего дефицита времени и сил – стало труднее пробиваться друг к другу, находить возможности для дружеского общения. Мы все стали редко встречаться. Но в этом угадывается и Божия воля. Ведь мы не стали более чужими друг другу. Скорее, наоборот.

Молитвенная духовная связь – самая прочная и живая. Ничто и никто не в силах ее разрушить. И теперь уж, видно, не до длинных разговоров, не до частых дружеских застолий. Пришла пора сосредоточенной тишины, укрепления и углубления духа. Кто знает, что ждет нас впереди. Но в том, что будут большие испытания, – нет сомнения. Поэтому хотелось бы подкрепить всех таким батюшкиным напутствием:

«Божие благословение еще и еще, чтобы дух был бодр. Только им и можно пережить грядущее. А тревоги прочь. Трезвитесь, бодрствуйте. С любовью о Господе – архимандрит Иоанн (Крестьянкин)».

*Проповедь в Михайловском соборе.
1980 г.*

11 Дороже мои! Торж.

Милость и мир вам от С.Н.У.Ж.
Спешу сообщить вам, мои милые, о том,
что вчера получено много писем от вас.
Безмерно благодарю вас за поздравления меня
и родственников, свидетельствующее о востанов-
ленной памяти обо мне недолгой. Вам же в
еще раз поздравляю с рождением и особенно
надеюсь, что вы будете счастливы, т.к.
получаете много писем моих последних писем,
в которых я поздравляю вас, ваши уже
получены. В них много всего хорошего,
в кратком изложении, но возможности вы
всего прочтете, что вы, судя по письмам,
очень сильно беспокоитесь и волнуетесь.
Ваши письма все много получены, но вот
два моих предпоследних письма до
вас не дошли. Но ничего! В жизни все
бывает. Друзья мои всею душой, тропав-
шим в пути, очевидно, не счужено дождаться

Эрasmus мов!
Шинэ бичүү (эрдэсний үг-нүү), эрдэснийг хүмүүст
ш дэлгэрүүлснээ, э хүмүүсэд хүмүүнлэг бэлгэд
хуучууланснээ лавчардсан, эв бөө-бөө бичүү
эдбэлгэ өдө мнэ Нэг-ом.
Э эрвэл ш эдбэлгэ. Мнэ лавчардсан - хүмүүс
хүмүүнлэгээр лавчардсан хүмүүнлэгээр лавчардсан
эдбэлгэдсэн бичүүрвэлгэ, лавчардсан, лавчардсан
хуучуу лавчар бөө бөөрвэлгэ, мнэ, мнэ, мнэ
мнэ, мнэ, мнэ. Мнэ (эрдэсний эв бөө)
Өдө бөө э лавчардсан эдбэлгэ ш ш э. Эрвэл
- өдө. эдбэлгэ лавчардсан, лавчардсан, бичүү, мнэ
лавчардсан бөөрвэлгэ ш лавчардсан:
1. Эрвэлгэ э эрдэсний (эрдэсний бичүү ш эрдэс-
ний бичүү);
2. Эрвэлгэ э лавчардсан ш эрдэсний (эрдэсний бичүү
1. бөөрвэлгэ (бөө лавчардсан лавчардсан: мнэ, лавчар-
дсан, лавчар ш эрдэсний, э эрдэсний лавчардсан лавчардсан
эрдэсний ш эрдэсний бичүү);
3. Эрвэлгэ (эрдэсний лавчардсан 13/1-6/1);
4. Эрвэлгэ (эрдэсний лавчардсан) эрдэсний эрдэсний
эрдэсний эрдэсний, лавчардсан, лавчардсан, лавчардсан
ш эрдэсний бичүү ш эрдэсний бичүү

В Переделкино. 1980 г.

Вспоминает **Валерий Рыбин**

В Псково-Печерский монастырь я стал ездить еще в годы, когда учился в Петербургском университете (1967–1972). Тогда в душе было безотчетное влечение к благодати Божией, напояющей сию обитель. Но особое значение приобрела обитель, когда сердце мое встретилось здесь с сердцем праведника.

В 1983 году по премудрому действию Промысла Божия я впервые переступил порог кельи отца Иоанна (Крестьянкина). Келья святая. Такое ощущение было всегда. Дух благодати, присущий старцу, сообщался и его жилищу. Иногда меня пропускали в келью, а отец Иоанн, еще занятый чем-либо, находился в соседней комнате. И я на несколько минут оставался

один в келье старца, где все знало свой чин и порядок и благоухало святостью.

Само пребывание в келье отца Иоанна готовило к встрече с ним. Затем стремительно входил батюшка и, устремив взор к иконам, прочитывал молитву. И только после сего он с радостью и любовью трижды целовал, обнимая меня, помазывал святым елеем, кропил святою водою не только лицо, но и за ворот рубашки, давал испить воды и по-отечески ласково приговаривал: «Вот как хорошо!» Затем началась беседа.

Иногда батюшка помазывал не перед беседой, а уже после нее. На прощание опять целовал трижды и несколько раз благословлял. Однажды отец Иоанн благословил в моем присутствии какого-то молодого человека со словами: «Благословляю Вас и в Вашем лице всю Москву». Затем обернулся ко мне и сказал: «Благословляю Вас и в Вашем лице всю Россию».

Благословлять и всю Москву, и всю Россию может только человек, имеющий от Бога особую духовную власть, особое молитвенное дерзновение.

Ни за что не забыть, как перед отъездом из монастыря в один из пасхальных дней 2002 года я стоял под окном келии отца Иоанна, а он многократно благословлял обеими руками: в правой был крест, в левой – пасхальное яйцо.

Литургию отец Иоанн служил при открытых Царских вратах, и поэтому всегда можно было видеть, как он благословляет народ. Это было не просто широкое крестное знамение в высоту-глубину, широту-долготу; отец Иоанн осенял народ с особой молитвенной силой и сосредоточенностью. Батюшка был неразделен с крестом и той силой благодати Божией, которая

Отец Иоанн регентует хором на сельском приходе. 1968 г.

чрез крест освящает и благословляет нас. И было всегда ощущение, что отец Иоанн благословляет не только народ, здесь присутствующий, но и всю православную Россию.

Когда батюшка сослужил отцу наместнику, то во время Великого поста он выходил с напрестольным крестом. Весьма поучительно было видеть, с каким молитвенным трепетом, благоговением, сосредоточением и торжеством отец Иоанн держал крест и благословлял им: он был един с крестом. При этом взгляд его свидетельствовал, что отец Иоанн пребывает в молитве и в глубине сердца устремлен «горе».

В январе 1990 года в Москве состоялся первый фестиваль православных фильмов. Среди короткометражных лент первый приз «Золотой Георгий» был присужден кинофильму «Крепость неодолимая». Ни жюри, ни зрители, конечно, не знали, что создан он по благословению архимандрита Иоанна. И теперь только один Господь ведает, сколько благих начинаний молитвенно благословил и осенил благодатью Божией отец Иоанн.

Молитвенное благословение отца Иоанна содействовало возрождению многих русских обителей. К нему ездили из Оптиной пустыни, из монастырей Даниловского, Соловецкого, Спасо-Прилуцкого и других. Святое благословение старца явилось предначинанием открытия и Кирилло-Белозерского монастыря.

Уже при первой нашей встрече отец Иоанн в ответ на мои надежды и намерения насчет возрождения сей обители торжественно утвердил: «Да будет Вам по вере Вашей!» И сие было сказано в годы безбожия, за 15 лет до появления первых насельников в стенах Свято-Успенского Кирилло-Белозерского монастыря. Тогда об открытии сего монастыря никто даже и подумать не мог.

– Вам сюда в любое время есть виза, – сказал отец Иоанн. И с тех пор за разрешением всех важных вопросов я стал обращаться только к нему.

Работе на ответственной должности в музее, который в 1924 году разместился в стенах опустевшего Кирилло-Белозерского монастыря, сопутствовали скорби. Когда я на выходные приезжал к маме в деревню, то она зачастую говорила: «Ты точно мужика убил». Время от времени по внушению врага рода человеческого мне давали понять, что я не вполне соответствую занимаемой должности. А отец Иоанн раз и навсегда духовно укрепил и обнадежил: «Вы там – главный». Но сей главный однажды не выдержал яростный напор темной силы и подал заявление об уходе. Отец Иоанн возмущался беззаконием беззаконников и сокрушался по поводу поспешно принятого мною решения: «Что же Вы не посоветовались со мною и капитулировали?»

Вернул меня в обитель архиерейский указ, по которому я был назначен на должность эконома. Не прошло и месяца, как владыка в день Успения Богородицы 2002 года в келье и. о. наместника предложил мне готовиться к диаконской хиротонии. Я с радостью согласился. А отец Иоанн приостановил: «Пока не надо. Священники съедят Вас, а прихожане доедят». И шутливо привел чьи-то слова, что священник спокойно у престола стоит, а диакону много бегать приходится.

Общение с отцом Иоанном всегда и неизменно свидетельствовало о присущем ему великом даре духовного рассуждения. Батюшка благодаря сему дару Божию очень мудро и по-матерински нежно и бережно окормлял своих чад, уважая свободу каждой души, учитывая жизненные обстоятельства

человека и прозорливо внимая премудрому действию промысла Божия. Поэтому отец Иоанн никогда не господствовал над душами и не подходил к ним с одной меркой. В духовном окормлении он руководствовался не мертвой буквой закона, не личными соображениями, а живым духом воли Божией о том или ином человеке. Отцу Иоанну открывалась воля Божия о нас, грешных: именно в этом бесценная особенность старческого окормления.

Запомнился следующий случай. В октябре 1999 года в Псково-Печерский монастырь приехал майор Д. с вопросом насчет сложностей в семейной жизни. Приходила мысль: «Не развестись ли с женой?» Майор пошел к отцу Адриану. Последовал короткий ответ: «Разводись». Сей ответ не устранил смуту на сердце: «Ну как резать по живому: ведь столько лет вместе прожили». И тогда я посоветовал майору обратиться с запиской к отцу Иоанну. С ответом от отца Иоанна вышло небольшое промедление, и майор с горькою мыслию: «Никому я здесь не нужен!» – решил уезжать.

Но утренний автобус сломался, чтобы задержать майора до получения ответа. И в этот же день он получил ответ, вполне его успокоивший и разрешивший сомнения. Отец Иоанн не благословил развод, а посоветовал жене помогать. И совет сей прозорливо обнаружил главную причину семейных неурядиц. Жена, как признался майор, постоянно сетовала, что он ей ни в чем не помогает.

В октябре 2001 года я поведал отцу Иоанну, что в Кирилло-Белозерский монастырь назначен новый и. о. наместника, и я теперь спокойно могу на все закрыть глаза. А батюшка мудро предостерег: «Бывает, пройдет три-четыре года, и намест-

ник столько дров наломает». Мне потом часто приходили на память эти слова.

Действительно, испытание властью – одно из сильнейших, ибо трудно не возгордиться. А где гордость, там ослепление, и действия не по воле Божией, а по Божию попущению, по внушению вражью.

Однажды на праздник Успения Богородицы был ливень во время крестного хода вокруг Псково-Печерской обители. Вечером радостный отец Иоанн говорил в келье своим гостям: «На молебне батюшка покропит, и бывает, что только капля достанется. А тут с неба Сам Господь окропил».

И слово сие стало назиданием на всю жизнь: мы должны идти крестным ходом, невзирая на то, что идет дождь или не идет. На войне не отменяют наступление из-за дождя. А крестный ход есть духовное наступление на незримую силу вражью.

Перед избранием Святейшего Патриарха Алексия II отец Иоанн видел видение, которое он рассказывал несколько раз: так оно поразило батюшку.

– Стою я в своей келье, а передо мной, над кроватью, явился в фаворском сиянии Святейший Патриарх Тихон. Мы оба безмолвны. У меня на сердце тревога. Рядом с патриархом стоит его посох. Какой-то голос повелевает мне перенести сей посох куда-то. Но оказалось, что посох чугунный, невероятно тяжелый. И я смотрю, нельзя ли его развинтить и перенести по частям. И вижу нарезку на посохе: значит, его можно перенести.

Вывод отца Иоанна: была воля Божия на избрание патриарха Алексия II. Из сего сновидения очевидно и то, что отец Иоанн будет помогать патриарху нести невероятно тяже-

лый жезл власти патриаршей. За всю жизнь батюшка видел несколько сновидений, которые были посланы от Бога. Одно из таковых он с назидательной целью рассказал нескольким священникам, приехавшим в монастырь.

– Было время, когда я осуждал про себя некоторые действия митрополита Сергия (Страгородского). И вот однажды мне снится, как священнослужители, и я в их числе, вышли на средину храма встречать митрополита Сергия перед началом богослужения. Вошел митрополит, окруженный сиянием, и, поравнявшись со мною, возложил руку на мое плечо и сказал: «Ты меня осуждаешь. А я каждый день каюсь».

Про своих беззаветно преданных помощниц отец Иоанн однажды мимоходом молвил: «Осколки Святой Руси». Он сам воплощал в себе Святую Русь. Имя Иоанн – в честь апостола любви Иоанна Богослова – вполне оправдывал. От отца Иоанна всегда веяло любовью. Любовь была в глазах, в интонации голоса, в движениях, в словах, в поступках. В отце Иоанне всегда чувствовалось не просто живое, проникновенное отношение к живому человеку, а освященное и согретое теплом благодати Божией.

В руководстве отца Иоанна никогда не было мертвой буквы. Батюшка в беседах, в письмах, в богослужении всегда дышал животворящим духом Божиим. Буква убивает дух христианский – дух смирения и любви. И ныне среди молодых священников попадают не пастыри добрые, а духовники-коновалы, которые калечат души. Не случайно еще во времена безбожия отец Иоанн предсказывал, что в священники, ввиду их недостаточного количества, «пойдут люди и второго, и третьего сорта, и вовсе бессортица».

Встреча архиерея на праздник Успения. 1973 г.

Смею предположить, что отец Иоанн был одинок среди нас, несмотря на все наше внимание и любовь к нему. Ибо мы на земле пребываем и по-земному мудрствуем, а он на высоте орлиной парил.

Когда в государстве и в Церкви возникла проблема ИНН, то среди старцев наблюдалось некоторое разномыслие. Но, как говорит апостол Павел, разномыслие выдвигает искуснейших. И искуснейшим в решении сей проблемы оказался отец Иоанн. Он выступил с проповедью, в которой с сугубой духовной рассудительностью воздал кесарю кесарево,

а Божие – Богу. В сей проповеди отец Иоанн рассматривает проблему ИНН с орлиной высоты, и смутное, временное, проходящее расточается перед лицом Божественной Вечности. Произнести подобную проповедь мог только человек, руководствующийся не буквой, а Духом Животворящим.

Не смутиться смутой, возникшей в связи с процессом глобализации, мог только человек, причастный покою Предвечного Царствия и Силы и Славы. К сожалению, не все вняли мудрому слову отца Иоанна.

Осенью 1989 года режиссер документального фильма «Крепость неодолимая» и я приехали в обитель с целью вынести нашу работу на суд братии. Это был один из первых православных кинофильмов в России, и режиссер Валентина Ивановна Матвеева очень боялась за судьбу сего кинофильма, который свидетельствовал, что Россия есть сердце мира и крепость неодолимая.

Как-то отец Иоанн посоветовал приехать режиссеру в монастырь на праздник Успения Богородицы, и в завершающих кадрах мы видим Свято-Успенскую Псково-Печерскую обитель в день ее сугубого торжества. С этими кадрами кинофильм приобрел полноту смысла.

Мне очень хотелось, чтобы «Крепость неодолимую» увидел отец Иоанн. Но разве можно было представить старца-архимандрита на восьмидесятом году в городском кинозале? «Что Вы? Об этом не может быть и речи», – заявили мне в монастыре, когда я, было, заикнулся о просмотре фильма отцом Иоанном. Все же я надеялся и усердно молился накануне просмотра. И на следующий день в кинозал входит отец Иоанн и, обращаясь ко мне, кротко говорит поразительные слова:

«Из послушания Вам явился». Вечером в келье батюшка высказал свое суждение о «Крепости неодолимой»: «Каждое слово на сердце ложится».

В январе 1990 года кинофильм получил приз «Золотой Георгий» на первом фестивале православных фильмов, а в 1991 году он был показан по центральному телевидению. Все страхи расточились, и по молитвам отца Иоанна невозможное стало возможным.

Батюшка жил жизнью, в Боге сокровенной, и поэтому всячески избегал и фотографирования, и тем более съемок на кинокамеру. Помню такой случай. В 1991 году в монастырь приехала во всеоружии киногоруппа из Петербурга. Намеревались снять отца Иоанна в тот момент литургии, когда он благословляет народ из Царских врат. Но самые настойчивые попытки оказались безуспешны: разрешение на съемку так и не было получено. И только в редких случаях (например, из послушания священноначалию или помимо его собственной воли) отец Иоанн оказывался в объективе кино- или видеокамеры.

А фотографии батюшки мы имеем из его любви к нам, грешным. Батюшка, идя навстречу нашему желанию (желанию любви!), оставил нам на фото свой образ. Тем более что в последние годы он не мог уже всегда принимать.

В начале 1990-х годов я много размышлял и писал о святости царя Николая Второго. И хотелось сие мнение проверить суждением отца Иоанна. И старец утвердительно сказал: «В Церкви Небесной царь прославлен». А про текст о святом царе отец Иоанн кратко сказал: «Текст сугубо мистический».

В октябре 2000 года мною была написана статья «Мистическое призвание Путина», прочитав которую отец Иоанн дал совет: держать статью под подушкой и никому не показывать.

В марте 2003 года и. о. наместника Кирилло-Белозерского монастыря отменил чтение акафиста преподобному Кириллу, а также крестные ходы по престольным праздникам обители, не считаясь с мнением правящего архиерея на сей счет. Сие мнение я изложил наместнику, а он пропустил его мимо ушей.

– В ляльки играет, – так оценил ситуацию отец Иоанн.

Игра в ляльки, или в куклы, свидетельствует и о гордости наместника (делаю с куклами, что хочу), и о духовной незрелости, неопытности. Да и не может сердце гордое иметь духовное рассуждение о вещах.

В этих трех случаях, а также во многих других отец Иоанн смотрел всегда в корень вещей и выносил суждение исключительно точное и верное. Иначе и быть не могло: сердце старца просвещает Господь, и он видит лица и события в истинном свете.

Однажды я стоял у монастырской звонницы, а мимо пробегал отец Иоанн. «Кроткий и смиренный от природы», – сказал он про меня другому священнику.

Отец Иоанн ходил всегда очень легко и быстро, едва касаясь земли: благодать Божия делала его таким легким.

Отеческое попечение отца Иоанна простиралось на всего человека: он проявлял заботу не только о духовных, но и о телесных нуждах своих чад. В обратный путь отправлял обычно с гостинчиком. Давал и денежку на дорогу. И это были не деньги в привычном понимании, а святые деньги,

знак любви. Батюшка, бывало, сует незаметно конверт и шепчет с лаской на ухо: «А это Вам на дорожку».

И уже прикованный к одру болезни, он продолжал заботиться. Помню, как на Пасху 2003 года батюшка потихоньку спрашивает у Татьяны Сергеевны: не нужно ли мне на дорогу денег дать. А я отвечаю: «Не нужно, уже билет на руках». Но батюшка продолжает: «Может, потом дома понадобятся?»

Деньги я, конечно, не взял, но удивительно и дорого было проявление такой заботы обо мне, недостойном. Добраться до Печор я мог и без тех денег, которые так трогательно и ласково давал мне «на дорожку» отец Иоанн. Но отказываться было нельзя и ради послушания, и ради того сердечного движения любви, с которым батюшка давал деньги.

Я брал деньги из святых рук как нечто святое, как своего рода благословение Божие, преподанное не явно, а прикровенно. И я втайне уповал, что деньги отца Иоанна окажутся спорительными. И в уповании своем не посрамился: несмотря на все потрясения, которые претерпел русский рубль в 90-е годы, я никогда не только не имел нужды в деньгах по милости Божией, но даже смог завещать часть их (несколько десятков тысяч рублей) в Псково-Печерский монастырь.

В начале 90-х годов «реформаторами» были введены в России приватизационные чеки, или ваучеры. Слово «ваучер» отец Иоанн изъяснил так: ваша участь решена.

Есть старцы, которые любят указывать точные времена и сроки. Помню, как мне однажды с категоричной торжественностью было передано предсказание иеросхимонаха Сампсона: в 1979 году будет война с Китаем. Неоднократно не исполнялись и предсказания о голодном годе. Последнее

из них, со ссылкой на афонских старцев, мне довелось слышать в 2003 году.

Отец Иоанн, имея велию мудрость и велье смирение, никогда не дерзал устанавливать времена и сроки. В своих духовных беседах и проповедях он и других осторожно и деликатно удерживал от желания знать или определять времена и сроки. Всепремудрое, всемилостивое и всеблагое действие промысла Божия отец Иоанн воспринимал с величайшей чуткостью, живостью и любовью. Сие действие никогда не было для него заведомо и жестоко определенным: только так и не иначе.

Человек, по мнению отца Иоанна, есть живой сотворец Творцу, и поэтому и от каждого из нас, и от нашего соборного злого или благого произволения весьма многое зависит и в судьбе всего мира, и в личной судьбе.

Приближался 1992 год, в который по древним пророчествам, например святого Каллиника, должен был наступить конец мира. В проповеди, произнесенной по сему случаю, отец Иоанн с чрезвычайным духовным тактом воздал уважение святости святых и в то же время прикровенно и провидчески дерзновенно дал понять, что 1992 год не станет для нас последним.

1 (14) января 1992 года после литургии в Михайловском соборе состоялся молебен, который возглавил отец Иоанн. Минуло уже более 12 лет после сего достопамятного молебна, а в сердце остается неизгладимое духовное впечатление от того, с каким сугубым молитвенным вниманием и дерзновением молился отец Иоанн, с какой сокровенной силой и властью благословлял он крестом и нас, и подлежащие времена

и лета, дарованные нам благостию Господней. Дарованные при горячем молитвенном участии отца Иоанна.

На примере 1992 года, так и не сделавшегося последним в мировой истории, отец Иоанн учит нас живому молитвенному участию в святом действии промысла Божия. Учит быть сотворцами Творцу.

В любопытствовании о временах и сроках таится гордость. И поэтому отец Иоанн никогда не поощрял чье-либо стремление знать, предсказывать или жестко определять времена и сроки. Сердце старца, чутко и живо воспринимавшее движения промысла Божия, опытно знало, что определение Божие о человеке, о Державе, о временах и сроках, о всем мире может нечаянным, неисповедимым образом измениться.

Старец со смирением покорялся и других учил покоряться премудрому, благому и неисповедимому действию Десницы Господней. Отец Иоанн никогда не домогался знать времена и сроки, и Господь благовременно открывал ему Свою волю и о судьбе России, и о судьбах человеческих. Отец Иоанн благовременно и в случаях, Господу угодных, сообщал сию волю нам, грешным.

Как-то эконоом Соловецкой обители игумен Зосима поведал, что отец Иоанн в беседе с ним неоднократно упоминал о том, что его иерейская хиротония последовала через восемь месяцев после диаконской. В такой несколько прикровенной форме старец предсказал своему собеседнику, что и его иерейская хиротония будет через восемь месяцев после диаконской. Предугадание подобного срока было душеполезно для будущего игумена: провидческими словами старца Господь укреплял его веру и благословлял на подлежащее пастырское поприще.

– И Вы по монастырю, и монастырь по Вам, – провидчески сказал мне еще в начале нашего знакомства отец Иоанн.

Старец и книг о Кирилло-Белозерском монастыре не читал, и ни разу не был в нем. Но Господь в мгновение ока открыл его святому сердцу нечто большее, чем знали те, кто десятилетия провел в сей обители и прочитал о ней все книги. Чистым сердечным оком старец увидел и обитель, и человека в ней, увидел их духовную соразмерность. По слову псалмопевца: «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущии на ней» [Пс. XXIII: 1]. Поэтому человек может спастись на всяком месте, и в то же время, как свидетельствует слово отца Иоанна, есть место, особенно пригодное для спасения нашего. Место, Господом для нас уготованное. Подтверждение сему мы находим и в житии преподобного Кирилла Белозерского XV века.

Когда святой в Московском Симоновом монастыре просил Богородицу указать ему место для спасения, то услышал глас от Ее иконы, именуемой «Одигитрия»: «Кирилле, изыди отсюда и иди на Белоезеро, тамо бо уготовах ти место, на немже возможеша спастися».

Единожды и предельно кратко сказано старцем: «И Вы по монастырю, и монастырь по Вам». А урок на всю жизнь.

Свой девяносто четвертый год рождения отец Иоанн встретил в день Светлого Христова Воскресения. Пасха 2004 года на одре болезни, в физической немощи, но по силе и полноте святой пасхальной радости отец Иоанн оказался куда сильнее нас, физически здоровых. И то, что батюшка продолжал жить среди нас, есть знак милости Божией к нам, грешным. В лице старца Господь присутствовал на земле и его устами

являл нам Свою святую волю. Чрез отца Иоанна особенно ощутимо животворное, священнотайное воздействие преизобильной благодати и любви Божией.

У отца Иоанна было большое сердце, любящее и смиренное, которое молитвенно вмещало и Бога, и мир, и Россию, и человека. И сие сердце с материнской заботой и благовременной нежностью и строгостью вынашивало своих чад духовных. Блюсти во всем святую благовременность есть особый дар Божий, есть неотъемлемое свойство подлинного старчества.

С мудрым терпением ожидал батюшка, когда на духовном деревце набухнут почки, затем распустятся, расцветут и принесут плод обильный. Проявление неблагоприятности в делах духовных может покалечить человека, иногда неисцелимо.

Как-то батюшка шутливо и ласково, без тени укора заметил про меня: «Недопеченый».

Блюсти во всем святую благовременность может лишь человек, всецело преданный воле Божией и знающий сию волю.

По открытии Кирилло-Белозерского монастыря отец Иоанн не благословлял меня на то, чтобы войти в число братии: «Вы и домашний монастырь разрушите, и там монастыря не обретете». И я пономарил, читал акафист преподобному Кириллу у его мощей, организовывал крестные ходы, экономствовал (по указу владыки), но при этом не был в числе братии и имел счастливую возможность сохранять в целостности домашний монастырь. И дальнейшее развитие событий только подтвердило истину старческого предостережения. Сам исполняющий обязанности наместника как-то признался

мне в алтаре: «Это не монастырь, а не знаю, что такое». В другой раз с досадным неудовольствием выговорил: «Вы много содействовали открытию монастыря, а этого делать не следовало. Не суйся в воду, не зная броду».

Где господствует мертвая буква и нет сердца отеческого в настоятеле, там действительно «не монастырь, а не знаю, что такое». И аз, грешный, однажды сказал на исповеди наместнику, что у него в груди не сердце, а камень. И владыка как-то не без горечи поведал мне про и. о. наместника: «Некем заменить». В наше время, когда «оскуде преподобный», становится сугубо ценным благодатный духовный опыт отца Иоанна. Опыт духовного рассуждения. Сие рассуждение мы видим в каждом слове и действии старца.

Однажды, проезжая через Москву в Печоры, я купил на вокзале две кожаные куртки у какой-то навязчивой торговки. И только после покупки понял, что они мне совершенно не нужны. Приехав в Печоры, я сдал куртки в комиссионный магазин, но никто их не брал, и тогда я решил подарить куртки отцу Иоанну. Татьяна Сергеевна взяла их и отнесла в келью батюшки. Однако батюшка от подарка отказался: одну из курток он окропил святою водою с обеих сторон и благословил носить мне, а про другую сказал: «А эту снесите в комиссионный магазин». И было весьма удивительно и поучительно, что в прозорливых словах батюшки не прозвучало никакого укора и обличения. И тем назидательнее они оказались.

Про благолепие монастыря батюшка однажды сказал: «Красота-то какая! А дух отходит...»

Но настал момент, когда дверь келии отца Иоанна на какой-то период оказалась закрытой предо мною. В конце

октября 1999 года я впервые уезжал из обители с великой скорбью. Тяжесть на сердце усиливалась еще и тем, что не прошло и полугода после кончины моей матери. Так Господу было угодно, чтобы вкусить не одно утешение от общения с батюшкой, но и скорбь воспринять, и с терпением, без ропота понести ее.

Уже не одно десятилетие существует мистическая связь между двумя знаменитыми русскими обителями – Псково-Печерской и Кирилло-Белозерской. Обе посвящены Успению Пресвятой Богородицы. Лампада в закрытой Кирилло-Белозерской обители вновь возгорелась от лампы Псково-Печерской.

Еще господствовал атеизм в России, еще никто помыслить не мог о возобновлении монашеской жизни в обители преподобного Кирилла, а по премудрому устроению Божию в Псково-Печерском монастыре ежедневно, за исключением Великого поста и Светлой седмицы, совершались молебны преподобному Кириллу Белозерскому. Свыше тринадцати лет находится в Псково-Печерском монастыре ее нынешний казначей игумен Марк. И все это время, по его свидетельству, здесь служили молебны преподобному Кириллу.

В 1983 году архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в ответ на нашу надежду насчет возрождения закрытой обители утвердительно заключил: «Да будет Вам по вере Вашей!» И в этом властном и прозорливом слове старца была благодатная сила благословения Божия. И силой сего благословения, силой молитвы отца Иоанна началось возрождение крупнейшей русской обители. И сие старческое благословение, однажды данное, действовало со властью и животворно на протяже-

нии многих лет, во многих ситуациях. Действовало вопреки злонамерениям врагов видимых и невидимых. И нужно иметь великую силу молитвенную и сердце мужественное, чтобы поднять бремя духовное по возрождению монастыря, который по Божии попущению оказался в плену безбожном. И милостивый Господь явил нам такую силу в отце Иоанне.

1 (14) мая 1997 года, в день праздника иконы Богородицы «Нечаянная Радость», была возвращена Русской православной церкви часть Кирилло-Белозерского монастыря, а в конце июня 1998 года здесь появились первые монахи.

Письма к отцу Иоанну и ответы отца Иоанна

«Дорогой Валерий Васильевич!

Поздравляю Вас с началом Великого поста. Да укрепит нас Господь на прохождение сего спасительного поприща.

Спешу кратенько ответить на вопросы Ваши.

Божие благословение Вам на помощь в работе над фильмом “Великая жертва” и на работу над альбомом о Кирилло-Белозерском монастыре.

А вот “Азъ победихъ миръ” надо будет издать только тогда, когда подработаете и вторую часть. Не спешите.

Последний же вопрос не вем.

Умудри Вас Господь!

Архимандрит Иоанн».

(получено накануне Торжества Православия, 1995 г.)

На сельском приходе. 1984 г.

«Дорогой Валерий Васильевич!

Слава Богу, Вас на работу в ЦТ благословил архиерей. Мы же о Вас будем молиться, чтобы Ваш труд был на пользу душ многих и Вашей тоже.

А где жить, решите с мамой. Я ведь Вашего деревенского быта не знаю, и как Вы помогаете ей. Она ведь уже старенькая и слабая. Вот и смотрите.

Я же молюсь о Вас и помню.

Архимандрит Иоанн».

(получено накануне Недели Всех Святых, 1996 г.; письмо на открытке)

«Дорогой батюшка! Христос Воскресе!

Митрополит Филарет (Дроздов) писал: “Люби врагов своих, ненавидь врагов Христа и бей врагов Отечества”. Как быть, если враг свой является в то же время врагом Христовым? Например, какое-то чувство мешает мне молиться за директора музея – послушного наместника сатаны».

Ответ: «Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного» [Мф. 5, 44].

«Перевозить ли нынешней осенью маму в Кириллов или еще зиму провести в деревне (пока утрясается вопрос с открытием монастыря)?»

«Маму оставить на месте».

«Написать ли в “Православный Санкт-Петербург” статью, изобличающую музейное фарисейство во взаимоотношениях с Церковью?»

«Не надо».

«Работа над кинофильмом “Сим победиши” зашла в тупик: нет денег. Дело, конечно, не в деньгах, а либо Промысл удерживает завершение работы до благоприятного момента, либо нужна смена режиссера, либо Бог так наказывает режиссера за обман, допущенный на начальном этапе работы. Должен ли я что-то предпринять или ждать, пока Сам Господь чрез стечение обстоятельств управит сие дело?»

«Сам Господь управит».

«О нашем владыке в вологодской печати появлялись порочащие статьи. Я написал заступническую статью, которую хотели опубликовать при условии, если владыка даст “добро”. А владыка отказал журналистам под предлогом: не надо вступать в контакт с миром сатаны – сей злодей может использовать мою публикацию в своих целях. Нужно ли было сидеть сложа руки? Молчание все равно не остановило служителей лукавого: пущены новые стрелы в сторону епископа».

«Быть в полном послушании епископу в этом вопросе. О нем без его ведома ничего не писать».

«Ольге Сокуровой посылаю статью “Великая жертва” о царе-мученике. Это и статья, и одновременно материал для кинофильма. Испрашиваю Ваше благословение на сие начинание».

«Благословение просить поздно, Вы все уже сделали до вопрошания».

«Владыка предполагает осенью открыть Иоанновский монастырь (горную малую часть Кирилло-Белозерского монастыря). Насчет Ферапонтова у него тоже появились надежды».

«Молитесь об осуществлении этих благих начинаний».

«Дорогой батюшка, у нового вологодского владыки Максимилиана есть вопрос: “Ферапонтову монастырю быть мужским или женским?”».

«Монастырь должен возрождаться в своем первоначальном виде, но теперь сообразовываться с возможностями на месте».

«Музей в Кирилло-Белозерском монастыре он хочет поставить в условия арендатора, чтобы таким образом успешнее вывести его за пределы обители. Святейший при вручении жезла в Лазареву субботу пожелал епископу возрождения Кирилло-Белозерского монастыря».

«Это хорошо» (*к вопросу об аренде*).

«Вероятно, можно принять решение об открытии раньше, чем появится братия, чтобы музей уже перечислил деньги за аренду и не чувствовал себя полновластным хозяином. Владыко собирается ввести устав Троице-Сергиевой лавры.

Но, видимо, это возможно лишь временно: у обители есть свой устав – преподобного Кирилла».

«Все исходя из наличия возможностей. А со временем все встанет на свое место».

«Существует предположение, пока ничем не подкрепленное, о создании скита иконописного или в Кириллове, или в Ферапонтове монастыре, или где-то в окрестностях наших. Богу угодно ли?»

«Вопрос преждевременный».

«Молиться ли за будущего государя, чтобы Бог даровал его России (пока без имени, по формуле – “егоже имя веси”)?»

«Не надо ничего выдумывать. Молиться Царю Царст-

вующих и Господу Господствующим о даровании России пре-
держащей власти».

«Один священник сказал, что музей гонит меня по попущению Божию, а я склонен считать иначе: месть вражия».

«Сокровенная тайна, ведомая единому Богу».

«С моим переходом на должность вне музея, но при монастыре, отступит ли благодать от сей конторы, враждующей на православных, и не ускорится ли ее распад и запустение?»

«Много замыслов в сердце человека, но будет только то, что благословляет Бог».

«Так ли: ум содействием воли нисходит в сердце смиренно и оттуда непобедимый взирает: взгляд из сердца».

«Боже, милостив буди мне, грешному».

«В случае, если причастие несколько дней подряд, исповедь тоже ежедневно или, не чувствуя укоров, можно приступать к чаше, довольствуясь исповеданием: “Верую, Господи, и исповедую...”?»

«Нет, придерживаться общих правил. Перед причастием исповедь».

«В случае открытия обители оставлять ли милицию или использовать другую форму охраны (например, как у вас в монастыре)»?

«Когда придет время, будет видно, какая нужна форма. Благодать Божия – это Сила Божия, действующая в человеке через веру в Иисуса Христа».

«Дорогой батюшка!

Добрые пути промысла Божия: по архиерейскому указу, который владыка не отменял, продолжаю быть экономом, а по приказу наместника отстранен. В годовщину указа владыка напомнил и. о. наместника о необходимости возврата полномочий, а наместник на сие никакого внимания, и не только к экономству не привлекает, а всецело отстраняет от участия в делах монастырских. Отменил и крестные ходы по престольным праздникам, хотя владыка смотрит на это благожелательно, и чтение акафиста преподобному.

Рукой батюшки на письме: “В ляльки играет. Для чего-то преподобный сие попускает”.

“Не вступайте в наши дела”, – говорит мне, хотя владыка в день вступления наместника в должность рекомендовал ему советоваться со мною. Накануне дня Ангела сделал мне подарок словесный: “Поищите себе другой монастырь”.

«Вы Кирилло-Белозерский, и никакой другой монастырь искать не надо».

«Когда я сказал, что мне пора о вечности думать, а не о крестных ходах и об акафисте преподобному, то обрадовался сему: “Вот-вот! Об этом и думайте”».

«Как читали акафист, так и читайте».

«Слава Богу: другой монастырь искать не надо, он у меня дома. 30 лет я был связан с Кирилло-Белозерским монастырем, а теперь пора прощаться, и я готов к сему: преподобный найдет людей, готовых для попечения об обители. Быть отстраненным от попечений есть милость Божия. Да и не полезно сообщаться с человеком, в котором главенствует мертвая буква».

«Побудьте пока дома, ничего не меняя, сохраняя жизнь духа».

«Дом, в котором живу, передали в колхоз, так как наместник (опять же вопреки мнению владыки) не захотел взять его в собственность монастыря. Но надеюсь, что вопрос сей будет пересмотрен, и дом отдадут или Кирилловскому, или Горицкому женскому монастырю».

«Дом, как и Вы, – Кирилло-Белозерский».

Еще задолго до открытия Кирилло-Белозерского монастыря отец Иоанн неоднократно давал мне флакончик с розовым маслом для раки преподобного Кирилла и пучок больших восковых свечей для возжигания их у мощей сего святого. Отдаленное будущее для нас, грешных, еще не существующее и сокрытое завесой времени, являлось духовной действительностью для старца-архимандрита.

Отец Иоанн приближал сие будущее своей святой молитвой и силой своего благословения. Масло и свечи были видимым знаком невидимого молитвенного участия отца Иоанна в возрождении крупнейшей русской обители. И сие участие было самым существенным, главным. Ибо видимые действия и события движутся силой невидимой. И мы

знаем: сила молитвы может изменять ход исторических событий.

В кратком слове отца Иоанна: «Да будет Вам по вере Вашей», которое было сказано в 1983 году в ответ на мое упование возродить Кирилло-Белозерскую обитель, заключалась благодатная молитвенная сила старческого благословения. Сие святое благословение духовно содействовало всем моим усилиям и по возрождению Кирилло-Белозерской обители, и по защите ее от нападения темных сил. И таких нападений было немало: это и переброска северных рек, угрожавшая физическому бытию монастыря, и планы по размещению в недрах обители гостиницы европейского уровня для иностранных туристов, и устройство музея Бабы-Яги рядом с монастырем.

И все эти планы расточились, ибо сатана был бессилен против силы благословения Божия, которое молитвенно действовало через отца Иоанна. Святое благословение, однажды данное, животворно действовало на протяжении многих лет во многих ситуациях.

В духовном рассуждении отца Иоанна не ум человеческий умствует, а ум Христов расточает смуту и мглу наших сердечных недоумений и скорбных обстоятельств житейских. После каждой встречи с отцом Иоанном все становилось на свои места, и ты уезжал с ясностью помышлений и с легкостью и радостью на сердце.

На сельском приходе. 1980 г.

*Чин о Панагии из Сретенского храма.
Печоры. 1969 г.*

День ангела. Поселок Вярска. 2002 г.

На приходе у о. Кенсорина. 1982 г.

В пасхальную ночь. 1982 г.

Вспоминает **Сергий Козлов**

Отца Иоанна я впервые увидел летом 1987 года, примерно через год после моего крещения. По жизнеописаниям Оптинских подвижников я уже имел представление о старчестве, а рассказы крестного отца убеждали в том, что батюшка Иоанн – настоящий старец.

Моя мама тяжело болела, медицина не помогала, и я верил, что раз батюшка старец, то его молитвы могут ей помочь. В первый же день по приезде в Печоры в Михайловском соборе я подошел к отцу Иоанну, который принимал исповедь, и поведал ему о болезни мамы. Я спрашивал: «Что мне делать?» Батюшка накрыл мою голову епитрахилью, прочитал разре-

шительную молитву (хотя я и не каялся в своих грехах) и сказал, чтобы я подошел к нему завтра после утренней службы. Когда я подошел к нему, он дал маленькую иконочку, краткие молитовки и сказал, что надо молиться и стараться помазывать маму соборным маслом. Замечу, что в то время из всех моих близких воцерковлен был только я один.

Через несколько дней после приезда я узнал, что в будние дни можно увидеть батюшку, когда он после литургии выходит из алтаря Михайловского собора. Около храма его всегда ждали – обычно человек десять-двадцать.

При появлении батюшки сразу возникало оживление, люди улыбались, радостно устремлялись к батюшке, руки тянулись под благословение. Батюшка и сам улыбался, увидев ожидающих. Кто-то первым начинал говорить с батюшкой. Иногда, если вопрос был назидательным для многих, батюшка беседовал с человеком громко, и окружающие слышали эту беседу. Человек получал ответы и отходил, батюшка продвигался к лестнице, ведущей на Успенскую площадь, и с ним заговаривал кто-то другой. Некоторые передавали записки с просьбой о молитвах и письма, кто-то получал ответы на свои письма, кто-то просил принять его для беседы.

Иногда человек не успевал подойти к батюшке, а на лестнице, ведущей вниз, задержать батюшку было уже тяжело, хотя и можно было сказать ему несколько слов. По лестнице батюшка спускался обычно без больших остановок и сразу проходил в братский корпус, куда посторонних не пускали.

Несколько раз я был свидетелем необычных действий батюшки. Отец Иоанн ласково обнимал за плечи приунывшего от жизненных невзгод человека, молитвенно замирал

и радостно говорил: «Ну вот, иди, Ангела тебе посадил». Все улыбались, и обрадованный человек – тоже. Вероятно, общение батюшки с Ангельским миром было вполне реальным.

Через год я снова приехал в Печоры. В удобный момент я подошел к батюшке и напомнил ему, что год назад уже приезжал с просьбой о молитве за маму. Еще я передал батюшке записку с просьбой помолиться о моих родных и попросил, чтобы он со мной побеседовал.

Батюшка назначил время и поговорил со мной. Краткая беседа произошла за столиком в прихожей братского корпуса. Я очень хотел, чтобы батюшка ответил – нужно ли мне вступать в брак или нет, т.к. я хотел поступить по воле Божией. Но батюшка отвечал, что этот вопрос человек должен решить сам. При этом он советовал читать 1-е послание к Коринфянам апостола Павла, главу 7-ю, и прочитать то, что писали о семье и браке святитель Иоанн Златоуст и митрополит Московский Филарет Дроздов, а о монашестве – «Поучение монахам» Глинского игумена Филарета.

Для помазывания моих родителей батюшка дал мне освященное масло. При мне батюшка помазал святым маслом одного болящего мальчика и сказал его маме: «Помазывать надо вот так». При этом батюшка дал мне понять, что эти слова относятся и ко мне. Я очень хорошо помню возникшее у меня недоумение, так как в ту пору мои родители сторонились святыни. Но прошло время, сердца родителей стали мягче, и помазать их удавалось все чаще и чаще. Батюшка, конечно, предвидел это.

В этот же приезд я отдал батюшке письмо с вопросами, а потом получил ответ, где были такие назидания:

«Причащаться по слову св. Иоанна Кронштадтского хорошо через две недели. Неделью готовишься, неделю живешь полученным Даром и снова готовишься, и будет причастие один раз в две недели. Если бывает какое-нибудь особое состояние – трудности духовные, то можно и в такие моменты дополнительно причаститься, но это – в крайнем случае.

Спать надо семь часов в сутки, при болезненном состоянии – 8 часов, а больше нельзя. И еще хорошо бы приучить себя вставать в одно время; не надо себя баловать, а то не заметите, как лень возьмет власть над Вами».

В письме был задан и вопрос о том, можно ли мне давать заказы на ксерокопирование православной литературы (которая тогда не издавалась) одному молодому человеку, работавшему в типографии. Я делал заказы для себя и многих моих друзей. Меня смущало то, что этот человек получал от копирования весьма крупные по тем временам деньги, которые могли пойти во вред его душе. С другой стороны, он все равно нашел бы заказчиков, но только печаталась бы не православная литература, а что-нибудь непотребное. Ответ был такой:

«В отношении этого вопроса – духовный мир Вашего приятеля не в Вашей власти, а в его. А вот в отношении себя будьте очень внимательны, хотя Вы и заказчик, но Вам грозит то же самое, о чем тревожитесь Вы в отношении его. И под предлогом благого не повредите своей душе – не превращайтесь в делового человека.

Божие благословение Вам на возвращение домой и на многое терпение с молитвой.

Архимандрит Иоанн

P.S. А для нас печатать ничего не надо, у нас все есть».

Уплащаницы в Страстную пятницу. 2002 г.

Хорошо запомнился случай, произошедший в один из первых моих приездов. После литургии батюшка выходил из Успенского собора. Люди из храма в основном уже вышли, я был близко от батюшки, и он меня видел. Недалеко от дверей батюшка ласково обратился по имени к благообразной старушке и попросил, чтобы она помолилась о его маме. «Сегодня день ее кончины, – сказал он тихо и задумчиво. – У нас была одна блаженная, и она сказала мне, чтобы я поспешил домой, а то могу не застать маму в живых. Я поспешил домой, но маму в живых уже не застал».

Я слушал эти слова и удивлялся, что батюшка просит о молитве за маму простую старушку. К сожалению, я тогда не записал все дословно, но смысл сказанного запомнил очень хорошо.

Прошел еще год, и летом я снова приехал в святую обитель. Подошел к батюшке под благословение, напомнил ему о себе. Он спросил, где я остановился и как провожу сейчас время. Узнав, что в монастыре я не помогаю, батюшка сказал: «Что же ты ходишь праздным? Иди к Петру Максимовичу (так звали бригадира) и скажи ему, что тебя послал отец Иоанн». Так я попал в число тех паломников, которые трудятся в монастыре и которых монастырь кормит, а некоторым дает и ночлег.

Обедают паломники в братском корпусе, а по коридору, где паломники ждали начала обеда, мимо их трапезной отец Иоанн ходил в братскую трапезную на обед. Появилась новая возможность вблизи увидеть жизнь батюшки.

Через несколько дней после приезда, в обеденное время, я передал для батюшки через его келейницу Татьяну Сергеевну небольшое письмо и записку с просьбой помолиться о моих близких. Не вдаваясь в подробности, скажу, что в то время обстановка у нас дома была очень тяжелой, а говоря более откровенно – просто отчаянной. В письме все было кратко описано.

Кончился обед, я вышел на хозяйственный двор, работать еще не начали. И вдруг я явственно почувствовал, что происходит что-то удивительное. Мое сердце как бы расширилось и стало весомым, это трудно описать словами. Сразу же мелькнула мысль, что отец Иоанн прочитал письмо и начал молиться. Эту молитву я явно, отчетливо ощущал. Отойдя

немного в сторону от людей, я с трепетом замер и прислушивался к происходящему.

На следующий день в коридоре Татьяна Сергеевна сказала, что батюшка прочитал мое письмо и записал моих близких и меня для сугубого поминания, а на письмо ответит позже.

Так я реально познал, что такое молитва старца.

Батюшка часто давал ответы на письма в последний день пребывания человека в Печорах. Получил и я ответ на свое письмо:

«Дорогой о Господе Сергей!

Три года – слишком короткий срок, чтобы переродилось все вокруг нас и в нас. А Вы хотите конечных положительных перемен. Господь силен и такое чудо явить, но мы-то не в состоянии понести это без вреда душе. А поэтому очень часто долгие и долгие годы несут люди свои немощи, смиряясь, если и не перед Богом, то перед своим бессилием и слабостью. Продолжайте молиться о своих близких, ведь положительные сдвиги в их настроении Вы улавливаете. А то, что порой враг восстает, кажется, с новой силой, это закономерно. Какой враг без боя отдаст то, что, по его мнению, принадлежит ему бесспорно.

Помогайте близким и сами учитесь духовной мудрости на живом примере.

То же самое и в вопросе с сестрой. Слава Богу, что и ее души коснулась благодать Божия, а теперь не надо ничего сокрушать из прошлого, но вращать в него с новым взглядом на мир и на людей – всех любить, всех жалеть и всех и за все прощать – последнего надо особенно много и часто. Не спешить кричать на весь мир в укор остальным о чуде, совершившемся

в ее душе, а тихо и незаметно являть это своей жизнью, своими поступками и отношением к людям и к мужу в первую очередь. И начинать его обращение надо с особой любви к нему, молитвой о нем. В Церковь ходить надо, но, по возможности, не раздражая мужа часто. Будем молиться и о Н.

Теперь о Вас. Что изменилось в Вас за эти три года, проявилась ли какая-либо более определенная склонность в Вас? Ведь выбор жизненного пути – это обязательное дело каждого человека, ибо он один дает Богу обет нести крест, и сам выбирает этот крест – одиночества и угождения только Богу или семьи и доли супруга, берущего на себя перед Богом ответственность за жену и детей. Дорогой Сергей, загляните поглубже в душу свою и спросите себя.

И только когда в Вашей душе явится определенная склонность, будем мы с Вами говорить определенно на эту тему. И, конечно же, не пожелания родителей должны ложиться в основу решения этого вопроса. Пока этот вопрос остается открытым. Молитесь, чтобы в Вас прояснилось осознание своего желания. И оба пути благословлены Богом, и оба трудные и ответственные, и на обоих предлежит подвиг борьбы за Царство Небесное.

Храни Вас Господь.

Божие благословение Вам и близким Вашим. Архимандрит Иоанн».

В этот раз для помазывания моих родителей батюшка дал мне святыню – масло, освященное в храме Гроба Господня в Иерусалиме.

Я приехал домой и сразу заметил некоторые почти невыразимые положительные изменения в духовной обстановке,

которые объяснил для себя как результат батюшкиных молитв.

В следующий приезд я снова передал батюшке через Татьяну Сергеевну небольшое письмо и записку с просьбой о молитве за моих близких. Вскоре я получил ответ. Батюшка писал, что надо не оскудевать в терпении и молитве за родителей и что со временем я получу просимое. Далее было написано следующее:

«Вот ведь знаете Вы, что Господь слышит нас, знаете опытно самой жизнью, и вот основываясь на этом, и надо просить и верить, что в нужное, Богу ведомое время Он сотворит милость.

Свою же жизнь тоже не изобретайте сами. Трудитесь, живите, как жили, новым должно быть только отношение к той жизни, которую живете.

И в Церковь ходите молиться, живите таинствами, а в клир не спешите. Не спешите.

Об отце Вашем крестном молимся, передайте ему иконку “Целительницу” Матери Божией. А приехать в Печоры можно в любое время помолиться, а вот многочасовой беседы теперь обещать ему не могу – стал стар и времени и сил нет.

Так что так ему и передайте. Храни Вас Бог, Сережа. Божие благословение Вам. Архимандрит Иоанн».

Маленький листок бумаги был весь заполнен, а на полях сверху вниз шла приписка: «О родителях Ваших молимся и мы».

Для меня батюшка являлся абсолютным авторитетом, я понимал, что он близок к Богу и его слова – от Бога. Возникало желание попасть под более полное руководство батюшки. Поэтому в следующий приезд в обитель на праздник Успения

я сначала сразу передал батюшке письмо-записку с просьбой о молитве за близких, а потом – письмо, где передал поклон от одного знакомого ему священника и задавал некоторые не самые существенные вопросы.

На это письмо был получен ответ:

«Дорогой о Господе Сергей!

Прошу прощения, что не могу взять о Вас попечение на себя, да и не надо это, ибо у Вас есть духовный руководитель, который помогает Вам во всем. Мне же только можете давать письма, аналогичные первому Вашему письму – помолиться о том-то и о том-то. И всё. В молитве не могу отказать никому. А вопросы оставляю Вашему духовнику.

Отцу N передайте поклон.

Божие благословение Вам и близким Вашим.

Архимандрит Иоанн.

У Вас есть духовный руководитель и советчик, а сколько людей мечутся от одиночества полного. Так что благодарите Бога, что Вы не один, и не ищите другого.

Спасение не в совете со многими, но во многом совете с *одним*.

Храни Вас Бог».

Наступил сентябрь, многие приехавшие на праздник Успения уже уехали. Я уже получил письмо от батюшки и тоже готовился к отъезду, и вдруг неожиданно увидел батюшку в тот редкий момент, когда он не спешил. Я бросился под благословение и передал батюшке поклон от одного знакомого ему священника и его матушки, передал просьбу матушки о

молитвах за сына. Батюшка задал мне несколько вопросов и сказал, чтобы я зашел к нему.

Когда я вошел в назначенное время, то в келии был еще один монах, который жаловался батюшке, что его родители не венчаны. На это батюшка ответил: «Ну, ничего, может быть, ты сам их и обвенчаешь». Через несколько лет этот монах был уже в сане иеродиакона, и я думаю, что он стал и иеромонахом и обвенчал своих родителей.

Батюшка помазал нас святым маслом и на мои вопросы о том, как жить, благословил мне два года ничего не менять в жизни.

Каждый год я старался приехать в Печоры на удивительный праздник Успения Божией Матери. И через два года я снова передал батюшке небольшое письмо. В ответном письме батюшка написал:

«Дорогой о Господе Сергей!

Еще два года предстоит тебе потерпеть, ничего не меняя в жизни. Ты очень нужен родителям, хотя они этого и не осознают.

А в нынешнее крайне трудное для выживания время их оставлять нельзя. Господь даст тебе дополнительно и духовные, и физические силы, чтобы нести крест свой во спасение. Молюсь о тебе и о твоих родителях. Божие благословение тебе. Архимандрит Иоанн».

Значение слов батюшкиного письма «крайне трудное для выживания время» выяснилось через несколько месяцев. Стал понятен и смысл батюшкиного рассказа о кончине его мамы, который я слышал несколько лет назад.

От сердечного приступа, за несколько минут, умерла моя мама. Меня в момент маминой смерти дома не было.

Внезапной смерти мамы никто из нас, ее близких, не ожидал, этой смерти ничто не предвещало. Нас охватила такая скорбь, какую и описать тяжело. Моя скорбь усиливалась и оттого, что мама перед кончиной не причастилась. Мы вели с ней разговоры о причастии (которое стало бы для нее вторым в ее зрелой жизни) и даже намечали время, но не успели, и было такое ощущение, что враг рода человеческого одержал победу.

На второй день маминой смерти я послал батюшке телеграмму, а еще через несколько дней удалось переслать с оказией письмо, деньги с просьбой раздать их нуждающимся на поминавание и чай с конфетами.

Незадолго до 40-го дня я получил письмо, написанное Татьяной Сергеевной.

«Дорогой о Господе Сергей!

И телеграмму твою, и письмо получили. И по телеграмме сразу догадались, что речь идет о тебе именно и о твоей маме. Батюшка подал о ней на сорокоуст и на год и сам молился и еще молится о маме твоей до сорокового дня.

Сегодня N передала твое письмо с деньгами, и батюшка благословил записать всех твоих на годовое поминавание на Карповке, а маму, папу, тебя и сестру на вечное. Все это делает N, к ней кто-то приезжает из Иоанновского монастыря. Думаю, что она тебе обо всем сообщит сама.

Батюшка не захотел давать помянуть кому-то, потому что сегодня помянут, а завтра забудут, а в монастыре это постоянно и надежно, да и нужда у вновь открывающихся монасты-

рей немалая. Да и св. прав. батюшка Иоанн Кронштадтский походатайствует за Вашу маму.

Спасибо Вам за конфеты и за чай. Все получили. Храни Вас Бог.

Батюшка шлет Вам Божие благословение и свое рождественское поздравление. Т.»

Наступило лето, и мне удалось приехать в монастырь.

Хотелось и поблагодарить батюшку за молитвы, и получить назидания. Я понимал, что раз батюшка молился за маму, то ему известна ее участь в ином мире, и в письме со страхом, очень осторожно спросил его об этом. Еще беспокоила меня мысль о том, что не все я сделал для мамы при ее жизни, что какие-нибудь лекарства, пусть даже такие простые, как успокаивающий пустырник, могли бы ей помочь, и надо было бы более настойчиво их предлагать. Были и другие вопросы.

На мое письмо батюшка дал такой ответ:

«Дорогой о Господе Сергей!

На все твои воздыхания и придыхания скажу тебе только одно то, что в жизни и в смерти волен один Бог, а мы все твари в Его руке. И если маме твоей пришел час перейти в мир иной, то никакой пустырник тут не поможет.

Так что ты, чем увлекаться пустыми помыслами, лучше бы Бога поблагодарил за ее мирную, христианскую кончину. И еще за то, что вся семья потихоньку движется к Богу, а не от Бога бежит.

О твоей маме и мы молимся и теперь N поминаем. И ты не гадай и домыслами пустыми голову свою не загромождай. О будущем своем отец сам позаботится, и ты ему не мешай. Но пока не поймешь, что он хорошо устроен, ты его не оставляй.

Все, что у вас есть, оставь при себе. Вот это и значит, что все имеем, но ничто не обладает нами. Имеющий, как не имеющий.

Если хочешь жертвовать, жертвуй из своих. А как и куда вам лучше вложить свои капиталы и приобретения, меня не спрашивай. Я в нынешней неразберихе ничего не понимаю.

Божие благословение тебе, Сережа.

Причащайся через 2 недели.

Архимандрит Иоанн».

Через несколько лет я получил от батюшки решающее благословение на дальнейшее устройство моей жизни. Больше важных вопросов у меня не было, и писем батюшке я не писал. Я прекрасно понимал, как нужны батюшкины письма тем, кто стоит перед выбором или попал в тяжелое положение, кто не может решить какого-то вопроса. Я понимал, что батюшкины письма и молитвы могут в прямом смысле спасти человека от гибели.

Два раза я был свидетелем того, как паломники, получившие батюшкины ответы на их письма, были буквально потрясены ответами – притом что ответ с радостью принимался.

И лишь однажды возник у меня вопрос, который я считал важным и задал и на который батюшка дал ответ.

Каждое лето я старался приехать в монастырь на праздник Успения. Если батюшка был в монастыре, то я передавал ему записки с просьбой о молитвах за близких, чай и шоколад, которые батюшка потом раздавал своим посетителям. А батюшка передавал мне, как и многим приехавшим, иконочки, просфоры, шоколад или конфеты.

В 2005 году я получил в дар от батюшки икону среднего размера на твердой основе, богослужебную просфору и две книги. Это было его прощальное благословение. Батюшка знал, что близится час его перехода в Вечность. Когда Татьяна Сергеевна вынесла из дверей батюшкиной кельи эти подарки и я увидел икону, то от изумления замер, вглядываясь в икону.

Одной из подаренных книг была Псалтирь преподобного Ефрема Сирина, которую составил из творений преподобного святитель Феофан Затворник. Батюшка велел мне читать в день по кафизме, и это помогло мне справиться с одной духовной проблемой, которая в то время у меня возникла. Наверное, батюшка видел состояние моей души.

Вторая подаренная книга – «Гармония Божественного творения. Взаимоотношения науки и религии». Автор – протоиерей Георгий Нейфах, имевший с батюшкой духовное общение, в прошлом – успешный ученый-биолог. Книга мне показалась очень интересной и глубокой, а был ли в подарке какой-то тонкий смысл – я не знаю.

Батюшке было уже 95 лет. Близилось время расставания. Я очень хотел отдать свой последний долг батюшке за всю его заботу о моих близких и обо мне и просил многих моих друзей сразу же сообщить мне о кончине батюшки, если они узнают об этом. Через несколько часов после батюшкиной кончины я об этом узнал, и благодарю Бога, что мне удалось приехать на погребение батюшки и проститься с ним у его гроба.

На заупокойных службах у гроба батюшки была необычная особенность – поминалось не только имя новопреставленного старца архимандрита Иоанна, но и имена духовных лиц, которых он особенно почитал, и близких батюшке людей.

Листок с этими именами был, вероятно, заранее подготовлен батюшкой.

Звучала молитва о упокоении: Святейшего Патриарха Алексия, митрополита Николая, схиархимандрита Серафима, Михаила, Елизаветы...

20 февраля/5 марта 2007 года произошла моя новая встреча с батюшкой – во сне. Всего сна не описываю, а только то, что батюшка сказал мне, что сейчас он пишет книгу и чтобы я начинал помогать. При этих словах батюшки меня охватил восторг.

Я проснулся с чувством удивительной радости и такой легкости на душе, которая бывает в Пасхальную ночь, да и то не всегда. А то, что сон был в день памяти преподобномученика Корнилия, игумена Псково-Печерского, я однозначно понял как батюшкино указание о том, что надо строго чтить память святого игумена, а ведь я этого не делал.

Помня слова преподобного Иоанна Лествичника о том, что «кто верит снам, тот подобен человеку, который бежит за своей тенью и старается схватить ее» [Лествица, 3, 26], я все же рассказал о сновидении Татьяне Сергеевне. А она, улынувшись, сказала, что сейчас начинает готовиться книга воспоминаний о батюшке, а поскольку я начал ездить к нему довольно давно, то и я рассматривался как возможный автор для раздела «Воспоминания паломников».

Был ли мой сон химерой или нет – судить не берусь, но вполне может быть, что эти воспоминания написаны по благословению старца архимандрита Иоанна.

*Минуты отдыха
на Святой горке.
1998 г.*

Братская беседа. 1998 г.

Обсуждение книги о. Александра (Васильева). 1998 г.

Первая литургия в храме преп. Корнилия. 1986 г.

вспоминает

Лариса Шеховцова

Впервые я приехала в Успенский Псково-Печерский монастырь в 1979 году. В это святое место – обитель Успения Пресвятой Богородицы – меня привели сложные обстоятельства семейной жизни. Я понимала, что жизнь на этой земле временна. Как ее прожить, как спастись, как послужить Богу здесь, на земле?

Я стала искать духовника, который наставил бы меня на этом пути. Это оказалось очень сложно. Знакомая сказала мне, что в Псково-Печерском монастыре есть старец Иоанн Крестьянкин, который помогает всем, кто к нему обращается. Я решилась ехать...

Вид древней обители меня поразил, все здесь замерло в молитвенной тишине. Братский молебен начинался в 6 утра в Успенском соборе. В храм входили седовласые старцы-монахи. Я растерялась: как же я узнаю отца Иоанна? Вдруг в храме произошло оживление, все кинулись к беленькому батюшке в очках. Он быстро продвигался сквозь обступившую его толпу, а люди, расталкивая друг друга, старались взять у него благословение. Я сердцем почувствовала, что это отец Иоанн, и шепот бабушек это подтвердил: «Отец Иоанн идет... Отец Иоанн идет...»

Я сразу поняла, что исполню все, что он мне скажет. Но подойти к нему из-за толпы я никак не могла. Испугалась, что он уйдет, и, протягивая письмо, выкрикнула из глубины души: «Батюшка, ответьте мне!» И неожиданно оказалась рядом с ним. Отец Иоанн, повернувшись ко мне, тихо и ласково спросил: «А ты откуда приехала?» Я ответила, что из Москвы. «Приходи вечером на проходную в 5 часов, мы с тобой поговорим».

Моя исстрадавшаяся душа ощутила в этом человеке присутствие Духа Божия, вселюбящего, всепрощающего. Люди, окружающие старца, стали мне родными. Я чувствовала, что каждый из них по-своему страдает и, прикасаясь к батюшке, в каждом движении которого сквозила любовь, ждет от него утешения. Мне казалось, что это самый счастливый день в моей жизни. Ушла тоска, которая постоянно меня мучила, и это было так непривычно...

В 5 часов на проходной братского корпуса кроме меня было еще несколько человек. Все они дожидались отца Иоанна. Звонили колокола, монахи шли на службу. Батюшка не выхо-

Крестный ход на Пасхальной седмице. 1978 г.

дил. Время 17:45. Отца Иоанна нет. Наконец на мой вопрос: «Выйдет ли отец Иоанн?» – сторож ответил, что он пройдет уже к акафисту и всех только благословит. Я похолодела. Как же я не смогу поговорить со старцем? Я чувствовала, что батюшке можно все сказать, все доверить. Моя душа, которая много лет болела и мучилась, понимала, что может получить исцеление только от Бога, поэтому она тянулась к старцу, в котором был Дух Божий.

Я сказала сторожу, что мне необходимо увидеть отца Иоанна, потому что у меня в Москве остался маленький ребенок и я сегодня должна уехать. И он вдруг сочувственно сказал мне:

«Идите вверх по лестнице, в конце коридора направо последняя дверь». Со мной была еще одна женщина, которая приехала к старцу второй раз. Со страхом пробежав по темному коридору, я постучала в дверь. Открыл сам отец Иоанн. Он закутылся длинным черным шарфом и собирался выходить. «А это здесь кто?» – спросил батюшка. Я робко сказала: «Батюшка, Вы назначили прийти к Вам. Я не могу уехать, не поговорив с Вами». Отец Иоанн вздохнул и сказал: «Ну что же мне с Вами делать? Придется из-за Вас не идти на службу».

Отец Иоанн провел нас в келью. Света не было; много икон; горело множество лампад. В келье стоял необыкновенный запах ладана, который потом помнился долгие годы. Отец Иоанн помолился перед иконами. Меня усадил на диван рядом с собой, а женщину посадил на стульчик немного поодаль. И стал задавать вопросы. Я отвечала. Беседа больше походила на исповедь и длилась более часа. Батюшка, слушая меня, сокрушался о моих грехах и сочувствовал. В конце беседы он сказал: «Я плачу вместе с тобой. Давай поступим так. Напиши исповедь за всю жизнь подробно, исповедайся любому священнику и причастись. Потом опять ко мне приедешь». За сына он стал особенно молиться перед иконами и в конце сказал: «Бедный мальчик, он будет разрываться всю жизнь». Затем он кратко ответил на вопрос другой женщины, помазал нас елеем, покропил водой, и мы, счастливые и радостные, вышли из кельи.

Приехав в Москву, я сделала все так, как сказал отец Иоанн.

Через год я уже с сыном приехала к отцу Иоанну. Морозное утро. У Михайловского собора все ждут старца. Я очень волновалась: думала, что отец Иоанн меня уже забыл и не узнает.

Вышел батюшка. Он тихо двигался к лестнице, благословляя подходивших к нему людей. Кому-то отвечал на вопросы.

Я подошла под благословение и спросила: «Отец Иоанн, простите, Вы меня помните? Я приезжала к Вам год назад». Батюшка ответил: «Как же, помню, – и ласково назвал меня по имени. – Пойдемте вниз». Батюшка стал спускаться по лестнице. Пятилетний сын прыгал за ним по ступенькам, а я боялась, что он наступит батюшке на мантию. Батюшка шел легко, будто летел, а мантия развевалась, как крылья. Внизу на проходной батюшка достал из своего мешочка просфоры, благословил еще раз и сказал, что завтра мы обязательно увидимся.

Вечером у сына разболелось ухо, видимо, в автобусе по дороге из Пюхтиц простудился. Он плакал, не мог уснуть, жаловался на боль. Я посмотрела ухо. Оно было сильно воспалено, выделялся гной. Вечер. Поздно. Лекарств никаких. Я стала молиться. Молилась всю ночь. Было уже 4 часа утра, а боль не утихала. Сын совершенно измучился, я сказала ему: «Молись Господу, чтобы Господь молитвами отца Иоанна тебя исцелил». Он встал на колени около кровати и, плача, стал молиться: «Господи, молитвами отца Иоанна, исцели мое ушко». Вскоре он уснул спокойно.

Утром я ушла на службу, не стала его будить. Подойдя после службы к батюшке под благословение, я сказала о болезни уха. Отец Иоанн сокрушенно покачал головой, сказал, что помолится: «Приходите вечером». Придя домой, я нашла сына, который весело бегал, играл и об ушке уже не вспоминал. Я понимала, что это чудо батюшкиных молитв. Он был рядом молитвенно и всегда о всех все знал, только он никогда этого не показывал.

Вечером мы пришли к батюшке в келью. Дверь открыла келейница Мария. Батюшка помолился и помазал нас елеем. Когда помазывал сына, сказал: «А сейчас я помажу твое больное ушко». И помазал именно то, которое болело. «А тебе иконы писать надо. Схимники да монахи раньше писали иконы. Исповедовались, молились. Очень важно, чтобы состоялся внутренний человек, – это главное».

Батюшка в каждом видел, прежде всего, личность, внутреннего человека, и каждому указывал путь, спасительный именно для него. Отец Иоанн благословил нас в дорогу Федоровской иконой Божией Матери и дал шоколадки.

Отцовская мудрость батюшки так поставила в моей жизни все на свои места, что душа открылась для нового пути только с Богом. Покаяние о прежней жизни, о грехах было очень сильным, и в то же время присутствовала радость, что я имею такую духовную поддержку. Я спросила батюшку, могу ли я в молитвах помянуть его как духовного отца. Он ответил утвердительно.

Мы с сыном жили в очень маленькой комнатке – 8 метров. Она была сырая, холодная. Сын постоянно болел. Здесь же приходилось писать иконы. В Печорах мы познакомились с отцом Таврионом, и батюшка через него часто нас поддерживал и передавал благословения и письма. Я просила батюшкиных молитв об улучшении жилищных условий. Батюшка в ответ прислал письмо:

«Дорогая Лариса!

Божие благословение Вам на начало хлопот по получению квартиры.

Сходите в церковь Воскресения Словущего, что в Неждановском переулке. Там чтимый образ Святителя Спиридона

Тримифунтского – помолитесь и с Божией помощью приступайте к делу.

А. И. <1982 г.>»

Мы успокоились и продолжали молиться святителю Спирidonу. Вскоре на крыше дома случилась авария. Комнату нашу залило так, что жить в ней уже было невозможно. Аварийная служба сделала соответствующее заключение, и мы по милости Божией за батюшкины молитвы и благословение получили прекрасную комнату 25 метров, а через несколько лет и двухкомнатную квартиру.

Однажды батюшка сам мне сказал по поводу выбора моего пути: «Прошло восемь лет со дня расставания с супругом. Все эти годы ты живешь одна. Вернуться? Характеры разные. Как можно соединить несоединимое? В браке необходимо обоим считаться с внутренним устройством другого. Прочитай в требнике чин венчания: “Супруги должны любить друг друга”. А ты его ведь уже не любишь. Это будет грех против Таинства. Брак без взаимопонимания – это тяжелый крест.

Кроме того, родители должны быть образцом для сына. А ведь будет так: отец поведет в одну сторону, мать – в другую. Ребенок будет разрываться. Ты уже прожила восемь тяжелых лет самостоятельной жизни. Учись надеяться на Бога, и Бог никогда не посрамит твоих надежд.

Брак был гражданский, не венчан. Отец дал сыну отцовство и фамилию. Ты фактически не была замужем. Некоторые священники думают: повенчались, начали молиться – и наступил рай. Нет. Такое бывает очень редко.

Будь оставшуюся жизнь благоразумной самарянкой, иди вслед за Господом.

Сможешь ты одна воспитать сына, ведь это очень тяжело?» Я сказала, что смогу только с помощью Божией и прошу Ваших молитв. Батюшка строго меня спросил: «Ну, как ты хочешь жить? Решай!» Я ответила, что решила продолжать жить одна, воспитывать сына и писать иконы. Отец Иоанн немного подумал, помолчал и сказал, крепко сжав мне руку: «Ну что же, это путь для тебя спасительный». Затем благословил меня и стукнул наперсным крестом легонько по голове: «Езжай с Богом, воспитывай сына и пиши иконы».

Я окончила художественный институт и занималась реставрацией. Батюшка благословил меня учиться иконописи. По его молитвам я поступила в Иконописную школу в Троице-Сергиевой лавре. Тогда это была маленькая иконописная мастерская при академии и семинарии (с 1980 по 1984 год).

Какое-то время я писала иконы в Патриарших мастерских. Отец Иоанн очень радовался, что у меня есть официальная работа. Но вот открылся в Москве Данилов монастырь, и мне очень хотелось там потрудиться.

На день чуда Архистратига Михаила в Хонех я приехала в Печоры. Я привезла отцу Иоанну свою первую икону – «Игоровскую» Пресвятую Богородицу и еще «Ярославскую» – в подарок. Батюшка икону «Ярославскую» взял, а «Игоровской» благословил меня и сказал: «Это твой первый писанный образ, пусть он останется с тобой как мое благословение на всю жизнь».

О намерении устроиться в иконописные мастерские в Данилов монастырь (тогда там писал отец Зинон с учениками) батюшка сказал: «Попробуй», – а в конце беседы вдруг добавил: «А реставраторы там не нужны? Было бы хорошо».

Я удивилась, так как реставрацией уже перестала заниматься, и мне очень хотелось писать иконы.

Когда я пришла в Данилов монастырь, иконописцев там оказалось уже много, а реставраторов не было. Казначей монастыря предложил мне к Рождеству отреставрировать пять больших икон на металле в церковь-часовню Серафима Саровского. Это была испытательная работа. С помощью Божией и за батюшкины молитвы я справилась, и меня взяли в штат монастыря реставратором, где я трудилась пять лет в бригаде художника-реставратора Ирины Васильевны Ватагиной. Здесь же мне предложили получить аттестацию реставратора для работы с древними иконами.

Привожу письма, написанные отцом Таврионом по благословению отца Иоанна. <1984 г.>

«Здравствуйте, дорогие П. и Л.

Мы очень рады и благодарим вместе с вами Господа, что он исполнил намерения сердца вашего и определил к послушанию реставратора. Тут следует, конечно, воспользоваться добрым советом о. Евлогия и оформлять паспорт на свои работы. А если где придется дать официальный ответ о месте работы, то надо говорить правду, а если потребуется, то и представить соответствующий документ.

Во-вторых, все мы кружимся в одном и том же вихре земного бытия нашего и ничего не успеваем сделать из того, что должно делать, т. е. каждый день готовить себя к жизни вечной: текучка, неразбериха и т. д., и т. п. Отец Иоанн спрашивал в свое время Старцев, жалуясь на эту же беду, а они, помолчав, сказали: “Мы всё успевали...” Отец Иоанн толкует для

тебя это так, что успеть “всё” – это значит исполнить главное в следующем порядке:

1. Воспитание сына в христианском благочестии и страхе Божиим и подготовка его к школе.

2. Усердный труд на послушании реставратора, который требует от тебя чистоты сердца, ума и жизни.

3. Не в ущерб 1 и 2 и соразмерно со своими душевными и телесными силами принять участие в жизни и потребностях тех, кто обращается к тебе за помощью. Это относится и к Александре, и тем, кто просит свозить в Загорск, и прочим. А когда нет времени и сил, то надо иметь мужество отказать в такой помощи. Но и помогать, и отказывать надо всегда во смирении и самоукорении.

Читая то место послания, где ты сокрушаешься о грехах, отец Иоанн глубоко вздохнул и сказал: “Боже, милостив буди нам, грешным. Как мытарь молился, так и нам надо. Господи, помоги ей”.

Твои намерения посетить <...> похвальны, если ты чувствуешь, что твоя поездка будет полезной для брата и его семьи.

А посетить Печоры на Благовещение, “аще Господь восхощет и живи будем”, то и мы благословляем.

А о том, как поминать усопшего Александра, из беседы с отцом Иоанном ты, Л., поняла правильно и правильно передала это Т.Г. Но здесь есть еще одно обстоятельство, о котором в тот раз ничего не было сказано, а было сказано раньше самой Т. То есть если причиной преждевременной смерти послужило не просто его малодушие, а душевное заболевание, если Т. может быть уверена, что Ал-др совершил этот поступок, будучи в невменяемом состоянии, и если это допускают

Лариса с сыном Петром

лечившие его врачи, то в таком случае ему не вменяется в вину этот роковой шаг и его можно поминать обычным чином.

В утешение Т. отец Иоанн посылает молитву родителей об усопших детях, которую она может читать по душевной потребности, на утреннем или вечернем правиле, но не обязательно каждый день.

Что касается упущения твоего при чтении канона, то мы принимаем это как исповедь, Бог тебя простит, будь мирна и не терзайся напрасно.

Еще отец Иоанн просил передать Т., что кроме молитв за сына она может оказать ему неоценимую помощь, если

будет строить свою жизнь по заповедям Евангелия, которые Господь произнес в Нагорной проповеди [Мф., гл. 5–7], и особенно творить милостыню духовную, т. е. быть милостивой.

А это значит, прежде всего, никого не осуждать и легко от сердца (ради Христа и ради сына) прощать даже тем людям, которые, по нашему мнению, не могут быть прощены, не достойны прощения. Одним этим она может испросить милость и для сына. Это духовная милостыня за него. А телесная – в ее бескорыстной помощи семье о. Олега».

«Дорогая Лариса!

Батюшка шлет Вам с Петей Божие благословение. Он будет молиться, чтобы у Вас было благополучно с аттестацией. А еще он велел Вам отслужить молебен и помолиться у иконы мученика Трифона в церкви, что у Рижского вокзала. И не забывайте обращаться за помощью к своим покровителям Иоанну Богослову, Апостолу и Евангелисту Луке и Алипию, иконописцу Печерскому.

А сбор материала для аттестации не откладывайте, рано или поздно, но с Вас потребуют документ на право работы с древними иконами.

Оставайтесь с Богом.

6 февраля 1985 г.»

По молитвам батюшки я вскоре получила документ на право работы с древними иконами. Отец Иоанн вникал в мою жизнь во всех подробностях. Его отеческая забота вдохновляла жить и трудиться.

Письмо:

«Летние “каникулы”, включая также и июль, отец Иоанн благословил провести в нашем граде, при условии, что это не повредит послушанию реставратора. К тому же надо найти здесь, в городе, приличный приют, т. к. два месяца – срок продолжительный. Если желаете приехать с Галиной, то, в принципе, отец Иоанн не возражает, ибо участие в судьбе ближнего похвально Святым Евангелием. Только надо рассудить, чтоб это участие не поглотило все твои силенки, и тогда вместо помощи будут одни неприятности. Но если вы с Петей приедете в июле и поживете здесь до августа, то вопрос тогда и разрешится окончательно, можно и вызвать и их, а пока, в принципе, Ваше намерение одобряется, а там как Бог даст... *(Галина с сыном так и не приехали.)*

К о. Олегу Ваш визит не могу не приветствовать и призываю Божие благословение на это путешествие. Поздравляю с праздником Святой Троицы. Благодать Святого Духа да будет с Вами.

Грешный игумен Т.»

Летние каникулы по батюшкиному благословению мы провели в Печорах. Чудное время! На Илью Пророка батюшка вернулся из отпуска и служил в Юшково вместе с дьяконом отцом Анатолием и настоятелем храма архимандритом Паисием. Вначале – молебен пророку Илие. Служил батюшка. Затем – исповедь, которую проводил отец Паисий. Он встал на солее перед народом на колени, испросил у всех прощения и начал читать общую исповедь, не вставая с колен. Слезы лились сами собой, вид смиренного старца открывал черствое и ленивое сердце к покаянию.

После службы была батюшкина проповедь. У меня не хватает слов, чтобы ее описать. Он говорил о пророке Божии Илие, какой он был ревностный служитель Божий. Как он страшно тосковал и мучился, когда народ израильский отступил от своего Бога, и недоумевал, почему Бог не поразит нечестивого царя и других отступников.

Господь явился ему и сказал: «Возьму тебя к Себе, так как ты не можешь простить нечестивых. Не увидишь смерти, пока Я не захочу тебя снова вернуть на землю. Ты взойди ко Мне на небо, а Я сойду на землю». Это основная мысль проповеди. Через отца Иоанна понимаешь величайшую любовь Бога к нам, немощным и грешным. Всё живо и ярко, батюшка сам все переживает, и это передается слушающим его. И просыпаются души человеческие. Даже звучание батюшкиного голоса заставляет думать, тормозит сердце: очнись, как ты живешь, почему не видишь вокруг себя бесконечную любовь Божию.

Не понять нам, грешным, Божественные пути и Промысл Божий о каждом человеке. Мы не можем своим умом постичь эти пути. Только личная жизнь и живой пример такого угочника Божия, как отец Иоанн, его беспредельная любовь ко всем, страдание о людях, о судьбах всех, кто к нему обращался, являли через него это Божие промысление о каждом из нас. Он всегда себя умалил и никогда не показывал свою прозорливость, но в нем был Господь, поэтому он знал все, что нужно было нам сказать.

Однажды он говорил проповедь о вере: «Апостол Петр, идя по волнам, усомнился и стал тонуть. Как страшно, если мы усомнимся и Господь оставит нас. Мы мертвы, в нас ничего нет, если нет Бога. Один из иерархов Русской Церкви гово-

рил проповедь и вдруг понял, что Господь оставил его и он ничего не может сказать людям. У него нет ни мыслей, ни слов. Молчание. Тогда он взмолился: “Господи, не остави меня, помилуй мя!” К нему вернулось всё: мысли, слова, – и он понял, как жалки и ничтожны мы без Бога.

Мы должны всегда молиться, и Бог не оставит нас. Мученик Иоанн Воин боролся с собой в темнице: он любил Бога и просил не оставлять его в немощах, так как враг одолевал его плоть, израненную и страдающую, и ему рисовались картины, что все может кончиться! Опять слава, покой, и вот уже в душу его совсем проник ледяной холод, и он возопил: “Я немощный, не оставь меня и спаси Сам, я – ничто!” И Господь укрепил его».

Когда отец Иоанн говорил эту проповедь, то столь сильно была видна его любовь к Богу, его благоговение перед Творцом, что он несколько раз прослезился.

Печоры мы посещали не менее трех раз в год. После проповедей я записывала основные мысли батюшки, а потом их перечитывала. Тогда мало у кого была техника, чтобы записывать на магнитофон, записывали от руки. А тех, кто смог записать, – спаси Господи! – так как сейчас благодаря им мы можем слушать батюшку.

Как тяжело нам, помраченным суетой мира, рассмотреть, что же творится в нашей душе, какой там ледяной холод, какое небрежение к людям. Батюшка будил нас своим словом, заставлял думать и рассуждать. Бывало, когда провинишься, стукнет в сердцах легонько по голове и скажет: «А ты что же думала?!» Он молился о нас, но всегда призывал самих рассуждать. Если мы были самонадеянны, смиренно укорял и с любовью наставлял.

Я застала время, когда отец Иоанн еще исповедовал в храме. Как проникновенно он читал общую исповедь, молился обо всех нас. После исповеди у батюшки я чувствовала себя как ребенок, который выплакал свое горе греховное и на короткое время успокоился.

Праздник Успения в Псково-Печерском монастыре всегда удивителен и неповторим. Отец Иоанн очень уставал за эти дни. Но все равно после Успения, несмотря на свои годы, принимал множество людей. Одни ждали на улице, образуя длинную очередь, которая тянулась до святого колодца. Другие, человек 10–15, – внизу, в маленьком коридорчике. Дышать нечем, духота, как в бане. Очки у батюшки мокрые, и глаз не видно. У всех скорби, всех надо утешить, всем приготовить маленькие гостинцы.

Двенадцать лет подряд я ездила в Печоры на Успение Божией Матери. И почти все годы я наблюдала эту трогательную картину. Пока батюшка мог ходить, он служил, потом всех принимал, всем отвечал, обо всех молился. Так было до 85 лет. Со мной приезжали разные люди, и многие по молитвам отца Иоанна получали исцеления – как физические, так и духовные. Мы уезжали, окрыленные примером старца и желанием исправить свою жизнь. Однажды батюшка сказал толпе народа, которая за ним следовала: «Придут дни, когда я буду вас благословлять из окошка – общим благословением, а лично уже ничего не смогу вам сказать из уст в уста».

Умирал мой отец. У него был инсульт. Его парализовало, он мог только говорить. В детстве он ходил в церковь, затем, в годы советской власти, снял крест. Занимал на работе высокую должность, вступил в партию. Когда в России изменилось

отношение государства к Церкви после 1000-летия Крещения Руси, он часто просил меня прочитать «Отче наш» и плакал. Заходил в церковь, но покаяться не успел. Он жил в другом городе. Когда мне сообщили, что отец в тяжелом состоянии и может умереть в течение недели, я испугалась за его будущую жизнь после смерти и поехала в Печоры одним днем, спросить батюшку, что делать, чтобы затем ехать к отцу.

Служба была в Успенском храме. Я увидела батюшку после литургии. Он вышел из алтаря, я сразу подошла и сказала об отце. Он спросил: «А что же ты здесь делаешь?» Я ответила, что не знаю, что предпринять; можно ли просить, чтобы пришел священник в больницу, исповедал и причастил. Батюшка закрыл глаза и сказал: «Господи, как страшно, вот сейчас душа предстанет перед Богом». Он закрыл глаза и стал молиться. Через несколько минут он достал из своей сумочки антидор и сказал: «Приедешь, дай ему антидор и крещенскую воду. Пригласить священника тебе не дадут, а эта святыня, конечно, не заменит причастия, но если он сможет это проглотить, слава Богу. Пусть кается сам в своих грехах. Господь милостив, Он зрит сердце человеческое. И еще – ты там не хозяйка, поэтому ни на чем не настаивай. Как будет его хоронить твоя мачеха – она много лет с ним прожила, – так пусть и будет». Это было в 10 часов утра.

Приехав в Курск, я узнала от брата, что накануне вечером у отца отказали почки, и началось отравление. Никакие усилия врачей не помогали. Я в это время была в Печорах. А брат утром в тот же день стоял в храме, молился и заказал молебен о здравии. Взяв святую воду, брат пришел к отцу. Отец умирал, кричал, как больно и как страшно. Брат дал ему попить святой

воды. И почки заработали. Отец вскрикнул: «Есть Бог!» Это было по времени в тот самый момент, когда батюшка молился. Когда я приехала, он жил еще два дня. Я читала ему исповедь блаженной Феодоры. Он исповедал и признал свои грехи, громко, на всю палату, молился: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного!» На другой день утром к нему пришли его брат и мать, он попросил у них прощения, и речь у него пропала. Через несколько часов он умер. Я отвезла в Печоры его исповедь и передала отцу Иоанну, на что он мне ответил: «Будем молиться, Бог милостив».

Письмо:

«Дорогие Лариса и Петя!

Божие благословение Вам.

Молились за Вашего папу, а теперь вот и полный отчет у нас о его последних днях. Слава Богу! Господь милостив. Но вот его уход из жизни перед оставшимися жить ставит массу проблем и забот, и немаловажных, которые, как выпускной экзамен, покажут всем присутствующим степень нашей духовной и нравственной зрелости. Умудри тебя Господь, Лариса!

Как тактично и деликатно надо вести себя по отношению к бабушке, мачехе и брату. Как было бы хорошо никого не обидеть в этот момент, чтобы и имя папы не было укоряемо. Ваша мачеха по закону гражданскому осталась совсем бесправна, но 16 лет действительно супружеской жизни разве не есть право на наследство? Вот исходя из этого закона любви и должны вы не обидеть и ее. А потому разделите-ка все наследство на четыре части – действительным наследникам и супруге. Ей, конечно, дом не нужен, у нее есть жилье, а от денег она не откажется».

Как-то я приехала в состоянии уныния. Отец Иоанн, благословляя меня около Успенского храма, строго сказал: «Ты что такое себе позволяешь? Ты такой раньше не была!» И быстро пошел дальше. И этой одной фразой отец Иоанн снял с моей души уныние и дал мир.

На следующий день батюшка принимал в келье. Он светился любовью и заботой. «Всё-то вы плачете. Сколько милости дает Господь! Солнышко светит. Как красиво кругом! Небо какое, оглянись вокруг, природа так и поет! Не надо грустить. Вот у тебя никого нет, родителей нет, умерли рано, родственников тоже нет. Вот тебе в утешение благословлю сейчас две иконы», – и батюшка достал две бумажные иконы (форматом 10 x 15, черно-белые, тогда печатных икон было мало). На одной иконе изображены Матерь Божия с Младенцем на троне, на другой – Спаситель, тоже на троне, живописного изображения. «Вот тебе и папа и мама, к Ним и обращайся. Во всем. Правда, красивые?» Батюшка при этом так радовался и сказал: «Вот теперь тебя и удочерили». По сей день я храню эти иконы как большую святыню, полученную из батюшкиных рук.

С шестилетнего возраста у меня болела щитовидная железа. Я лечилась у разных врачей. Потом на много лет лечение прекратила. Последовало сильное ухудшение. Меня обследовали в эндокринологическом центре, обнаружили два узла и базедову болезнь. Назначили лечение. Симптоматика была тяжелая, сдавливало горло, физические силы меня оставляли, а нужно было работать, воспитывать сына. Я обратилась к гомеопату, назначили курс лечения на шесть месяцев. Через месяц после принятия лекарств я с сыном была у отца Иоанна в келье.

Когда батюшка нас помазывал елеем, сын сказал: «А у мамы болит щитовидная железа». Отец Иоанн сокрушенно закивал головой: «Как же так, как же так? Сейчас мы полечим мамочку святым маслом», – и помазал мне шею. Через пять месяцев я была у врача. Она с удивлением сказала: «Странно, у Вас никаких узлов нет». За такой короткий срок это не могло пройти. Это было чудо исцеления по молитвам старца. Больше это заболевание меня не беспокоит в такой степени, как раньше.

Через какое-то время мне пришлось по просьбе отца Евлогия перейти трудиться в Оптину пустынь. Я просила у батюшки благословения приобрести дом поблизости от монастыря и получила письмо:

«Дорогие о Господе Лариса, Петя!

Божие благословение вам – вымаливать покупку дома так же, как вымаливали квартиру.

Радуюсь за вас.

Храни вас Господь.

А. И. 1990 г.»

В начале устройства Оптиной пустыни отец наместник попал в автокатастрофу. Были смущения среди братии. Я привезла батюшке письмо от братии, а затем отвезла им ответ.

Письмо:

«Дорогая о Господе Лариса!

Божие благословение вашей маленькой семейке – маме и сыну. Благодарим за исполненную миссию. Особенно благодарите от нас отца Ипатия, передав ему просфору и панагию. Благодарим его за любовь. Кратенько на твои вопросы.

1. Вопрос о покупке дома в деревне ли, в Козельске ли, реши сама, и ты знаешь кратчайший путь к урегулированию этих

Литургия на Пасхальной седмице. 1981 г.

проблем – молитва к Святителю Спиридону. Так что молитесь и не спешите, пока не объявится вам нужный вариант. Об отце Евлогии мы молимся. И об обстановке в Оптиной знаем. Тому, кто уполномочил тебя писать об этом, скажи, что надо очень усердно молиться Апостолу Любви Иоанну Богослову – во-первых.

Надо постоянно служить молебам святому старцу Амвросию, а об остальных старцах служить панихиды.

И так с Божией помощью и молитвами покровителей обители дело выровняется.

Разве такое дивное дело может делаться без искушений? – Никак.

И это знать надо и понимать надо. И внимать каждый себе. Враг мутит, пытаюсь обернуть злобу на начальствующих.

Разве не вражье дело – авария, в которую попал отец Евлогий? Вот ведь всеми способами восстает на раба Божиего, ибо дело, которое делается его руками, очень не нравится пакостнику.

Божие благословение тебе.

Храни Господь в здравии и благополучии.

А. И. 89/III».

Через какое-то время, приехав в Печоры, я услышала от батюшки: «Ты что там надумала – виллу себе покупать? А кубышка у тебя есть?» И смеется при этом. Отвечаю, что кубышки нет, придется занять, а потом взять заказ на работу и постепенно расплатиться. «Вот это хорошо, – говорит батюшка, – летом там жить сможете, рядом монастырь, веяние духовное хорошее, очень полезное для сына. Смотри, как он радуется».

Об отце Евлогии батюшка сказал, что таких сейчас мало, что сейчас он потрудится, а потом Господь другое ему приготовит, через год. Так и произошло. Когда батюшка об этом узнал, он опять пошутил: «Все давно уже решено в небесной канцелярии».

Батюшка всегда заботился отечески, как устроится человек в этой жизни. Ведь жить-то надо. Он любил, чтобы все было на своих местах. Он спросил о моей работе реставратора в Оптиной пустыни, постоянно ли я устроилась и все ли у меня там благополучно. Я ответила, что постоянно. На что отец Иоанн ответил: «Ничего нет постоянного, могут быть и изменения». Позже, после перевода отца Евлогия, я стала трудиться в Москве на Оптином подворье.

Найдя по батюшкиному благословению дом близ монастыря, я вдруг получила письмо – срочно оформить все документы на дом.

Письмо:

«Дорогие Лариса, Петя!

Божие благословение вам.

Не унывайте. Продолжайте молиться Святителю Спиридону. А с оформлением дома не откладывайте в долгий ящик. До праздника еще две недели – если будет возможность, на 6-й постарайтесь оформить.

Храни вас Бог.

А. И.» <1989 г.>

Потом я узнала, что были и другие покупатели, и если бы батюшка меня не поторопил, дом бы мне не достался. Поздравляя меня с покупкой дома, батюшка весело сказал: «Там у нас будет скит!»

Мы с братом приехали в Печоры осенью, после праздника Архистратига Михаила. Это была удивительная встреча с батюшкой. Он много нам рассказывал о последних подвижниках благочестия, которых он знал лично: об архимандрите Амвросии (Балабановском), игумене Иоанне (Соколове), архимандрите Серафиме, отце Георгии Косове. Расспрашивал об обретении мощей старца Амвросия. «Все, что остается от человека, предается тлению. В редких случаях тела нетленны. Но это не имеет значения для канонизации, смотрят на жизнь святого. Мощи святителя Николая плавают в мире, а от преподобного Сергия косточки остались, но бесы не выносят и подойти больным мешают».

В Оптиной пустыни не было службы и акафиста иконе «Спорительница хлебов». Батюшка сказал, что у него есть: ему досталось от монахинь из монастыря в 55 км от Орла. Он передал все это наместнику Оптиной пустыни отцу Евлогию. Еще батюшка передал пожелание сделать складень к 100-летию старца Амвросия: Спаситель, «Спорительница хлебов» и преподобный Амвросий.

Затем батюшка обратился к брату: «Где ты живешь?» – «С бабушкой, в доме отца». – «Как бабушка? Вместе ли готовите? Не надоедает ли разговорами *(а в действительности это так и было)*? Я тоже в Москве снимал угол у бабушки, работал бухгалтером и алтарничал в храме. Приду домой, одно желание – почитать, а бабушка: “Как? Что? Когда?” Мне хотелось побыть в тишине, была большая потребность в чтении святых отцов, но приходилось смиряться и выслушивать разговоры хозяйки. Ты живешь в Курске под покровительством преподобного Серафима. Он тебе помогает».

«Сейчас положение в Церкви тяжелое. Кругом не сохраняется целомудрие. Ждут некоторые восьмого Собора. Чтобы разрешили священству второбрачие. Патриарх Пимен мне говорил: “Если на этом Соборе будут постановления, противоречащие предыдущим семи Соборам, то мы вправе молиться, чтобы его не было”».

Мой брат тоже стал обращаться к отцу Иоанну. Батюшка благословил его на клирос. Быть чтецом. В своих письмах он задавал отцу Иоанну волнующие его вопросы и всегда получал на них ответы.

Я получила благословение наместника Оптиной пустыни писать иконостас в скит. Некоторые из братий сомневались, почему в скит иконостас будет писать женщина. Тогда монастырь только устраивался, шел 1990 год. В иконописной мастерской из братии был только тогда иеромонах Ипатий (который как служащий батюшка имел мало времени для писания икон). А срок был небольшой – всего один год. Наверное, поэтому выбор пал на меня, грешную, так как мне до этого приходилось много трудиться на срочных заказах.

Я попросила батюшкиных молитв и втайне думала отказаться от этого заказа. Но отец Иоанн сказал: «Сия есть воля Божия, буди, буди! Все с Божией помощью, раз есть благословение отца наместника». Он крепко прижал мою голову к своей груди и помолился.

Через год я приехала и сказала, что все написала, кроме четырех икон, которые можно написать потом. Состоялось освящение иконостаса. Братия, зная, что отец Иоанн молился о написании икон, в конце службы пропела ему

«Многая лета». Узнав об этом, батюшка сказал: «Успехи в Оптинском скиту надо отнести к Промыслу Божию и молитвам святых старцев. Всем многая лета: устроителям, художникам, но мне не нужно, так как есть епископ, который благословил, есть наместник и потрудившиеся. Меня не нужно было упоминать, это сокровенно должно быть». Батюшка не любил, когда его где-либо подчеркнуто восхваляли. Он всегда отшучивался.

Наместник меня благословил писать икону Святой Троицы. Я приехала к батюшке и сказала, что это очень ответственно, икона большая, храмовая, я прошу его святых молитв. Батюшка сказал: «Акафист не читай. Он богословски сложный, даже священники во время службы не могут все слова держать в уме, не рассеиваясь. Поэтому читай обычное свое правило, молитвы перед написанием образа покровителям иконописцев, тропарь Святой Троице. Затем один день читаешь молитву Отцу, второй день – Сыну, третий – Святому Духу. Все – с благоговением и страхом Божиим».

Эта икона мироточила. Но в этом нет никакой моей заслуги, а только послушание за батюшкины молитвы и за его благословение. Когда я подхожу к этой иконе, сама не понимаю, как могла это все исполнить.

В Печоры мы приезжали всегда на Рождество и Успение, иногда в течение года еще два или три раза. Если отец Иоанн не мог нас принять, он всегда отвечал на наши письма. При мысли, что на земле есть такой человек Божий, все переживания исчезали. Каждая минута общения с батюшкой была бесценно дорога, этим воспоминанием мы жили и сейчас живем, стараясь все сохранить и постараться исполнить.

Письмо:

«Дорогие Лариса и Петенька!

Рады, что вы у нас праздновали велие торжество Рождества Христова. Бог благословит вас на все доброе, а главное – на спокойное перенесение жизненных трудностей работы, учебы и некоторых невзгод. Научит вас Господь жить с постоянной памятью о Боге и верой, что все от Него – и трудности, и горести, и Он наш Помощник и Покровитель всегда и во всем.

На работе будь равна и не спеши с выводами – всех “хороших”, “мнимо хороших” и явно “плохих” принимай за хороших – ибо все весьма относительно, и все мы в немощах, и всем нужно сочувствие и понимание. Все у вас происходящее ни с кем из сотрудников не обсуждай и своего мнения не высказывай ни словом, ни делом, ни отношением. Со всеми будь равной и одинаково доброжелательной.

О вас я молюсь, а жить за вас не могу, трудности жизни тебе, Лариса, придется нести самой. Так и живи: то плачь, то молись, то душой болей, а в конце жизни, глядишь, и радоваться научишься.

Храни вас Господь.

А. И.»

Письмо:

«Христос Воскресе! Дорогие Лариса, Петенька! Божие благословение вам и лучшие пожелания, и, главное, не расслабляться, не капризничать и почаще благодарить Бога и за силу, и за слабость свою – тогда и сила будет умножаться, и слабость истощаться. Живем мы в такое время, когда самое главное – это стремление к сохранению спокойствия духа и надежда на помощь Божию во всем. А ты, Лариса, это всегда забываешь, и результат

такой непамятливости не замедлит сказаться. Дорогая, никто не сможет тебе помочь, если сама ты не будешь трудиться. Жить нам всем приходится самим, и каждому нести свой крест.

Бог благословит сделать попытку договориться, чтобы летом работать надомницей, помолись, попроси мученика Трифона помочь тебе, но прими ответ начальства без ропота, какой бы он ни был. А мы будем молиться.

А работать сейчас стало везде трудно – и в монастыре, и в миру. И ваша обстановка на работе не исключение – везде «давай, давай, давай!», тем более что и год юбилейный. Только помощь Божия нужна в такой обстановке – молитесь.

Божие благословение на всякое благое и на всякое благополучие. Хранит вас Господь, не раскисайте. А. И.

Поздравляю с праздником Жен-мироносиц. Лариса, неси и ты по жизни радость веры и надежды на Господа, и эта надежда не постыдит тебя. 1988 г.».

Письмо:

«Дорогие о Господе Лариса, Петенька!

Батюшка шлет вам Божие благословение, поздравление с грядущим праздником Сретения Господня. Письмо ваше он получил и говорит, что надо было благодарить Господа за все, что есть, ибо во всем этом наука для нас, если внимательны будем.

Просите Господа силу и мудрость изменить в себе то, что должны изменить; терпение в перенесении того, что мы изменить не можем, и еще дара различать первое от второго.

Храни вас Господь.

Ваши родные.

1986 г.».

Письмо:

«Дорогая о Господе Лариса! Божие благословение тебе и Пете.

А недуг в тебе действительно есть, и именно он создает такое паническое отношение к жизни. И недуг этот – отсутствие истинной веры в Промысл Божий и, соответственно, предание себя и всего и всех в руце Божии.

Как спокойно, как хорошо жить именно верующему человеку, он не страшится там «идеже не бе страх», он не страшится за свою жизнь, за жизнь своих близких, за нынешний день и за завтрашний. Утром помолись и попроси у Господа спокойно встречать начинающийся день и все то, что несет он в себе для нас.

С Богом живет верующий весь день, в радости и успехе – радуется, в печали и усталости – не отчаивается, зная, что это крест его сегодняшнего дня, а день-то весь был благословлен Богом. Вот единственно, чем мы можем помочь тебе, – посоветовать и помолиться о тебе, чтобы ты стала истинно верующей.

И еще все это за то происходит, что забываешь Божии благодеяния и не благодаришь за все. Желанная, вымоленная работа, хорошее окружение для воспитания сына, хорошие, Богом данные бытовые условия, – а нам с Ларисой все мало, а нам хочется, чтобы никакая пылинка не омрачала око, никакие, не говорю страдания, а просто невзгоды и мелкие неприятности не раздражали нас.

Дорогая моя, а какой же ценой ты думаешь оплатить множество грехов своих? Милость Божия их, конечно, все может покрыть, но не хочет Он и нас оставлять праздными, но чтобы

и мы посильно трудились и несли свои малые кресты без ропота и с любовью ко Господу.

Божие благословение не капризничать, а жить мужественно с Богом.

А. И.» <1989 г.>

После нескольких дней, проведенных в этом святом месте, вылетая как на крыльях из кельи отца Иоанна, заново рожденные, мы уезжали, чтобы жить дальше. Батюшка бывал суровым и требовательным, хотя в конце беседы все покрывал любовью, а мы старались исправляться. Увидев небольшие наши труды на пути исправления, он радовался за нас, отдавал все силы, наставляя и увещевая, передавая дух любви к Богу. И наши все потухшие чувства начинали оживать после этой встречи, хотелось все время помнить и сохранять тот дух, который нам старался передать отец Иоанн.

Батюшка своим духовным взором видел человека, это ему было открыто Богом, видел прошлое, настоящее и будущее. Но он старался этого не показывать. Говорил всегда прикровенно, любил пошутить. Он очень напоминал старца Амвросия. Он нес подвиг старчества, всех утешал, увещевал и врачевал.

Как-то он принимал в трапезной сразу несколько человек. Тут же разбирал вопросы и сразу же на них отвечал. Казалось, столько надо задать вопросов, столько всего спросить, но в беседе с ним оказывалось, что все могло разрешиться сразу, двумя-тремя фразами, им сказанными.

Батюшка говорил о том, что время сейчас тяжелое (был 1992 год). «Исполнение апокалипсических пророчеств настало. Время открытия семи печатей, но как это будет происходить

и за какое время – одному Богу известно. Что толку, что дали свободы. Все вышло во зло. Было два столпа, на которых держалась Россия: самодержавие, которое искоренили, уничтожили навсегда; теперь осталось православие. И все силы зла были брошены, чтобы уничтожить православие.

Было 1300 монастырей по России, сейчас 150, одно название, вывеска “монастырь”, а духовной жизни там нет, сплошное непослушание. Старцев таких, какие были раньше, нет; и духовных наставников тоже нет. Я себя за старца не считаю, просто старик. Раньше были великие люди, были старцы.

В наше время православие нужно особенно хранить. Сейчас есть молитвенники за весь мир, которые сокрыты от людей, они не будут явлены миру, их знает только один Бог. Есть люди, которые бьют в набат, это старец-митрополит Иоанн (Петербургский и Ладожский) бом-бом, а я только маленький колокольчик – динь-динь!»

Перед этим батюшка принимал 150 человек из города Николаева (которые приехали на автобусах) и всех одарил, обласкал и утешил. После он сказал: «Сейчас голова у многих болит от помыслов. Все помыслы – жить, хранить православие и держаться за него. Земное решать по-земному, а духовное – по-духовному». Нам же с сыном сказал: «Нужно запомнить одно, что Бог – Всё, а мы ничто. Представьте себе небо, звезды, Вселенную. А Бог больше и выше всего этого, а мы по отношению к Нему ничтожные песчинки. Он – Всё, всё – от Него, Им и всё – к Нему, а мы никто и ничто. Вот когда мы свыкнемся с этим научением, не будем о себе много думать, сочтем себя ничем, тогда Бог будет действовать в нас, и мы будем жить и поступать по Его благой Воле».

Казалось, словами невозможно передать, что чувствуешь в эти минуты, только сердце все это помнит и хранит в памяти.

Богослужения, которые возглавлял отец Иоанн, забыть нельзя. Живое, трепетное предстояние перед Богом. Его голова всегда высоко приподнята, устремлена ввысь – так он молился о всех нас, всего себя отдавая этому служению. Беседуя с батюшкой, я всегда осознавала свое недостойство, стыдно было его беспокоить. И теперь не знаешь, как оправдать ту бесконечную милость и любовь, которую дарил всем нам отец Иоанн.

Когда сын оканчивал школу и готовился к поступлению в институт, отец Иоанн на одно из моих писем ответил: «Дорогая моя, жизни учит сама жизнь. Благословение дано, фундамент заложен. А жить надо самим. И ты так делаешь. Так и живи. И поступай, руководствуясь здравым смыслом и Заповедями Божиими, и спасешься».

Присутствие батюшки было и есть всегда. Я всегда обращаюсь к нему, прося его молитвенной помощи и благословения. И я всегда чувствую, что он все знает и молится о нас.

Особенно запомнилась встреча с батюшкой в январе 1994 года. Татьяна Сергеевна позвала нас в келью к батюшке, сказав, что отец Иоанн очень ослаблен, ждет врача. Но о нас сказал: «Проводить их нужно». Войдя в келью, мы положили по три земных поклона и стали ждать батюшку. Через очень короткое время он вошел и, пройдя сразу к иконам, стал молиться Господу, Божией Матери, Архангелу Михаилу, потом молился о сыне, чтобы Господь его оградил, наставил, управил.

Затем он нас благословил и, благословляя, сказал: «Что это вы в трауре, грустные такие? Сейчас грустить нельзя, неделя

по Богоявлению, светоносная, смотрите, как на улице солнышко светит, красота какая!» Затем сказал, чтобы мы приложились к иконам первоверховных апостолов Петра и Павла и всех двенадцати апостолов, затем он помазал нас святым маслом, покропил святой водой.

Все это время он тихо и радостно говорил: «Посмотрите на улицу, какая красота, только воздухом дышать. Я полгода на улице не был и теперь вот болею».

Стал рассказывать о похоронах отца Серафима, после которых он простыл. Все это время его лечили от тяжелой простуды, и только к Крещению он поднялся. «Но последствия есть, все еще болею. Но за все благодарю Бога, что Он поднял меня, чтобы Вас принять. До этого никого не мог принять». Затем усадил на диванчик, одарил подарочками.

«Ну вот, а теперь будем беседовать. Прочитал Ваше письмо от мамы и от сына, там было все в одном письме. Стал размышлять, что ответить, что главное. – Батюшка развел руками. – Ну что может знать старенький ослик? – Взял книгу святителя Феофана Затворника “Мысли на каждый день”. – Она у Вас есть? Подарили? Ну, я Вам обязательно дам. Вчера был вторник, я получил Ваше письмо. Вот слушайте: Неделя 29-я (о слепом). Господь не сразу сделал его зрячим, а постепенно, так и мы во всем прозреваем постепенно, открываются духовные очи. Открывается Промысл Божий о человеке постепенно.

Сейчас ты многое не видишь, – сказал батюшка, обращаясь к сыну. – А в этой жизни все определено для христианина. Пусть это будет твоя настольная книга, ее постоянно читать нужно, каждый день. Ты мне обещаешь это делать? Хорошо.

Если бы мне раньше эта книга попала в руки, то мне ничего бы не было нужно, только читать мысли на Евангелие, которое незримо просвещает человека. – Батюшка очень трогательно держал в руках лупу и продолжал читать. – Теперь сегодняшний день, среда.

Не жалеть себя.

Лицемерие, корыстолюбие.

Свободы до чего довели человека.

Сберегать душу свою – значит жалеть себя, а губить душу свою – не жалеть себя. На земле высшего не ожидай, а на том свете будет. Саможаление – корень всех наших поползновений на грех. Все уже исполнено. Спасителем Евангелие везде проповедано, а мир только разлагается, и искать в нем ничего высшего не нужно. Это приведет только к гибели.

Не стесняйся тем, что скажут или как смотреть на тебя будут: вот он не такой, как все, глупый, не так живет, а ты не смущайся, не обращай внимания, веди себя всегда с достоинством.

Не будь внешним, будь внутренним. Имей страх Божий. Все ведь зависит от воли человека и от его выбора. Захотим – погрузимся во тьму, захотим – будем во свете. Здесь, на земле, мы в тумане, а там будет свет. Теперешнее время нам особенно об этом говорит. Завтра вы будете дома. Вот третий день, четверг.

Начали учиться у отпавшего от Христа Господа Запада и приняли дух его. Вот до чего довели свободы. Россия разлетелась в пух и прах. Мы жили в более тяжелое время, но государство кое-как держалось. Теперь же везде разногласия. И в Церкви время тяжелое, расколы, новое обновленчество. Вот на что сегодня указывает нам Господь.

Ты собираешься поступить на пасторский факультет? А ты знаешь, что это, прежде всего, путь восхождения на Голгофу, на крест, мученический путь, до пролития крови. На этот путь нужно вступать со смирением, а приобретать смиренному-дрие. Мне через год будет 50 лет моего пастырского служения Богу. Какой трудный путь! Ты не думай, что там будет легко учиться. Мне пишут из семинарии и академии, там всякое есть. И тебе надлежит там со всем встретиться и себя сохранить. Тебе прежде всего надо стать точкой, которая как губка впитывает Бога, все только в Боге, и тогда Бог с тобой и в тебе действует Своею благодатью.

Вот вначале каким ты должен стать. В вере надо быть твердым колосом. Есть колос, который и на кафедре может стоять высоко, да только прямо, потому что он пустой, а колос, который склонился от тяжести, полный, этот колос исполнен Духом Божиим. Плод – смирение. Обязательно возьми за правило читать святителя Феофана “Мысли на каждый день”. Ты мне это обещаешь? И чтобы не было – это сейчас, а это потом, когда время будет, времени потом может и не быть, а это вначале самое главное. Исполни, я тебя очень прошу».

Мне было сказано: «Главное – стяжать нищету духовную и привести сына ко спасению во Христе, старайся быть кроткой при полной твердости».

Чем больше говорил батюшка, тем сильнее он как бы наполнялся духом торжества и любви к Богу: «Надо бояться, чтобы не оскорбить Бога ни в чем, имей верность Христу. Самое главное – живая вера в Бога. Имейте милосердие к ближним, всякая праведность с осуждением ближнего – обман».

Провожая нас, он сказал: «Всем сейчас очень тяжело, облегчений не будет, держись, малое стадо! Но у нас должен быть дух несомненной уверенности, что с нами Бог! Бог крепок!.. Властитель мира!.. Бог все победит!.. Бессильно зло, мы вечны – с нами Бог!..»

«Божие благословение Вам. Лариса, молись Господу и на него действительно надейся».

Последние годы батюшка уже никого не мог принимать лично. Но мы продолжали приезжать в монастырь помолиться. Для нас это – земля обетованная. Мы здесь духовно родились молитвами батюшки. Мы передавали письма отцу Иоанну через его келейницу Татьяну Сергеевну, а в день отъезда получали ответ.

В один из приездов в 2003 году отец Иоанн был очень слаб и никого не принимал. В этот раз в письме я задала батюшке вопросы, касающиеся моей внутренней жизни в данный момент и на будущее, так как знала, что потом мне на эти вопросы не сможет ответить никто. Татьяна Сергеевна передала мне ответ батюшки. Все слова, переданные через нее батюшкой, прозвучали так же, как бы их мне сказал сам отец Иоанн.

Какая это была радость и какое утешение – вновь ощутить дух батюшки, его удивительную мудрость и рассуждение. И во все последующие приезды в Печоры мы получали ответы на свои вопросы через Татьяну Сергеевну, несущую послушание у батюшки, и духовная связь не прерывалась.

Отец Иоанн, обладая высочайшим даром смирения и рассуждения, никогда рабски не привязывал к себе человека. Он был проводником к Богу, он мог так поддержать и дать такой

толчок, что в человеке открывались, по его молитве, внутренние духовные дары, данные этому человеку Богом, о которых он и не подозревал. Батюшка указывал путь человеку только по его силам.

Один человек, поставленный отцом Иоанном на путь издания святоотеческих книг, говорил: «Он нас всех родил». Это чувствовали все, кто обращался к батюшке. Он с любовью принимал всех приходящих к нему, а не имея уже сил принимать, отвечал на письма до последнего вздоха своей земной жизни. С глубоким смирением он всегда говорил: «Дорогие мои, мои молитвы вам не помогут без вашего участия. Живите с Богом, любите друг друга, а я всегда молюсь за вас и делаю это исправно».

Высокая нравственная чистота его сердца, быстрая, стремительная отзывчивость ко всем людям всегда будут примером для знающих его, лично или только по письмам.

С нынешним братским духовником архимандритом Таврионом (Баловым)

С владыкой Евсевием и о. Нафанаилом. 2000 г.

Со. Александром (Васильевым). 1998 г.

Успение Пресвятой Богородицы. 2000 г.

Чин о Панагии. 1965 г.

вспоминает

Анастасия Горюнова-Борисова

Одними из первых слов, услышанных мною от батюшки, были: «Для Бога нет чужих, Ему все родные». И это был первый шаг к возрождению (как теперь бы сказали: «реабилитации») хоть и юной, но уже глубоко искалеченной моей души.

Хорошо помню, как первый раз увидела батюшку в марте 1985 года. Впервые приехав в Печоры, прямо с поезда пришла в монастырь. Стою в Успенском соборе перед чудотворной иконой Успения Пресвятой Богородицы. Рядом – случайно встреченный московский знакомый, Игорь Винниченко, которого спрашиваю об отце Иоанне. Говорит в ответ, что батюшка еще не проходил. Стоим. Молитвенная тишина, свя-

щенный полумрак. Стройно и неспешно проходит великопостное богослужение.

– Отец Иоанн идет, – шепчет Игорь.

И я вижу, как батюшка буквально вспархивает по высоким ступеням и, быстрым точным движением сняв клобук, прикладывается к образу Успения. Потом поворачивается к нам.

Кажется, будто в очках его отражается солнечный свет. Откуда? В полутемном уголке храма нет ни одного окна и горит совсем мало свечей. Уже позже я заметила, что такое «отражение» было в стеклах батюшкиных очков всегда, независимо от того, где он находился. Это был внутренний свет.

Смотрю на батюшку заворуженно. Я слышала, что он прорлиивый старец, и приехала, чтобы увидеть его. Но какие представления имели мы тогда о старцах? Старец Зосима из романа «Братья Карамазовы» – единственный образ, который вызывало слово «старец»: конечно, худой строгий аскет. Батюшка был полной противоположностью, и тем ошеломительнее было впечатление. Сияющий любовью и добротой, небольшого росточка, совсем не худой на вид, но, казалось, легкий как пушинка, – он не шел, он летел, будто не касаясь земли.

Меня потянуло к нему как магнитом. Отец Иоанн прошел к мощам преподобномученика Корнилия. Я – за ним. Батюшка приложился к раке, и тут его «поймала» какая-то женщина. Батюшка благословил и заботливо наклонился к ней. Ответив на вопрос, он прошел за ограду солеи и повернулся, чтобы закрыть за собой дверку. Я улучила момент и сложила руки для благословения. Батюшка благословил, и я почувствовала его живую теплую руку в своих вечно ледяных ладонях.

– Батюшка, можно я задам Вам один вопрос? – умоляюще попросила я.

– Ну, что ты, миленькая моя, ведь Великий пост, какие же вопросы? Сейчас нужно молиться...

– Батюшка, ну, пожалуйста. – Я заплакала, удерживая его за руку.

И не столько нужен мне был незамедлительный ответ на вопрос, сколько необходимо было удержать здесь, около себя, это чудо любви, внимания и заботы, что лучились во всем облике отца Иоанна.

– Ну, что там у тебя? – Батюшка склонился ко мне, будто укрывая, окутывая теплом.

– У меня есть друг, верующий, он привел меня к вере. Я думала, мы поженимся, а он хочет идти в монастырь, сюда, в Печоры. – Речь шла о человеке, от которого я и узнала об отце Иоанне, но в тот момент его не было в монастыре.

Батюшка поинтересовался, кто это такой. Я назвала. Батюшка поднял лицо. Он никогда не закатывал глаза, он устремлялся ввысь всем своим существом и стоял так – в молитве. При этом он никуда не уходил от собеседника, он удерживал твою руку своей теплой энергичной рукой и забирал человека с собой, туда, в вездеприсутствие Божие.

Батюшка помолился и медленно спокойно сказал:

– Он еще не определился. Но... молись о нем так: «Господи, укажи ему путь, и меня не забудь».

Батюшка еще раз пожал мою руку и скрылся в алтаре. А я осталась стоять у солеи с сердцем, впервые в жизни согретым теплом не человеческой, а Божией любви, которая столь очевидно сияла в отце Иоанне.

Из батюшкиных слов становилось ясным, что пути у нас с названным мною человеком разные, но осознала я это намного позже. Восемь лет после каждых десяти Иисусовых молитв я в том числе повторяла и благословленную батюшкой молитву, пока дорогой мне человек не принял монашеский постриг. После чего эта молитва как-то сама собой заменилась на другую краткую, но с тем же содержанием: «Скажи мне, Господи, путь в онъже пойду, яко к Тебе, взяв душу мою». Прося Господа указать мне путь, сама я со всей горячностью стремилась к монашеству, но почти двадцать лет спустя после описанного разговора батюшка благословил меня на создание семьи. Такова была воля Божия, и по милости Божией я обрела на этом нелегком пути семейной жизни мир и радость.

А в том же 1985 году, во время ближайших летних каникул – я тогда закончила первый курс института, – приехала в Печоры надолго. Застала еще батюшку в обители, потом он уехал в отпуск, потом вернулся, кажется, к началу Успенского поста.

Я жила в городе без всяких удобств на съемной, как многие тогда, койке в одной комнате с хозяйкой. Но приходила туда только ночевать, потому что весь день трудилась в обители на послушании, а утром и вечером была на богослужении. Весь строй монастырской жизни, удивительный покой, который царил за этими стенами, действовали на душу исцеляюще и умиротворяюще. Москва со своей суетой, скорбями и многмятежностью будто уходила в небытие. Здесь, в Печорах, в этой простой трудовой и молитвенной жизни были солнце, небо, мир, радость, утешение – то, чего совсем не было в Москве.

Отпевание о. Александра (Васильева). 1998 г.

Казалось, нет уже никаких проблем, все просто и ясно. Поэтому я не решалась тревожить батюшку вопросами, подходила к нему под благословение, или любовалась издали, или прислушивалась, стоя неподалеку, когда батюшка беседовал с людьми. Долетали его слова, такие простые и внятные, и оставались в памяти на всю жизнь.

Вот одна женщина уверяет:

– Батюшка, моя соседка на меня колдует.

Надо сказать, очень характерные слова для жительницы Печор того времени.

Батюшка вздыхает, крепко кладет руку на плечо женщине, смотрит глубоко-глубоко (а я подглядываю из-за спин).

– Что же это вокруг Вас все колдуны да бесы? – сокрушенно спрашивает батюшка, потом поднимает лицо и руки к небу. – И только вокруг одного меня – всё ангелы!

Всем присутствующим очевидно, что батюшка их видит.

Другая женщина, приезжая, радостно сообщает:

– Батюшка, а такая-то (*имени не помню*) двух мальчиков-близнецов родила.

– Один – иеромонах, другой – иеродиакон, – тихо говорит батюшка.

Вокруг никого, только я стою и жду благословения. Тогда такое безлюдье вокруг батюшки не было явлением исключительным.

Лицо женщины озаряется лучезарной улыбкой.

– Что, батюшка, можно так и передать?

В глазах отца Иоанна вспыхивают веселые огоньки.

– Так и передай.

И батюшку, и его собеседницу окружал ореол такой радости, что, глядя на них, невозможно было не улыбаться.

Народ в Печорах тогда (да и сейчас) попадался довольно странный, какого больше нигде не увидишь. Запомнилась одна особа женского пола неопределенного возраста, вероятно, не совсем здоровая психически. Простая как ребенок, она, как могла, трудилась на послушаниях за пропитание. Как-то подходит к батюшке и жалуется:

– Батюшка, вот отец N (*называет имя одного монастырского священника*) благословил мою хозяйку, чтобы она меня выгнала. А мне жить-то негде...

– Как это выгнала? – неожиданно в голосе батюшки появляются ноты негодования, меняется выражение лица, оно становится строгим. – Сам бы отец N попробовал пожить без крыши над головой!

Вижу, с какой любовью беседует батюшка с этим человеком, к которому я испытываю разве что не брезгливость. И глубоко-глубоко пронзает меня чувство стыда. Надо сказать, чувство стыда в присутствии батюшки посещало меня в то время довольно часто. Юность (мне было 19), новизна ощущений, еще не забытый мрак жизни без Бога оставляли совесть довольно чуткой. Уже потом, привыкнув к благодати, душа огрубела и потеряла это трепетное чувство.

Прошел праздник Успения Пресвятой Богородицы – такой неповторимый, печорский, с которым невозможно, наверное, сравнить ничто на земле. Но вместе с великой радостью и умиротворенностью этих дней неотвратимо приближался срок моего возвращения в такую нежеланную уже Москву, в наш институт – тогда еще он назывался Всесоюзный государственный институт кинематографии, который все без исключения верующие именовали в то время Содомом.

В голове начали роиться мятежные мысли, толкаться вопросы, на которые, казалось, невозможно найти ответ. Назрела очевидная необходимость обратиться к батюшке. Но подойти к нему я не решалась. В дни праздничного многолюдства было особенно много желающих поговорить с батюшкой, ему буквально не давали прохода. А я уже так привыкла прятаться за чужими спинами, лишь бы только слышать батюшку и видеть, хоть одним глазком.

И тут со всей свойственной ему решительностью в ситуацию вмешался человек, о котором я задала свой первый вопрос батюшке. Тогда он уже жил послушником в Печорах, и между нами по милости Божией сложились теплые, братско-сестринские отношения без всякой примеси страстей. По-человечески это было невозможно, вышеестественно, но так было по милости Божией, и это давало возможность продолжать общение в его уже ко многому обязывающем положении послушника, одетого в подрясник. Единственное, что разговаривали мы на «Вы».

Поведав ему свои внутренние сомнения, услышала в ответ:

– Нужно спросить у отца Иоанна, напишите ему записку. Все по пунктам, с объяснениями, но как можно короче.

– Я как-то не решаюсь беспокоить батюшку, к нему столько людей с такими серьезными вопросами приезжает.

В ответ прозвучало твердое:

– Настя, не смущайтесь, старцы тем и спасаются, что помогают людям, таким как мы. Напишите письмо, а я передам. Прямо сегодня на вечернем богослужении.

Помолилась и написала, с первого раза, ничего не исправляя и не переписывая. Вопрос был один: что делать дальше? Возвращаться в Москву, да еще в наш институт, отсюда, из этого рая на земле, казалось равноценным прыжку из обителей небесных прямо на дно ада. Душа замирала в ужасе и оцепенении, будто стоя на самом краю глубокой пропасти.

Записка моя была отдана отцу Иоанну, и он передал, чтобы на следующий день после обеда я к нему подошла.

В то время батюшка принимал в узком закутке перед кельей отца эконома, отгороженном от общего коридора на

первом этаже. Там стоял диван и стол, в святом углу горела лампадка. После обеда перед заветной дверью в ожидании батюшки толпилось много людей. И вот «летит» отец Иоанн, он именно летел, быстро, но не порывисто, а как-то плавно.

Походку батюшки трудно описать... Он ни на кого не смотрел и в то же время охватывал вниманием всех и каждого. Я стояла в уголке и наблюдала, как люди в непонятной последовательности заходят «на прием» к батюшке, и во всем облике входящих отражается обремененность жизненными невзгодами, подавленность, печаль. Выходят же все из-за заветной двери с лицами, на которых сияет отражение батюшкиного облика с его внутренним светом, радостью, умиротворенностью. Заходят все разными, а выходят похожими.

Как когда-то, намного позже, сказала мне одна женщина, вполне равнодушная к батюшке, – у нее был свой горячо любимый духовник: «Вас, Иоанновских, за версту видно, по лицу узнаешь». Она сказала даже немного раздраженно, а для меня ее слова были огромным утешением!

И почему самые разные люди в общении с батюшкой становились похожими, как близкие родственники? Наверное, потому, что батюшка всей жизнью своей воспринял и доказал, что для «Бога нет чужих, Ему все родные». Для батюшки не существовало в людях ни социальных, ни национальных различий, он не смотрел на испорченность человека, на меру его греховности – хотя для меня несомненно, что батюшке был открыт внутренний мир человека до самых глубин.

Батюшка просто любил, любил в человеке образ Божий, любил, невзирая на лица. И не было для него менее близких, менее дорогих... «Дорогие мои, чадца Божии» – эти батюш-

кины слова от сердца к сердцу всегда и везде были обращены ко всем и каждому.

Неожиданно подошла моя очередь. Я зашла, батюшка встречал меня в дверях. Взяв благословение, я пробормотала:

– Батюшка, Вам мою записку передал послушник (*я назвала имя*).

Обратившись всем существом к иконам, батюшка прочитал молитву Святому Духу. Перед беседой он всегда настолько живо обращался к Богу, что на все время разговора оставлял в собеседнике чувство того, что здесь «Господь невидимо стоит». Это было без всякого пафоса, батюшка вообще всегда был прост и искренен и в обращении к Богу, и в общении с людьми.

Батюшка усадил меня на диван, сам сел рядом и достал из кармана мое письмо.

– Ну, что же, Настенька, что же мы будем делать?

«Мы» – батюшка объединил меня с собой в одно целое, и мгновенно меня покинула вся тревожная озабоченность и смятение помыслов. С первых этих слов я поняла, что этот святой человек (в святости батюшки у меня не было никаких сомнений, ведь видимым образом в нем воплощались слова Христа: «по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь») берет мои тревоги и заботы на себя. Батюшка держал свою руку на моем запястье, временами для вящей убедительности легко похлопывая, и объяснял, что в монастырь нужно идти только с родительским благословением и не раньше двадцати пяти лет.

– Семь раз отмерь, один отрежь, – говорил батюшка. – К двадцати пяти годам и внутренняя, и внешняя жизнь становится более определенной. Человеку легче бывает сделать правиль-

ный выбор. Ведь выбор каждому придется делать самому. Есть два пути: семейный и монашеский – одинаковые для спасения. Но выбор человек делает один раз и навсегда. Не торопись, все определится, когда созреют ум и душа.

Батюшка говорил подробно, я передаю только суть сказанного, что осталось в памяти. Потом он перешел к конкретной ситуации моей учебы в творческом вузе: это был ВГИК (Институт кинематографии), сценарный факультет. Должна сказать, что в то «доперестроечное» время не было ни одного священника и ни одного верующего мирянина, кто, узнав о моей учебе во ВГИКе, не говорил бы, что мне немедленно нужно оттуда бежать. Батюшка же рассуждал о том, что мои родители и даже бабушка – кинематографисты, мой уход из ВГИКа их не только огорчит, но и отвратит от веры и Церкви, поэтому уходить сейчас оттуда никак нельзя, нужно потерпеть и учиться со всем старанием. Видя, как расстроила меня мысль о возвращении во ВГИК, батюшка добавил:

– Только годик, один годик потерпи, а там посмотрим.

«Слава Богу, – подумала я, – один год можно потерпеть, это не все оставшиеся четыре года». И вздохнула с облегчением.

– У меня был родной брат Константин, – продолжал батюшка, – всю жизнь он работал гримером в театре, и все звали его Костенька, Костенька. А был он истинный аскет.

– Любить Бога никакие дела не мешают, – сказал батюшка, заканчивая разговор.

Последние слова прозвучали как откровение. Озадаченная, я думала над ними много лет (позже нашла их у старца Силуана Афонского), пока не поняла, что дела действительно не мешают любить Бога и людей, любить мешают только грехи.

А батюшкиной прозорливости до сих пор удивляюсь: ведь в мои сорок лет почти все коллеги зовут меня Настенька.

Когда я уже собралась уходить, батюшка посмотрел на мою записку и произнес:

– Анастасия Горюнова. Что-то, Настенька, фамилия у тебя какая грустная? А мы тебе другую фамилию дадим... Ты у нас будешь Радостная!

Казалось бы, шутка – и всё. Но так и получилось по батюшкиным молитвам, под его мудрым руководством. Пришла я к нему искалеченной божемной девочкой, страдающей глубокой депрессией. Даже сам батюшка впоследствии, распутывая гордиевы узлы моей жизни, как-то горько пошутил: «Ты как курочка-минорка на длинных ножках, правда, это сейчас модно».

Но постепенно, не сразу, мрак, которым была окутана моя душа, рассеивался. В душу пробивались сначала редкие и одинокие лучи радости, а потом депрессия окончательно отступила. По милости Божией я даже эмоционально забыла это состояние бессмысленности бытия и ничем непреодолимой и необъяснимой терзающей душевной боли. Так сбылось обещание батюшки о перемене моей фамилии.

На следующие зимние каникулы, в начале 1986 года, досрочно сдав сессию, я опять приехала в Печоры. Все так же смотрела на батюшку издали, но уже с твердым намерением попасть к нему «на прием», как все тогда говорили о беседе с батюшкой. Обычно встреча всегда назначалась на день отъезда. Но в тот раз, не помню, как и почему, в числе нескольких человек попала к батюшке в келью – впервые – в какой-то неурочный день. И из той встречи остались в памяти несколько ярких впечатлений.

Один человек с уже проглядывающей сединой просил батюшку благословить его на уход в монастырь, речь шла не о Печорской обители, а о какой-то другой. Хорошо помню, как батюшка процитировал ему слова митрополита Вениамина Петроградского, который позже был причислен к лику новомучеников, о том, что монах очень тонкой нитью связан с земной жизнью. А еще рассказал такую историю:

– Когда я был маленьким мальчиком, помню, у дяди увидел большой журнал и в нем картину: молодая очень красивая монахиня стоит у окна и смотрит на улицу, а под картиной надпись: «Мир манит». И ведь так будет всегда, – закончил батюшка разговор с желающим монашества.

Еще одним человеком, оказавшимся в тот момент в келье у батюшки, была молоденькая девушка из какого-то русского города, кажется, Воронежа. Хорошо помню, что батюшка называл ее Оленька. Из разговора стало понятно, что она полюбила верующего юношу, студента семинарии. А ее папа – крупный партийный начальник – категорически против их брака. Оля горько плакала. А батюшка почему-то радостно улыбался.

– Оленька, Бог благословит, он закончит учебу, и после этого обвенчается. А пока берегите чистоту, супруга будущего священника, да и он сам при вступлении в брак должны быть чистыми, как голубки. – Батюшка помолчал, весь устремившись ввысь в молитве, и добавил еще более весело: – Будешь, будешь митрофорная.

Он ласково похлопал-погладил Олю по темени. Много лет спустя я видела матушку Ольгу, которая приезжала в Печоры со своим супругом, уже митрофорным протоиереем. А тогда девушка Ольга, продолжая горько плакать, возражала:

– Да как же, батюшка, папа меня убьет. Он ни за что не согласится.

– Согласится, – твердо отвечал батюшка, – да еще сам на вашем венчании молиться будет. Поезжай с Богом и ничего не бойся.

Не знаю, сбылось ли это предсказание батюшки об отце Оли, но думаю, что сбылось, как и предсказание о митре для ее будущего мужа.

Какие вопросы задавала я батюшке в тот день, совсем не помню (уже намного позже я стала записывать то, что говорил мне батюшка), помню только, что тогда хотела спросить, как нерассеянно молиться? Молитва давалась мне с большим трудом, всегда загрязняемая помыслами. И вдруг батюшка, предваряя вопрос, поворачивается ко мне и говорит:

– А ты знаешь, как мужик на хилой кобылке ехал через базар? Народу – толпа, не то что проехать, пройти, протиснуться невозможно. А он потихоньку «но» да «но». И проехал. Вот и ты так же, молись, хоть помыслы и толпятся.

К тому времени в Печорах я «обросла» многими знакомыми и среди братии, и среди мирян. Некоторые рассказывали мне о своих духовных отцах, кто-то из братии обращался к отцу Адриану, отчитывавшему бесноватых, кто-то к отцу Серафиму, строгому аскету и почти молчальнику, одним видом своим ярче всяких слов проповедовавшему, каким должен быть монах, кто-то к энциклопедически образованному отцу Нафанаилу, кто-то в Москве имел молодых ярких духовников, таких как отец Димитрий Смирнов или отец Валериан Кречетов.

А я понимала, что единственный человек, которого я хотела бы назвать отцом, это отец Иоанн. Мысль о том, чтобы попро-

сить батюшку взять меня в духовные чада, крепла с каждым днем. Она так меня занимала, что я стала «приставать» ко всем знакомым с вопросом, а что, если попросить отца Иоанна стать моим духовным отцом?

Кто что отвечал, в основном, что батюшка уже никого не берет по своему возрасту. Кто-то говорил, что отец Иоанн – старец, к нему все едут, а духовный отец – это другое, это тот, у кого исповедуешься, с кем рядом живешь. Наконец я задала все тот же вопрос Саше Швецову, будущему иеромонаху Иоасафу, а тогда еще, кажется, только труднику в обители или уже послушнику, но без подрясника. И уже тогда он имел дар разрешать проблемы, упрощая все до самой сути. Он ответил:

– Ну, что ты все ходишь и не поймешь, у кого спрашиваешь? Спроси у самого батюшки, он же здесь, рядом.

Казалось бы – чего проще. Но именно благодаря этому совету я решилась, отбросив всякие сомнения, просить батюшку взять меня под свое руководство.

Тем временем приближался день отъезда. Стояли морозы. Как сейчас помню, подхожу к батюшке в неказистой громоздкой шубе и пуховом платке, из которого почти не видно лица. Мне такая «перевязь» казалась очень «духовной».

– Батюшка, я послезавтра уезжаю, когда к Вам можно подойти?

– Настенька! – Батюшка радостно благословляет (никто так не умел радоваться людям, как он!), думает, потом отвечает: – В день отъезда после литургии зайдешь...

И поправляя на моей голове платок, открывая замотанное лицо, просит:

– Не надо так, не надо. В человеке все должно быть красиво.

К сожалению, осознала я эти слова не сразу. Все годы учебы во ВГИКе проходила, «юродствуя» в одежде и тем привлекая к себе внимание, теща свое самолюбие: смотрите, я не такая, как все!

А тогда все внимание поглотило то, что батюшка благословил прийти после литургии. Обычно москвичам встреча назначалась после обеда перед самым автобусом. Окрыленная, я поспешила на послушание – на кухню.

В день отъезда пришла в назначенное время. Батюшка принимал в закутке перед кельей эконома. Стою, жмусь к стенке около двери. Все существо захвачено одной мыслью-молитвой: «Господи, помоги, чтобы батюшка взял меня в чада». Когда выходит очередной человек, стоящая у двери женщина почему-то подталкивает меня вперед.

– А, Настенька. – Батюшка пропускает меня в закуток, а сам выходит в коридор.

Стою, смотрю на образ в углу. Батюшка возвращается, берет меня за руку, не читает молитву, а молча устремляется ввысь и стоит так. После паузы читает тропарь Успению Пресвятой Богородицы – почему, я поняла позже.

– Ну, что там у тебя? – заботливо спрашивает батюшка.

– Батюшка, возьмите меня в духовные чада! – прошу я, удерживая его руку.

Он смотрит и улыбается, потом молча усаживает меня на диванчик, берет со стола приготовленные для кого-то гостинцы, выглядывает в коридор. Приглашает людей, благословляет, провожает. Принимает других... Я сижу в оцепенении, все вижу и слышу, но ничто не доходит до сознания.

Улучив мгновение, когда мы остаемся одни – батюшка разбирает на столе какие-то очередные гостинцы, прошу снова:

– Батюшка, возьмите меня в духовные чада!

Батюшка бросает на меня быстрый взгляд все с той же веселой улыбкой и, снова ничего не ответив, выходит в коридор. Продолжительное время батюшка опять ведет прием.

И снова, поймав руку батюшки, когда он «пролетал» мимо меня в очередной раз, прошу:

– Батюшка, пожалуйста, возьмите меня в духовные чада!

Батюшка останавливается на мгновение, удерживая свою руку в моей, и говорит:

– А иди к отцу Адриану?

– Батюшка, я не хочу к отцу Адриану, я хочу к Вам! – сказала и заплакала.

А батюшка, как ни в чем не бывало, продолжил прием. Не знаю, сколько времени я просидела, заливаясь слезами. Наконец батюшка, отпустив последних посетителей, сел рядом со мной, перекрестился и уже готов был что-то сказать, как я, ничего не слушая, снова взмолилась:

– Батюшка, ну, пожалуйста, возьмите меня в духовные чада!

На этот раз батюшка посмотрел на меня без тени улыбки, внимательно и строго. Медленно, вопреки обыкновению, встал. Взял со стола единственное, что на нем осталось – большую просфору, поднял меня с дивана и благословил просфорой, медленно, большим крестом:

– Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Чадо мое... – Батюшка добавил еще одно слово, которое по сокровенности его не могу написать и сейчас.

А большая просфора, которую храню по сей день, оказалась с образом Успения Пресвятой Богородицы. Так вот почему батюшка прочитал тропарь этому празднику среди зимы, он сразу знал, чем закончится наша встреча.

В следующий раз собралась ехать в Печоры на майские праздники. Отец Владимир Чувикин, к которому ходила на исповедь в Москве (батюшка говорил: я – стационар, а у каждого из вас должна быть своя поликлиника), строго сдвинул брови:

– Опять в мужской монастырь? Зачем?

– Отец Иоанн взял меня в духовные чада, – робко сообщила я.

– Ну, тогда теперь тебе в Печоры – всегда «зеленый свет», – благословил отец Владимир.

И я поехала. Но вопрос отца Владимира про мужской монастырь не остался праздным. Именно во время того приезда началось одно из очень трудных испытаний, длившееся несколько лет, о котором расскажу отдельно.

Решаюсь рассказать эту историю ради батюшкиного в ней участия, чтобы те, кого постигает подобная беда, может быть, получили пользу. Заранее прошу прощения, если кого-то мой рассказ соблазнит, но надеюсь, что этого не будет по милости Божией.

В тот приезд я попала на послушание к одному молодому иеромонаху. Веселый, жизнерадостный, жизнелюбивый – он был сделан совершенно из другого теста, чем я. Честно говоря, таких людей я до этого встречала часто – все детство свое ездила в пионерский лагерь на Украину, и там были похожие пареньки, но по разности менталитетов и жизненных

устремлений мы с ними никогда не общались. Хорошо помню только кличку, которую они, заигрывая, бросали мне вслед: «Маасква».

И вот почти такой же паренек-подросток из моего детства, только облеченный благодатью священного сана. Прирожденный весельчак и балагур, человек необыкновенной доброты и отзывчивости, он не совсем вписывался в монастырский уклад жизни. Первое чувство, которое я помню в связи с ним, – удивление. Совершенно не отдавая себе отчет, чем это грозит, мы стали общаться.

Продолжилось наше общение, когда я приехала на длинные летние каникулы. Он был прорабом и водителем. Собирал компанию из нескольких человек, неизменно приглашая меня, и вывозил куда-нибудь на природу. Его любовь к природе – храму, созданному Богом, его чувство гармонии окружающего мира оказали очень большое влияние на мою городскую, закованную в бетон, измученную депрессиями душу, которая «не могла и глаз возвести», чтобы увидеть красоту Богом созданного мира. Так или иначе, привязанность к этому человеку незаметно, но глубоко поразила мою душу.

Не знаю, что привлекло его ко мне: совсем невыдающейся внешности, унылая и «заумная», я не могла представлять для него никакого интереса. Тем более в то время в Печорах собрался целый цветник прекрасных девушек-паломниц. Конечно, в силу определенного склада характера он никого не обходил вниманием, но ко мне относился особенно. Думаю, трудно искать в этом какую-то логику, это было просто искушение вражие.

Тем не менее на каком-то этапе наше чувство оказалось взаимным. Осознав это, я бросилась к батюшке, излила ему душу и ждала, что он благословит меня немедленно уезжать. Реакция батюшки была совсем иной.

– Строй стеночку, – спокойно сказал он. – Сам искушен быв, дабы искушаемым помощи. – И, будто укрепляя, похлопал меня по плечу.

– Батюшка, нам, наверное, нельзя общаться? – спросила я.

– Строй стеночку, по кирпичику, по кирпичику.

Изо всех сил стараясь исполнять благословение батюшки, преуспевала я мало. Вернее, совсем никак. Надо уточнить, что мне был тогда 21 год, а ему – 24. Возраст, говорящий сам за себя. Окружающие пытались нас «спасать», мне грозили вечными муками и гнали из Печор, его жалели и пытались отвести от меня. Даже бесноватые набрасывались на нас с обличениями, позоря на весь белый свет. Было очень трудно. Снова подхожу к батюшке:

– Батюшка, благословите уехать.

– А что такое?

– Да вот, все то же с отцом (*называю имя*), и так сердце рывается, еще все говорят: что ты тут делаешь в мужском монастыре?! Монахов соблазняешь?

– А ты им скажи: мать Васса святости достигла в мужском монастыре, – вот и весь батюшкин ответ.

С этим батюшка «упорхнул».

Человек простой и гармоничный, «мой» иеромонах в отличие от меня ничего не надумывал и не драматизировал. Он жил одним днем, легко и радостно, не позволяя себе, в общем, ничего предосудительного, если бы не чувство, которое жило

в нас обоих и становилось видимым невооруженным глазом. Чувство, совершенно не соответствующее нашему положению.

Наконец я убедила, буквально заставила его обратиться к батюшке. И батюшка, захватив из коридора меня, пришел к нему в келью. Поисповедовал нас обоих. Когда батюшка читал ему разрешительную молитву, меня просто пронзили слова: «брата нашего». Ведь он в том же священном сане, что и батюшка, подумала я, и меня охватил ужас.

Потом батюшка усадил нас рядом с собой – по правую и левую руку, и обратился не к нему, а ко мне:

– Настенька, если со священником случится плотское падение, он навсегда лишается сана. Архиерей, конечно, может этот сан вернуть, но Господь-то уже не возвращает. И он будет служить во осуждение.

Каждое слово буквально вонзалось в сердце. Потом батюшка рассказал всю жизнь отца N, разве что не называя дат и мест происшедшего много лет спустя. ореол романтики наших чувств рассеялся для меня окончательно. Не могу сказать, что я тут же освободилась от привязанности, нет. Но она преобразовалась в какую-то нестерпимую боль, от которой хотелось только избавиться, что впоследствии и произошло с Божией помощью.

А тогда батюшка дал отцу N братское целование, благословил меня. И вдруг, уже выходя, задержался на пороге и тихо, но с большой силой произнес, глядя на пол:

– А ты, змей, все равно будешь на брюхе ползать.

В этот момент было такое ощущение, что стены раздвинулись, мы попали в какое-то иное пространство. Еще только один раз (речь об этом впереди) я видела в батюшке такую

же духовную мощь, можно сказать, мощь атланта, держащего над нами небо.

Заканчивалось лето, прошел великий праздник Успения Пресвятой Богородицы. Снова приближалось время возвращения в Москву и в институт. В Москву, домой, на клирос – еще куда ни шло, но во ВГИК – ни за что, думала я. С такими умонастроениями и пришла к батюшке перед отъездом. Отъезжающих было много, батюшка провожал сразу нескольких человек, в том числе и меня, – собирал гостинцы, помазывал маслицем, кропил водой.

– Когда ты к нам теперь? – неожиданно спросил меня батюшка. Никогда ни до, ни после он не задавал мне такого вопроса.

Я сразу поняла, что дело в моем искушении с иеромонахом.

– Когда благословите, – сказала я, ничего не спрашивая.

– Ну, теперь, когда травка зазеленеет и солнышко заблестит.

Я поняла, что приезжать можно только весной. И тем острее зазвучал мой вопрос:

– Батюшка, что же делать, я не могу возвращаться во ВГИК! Может, мне в церковь устроиться работать?

Батюшка посмотрел на меня с сожалением и попросил – да, именно, не сказал, не приказал, не посоветовал, а попросил:

– Настенька, ну еще годик, один годик потерпи, поучись. А там посмотрим.

«Еще год, целый год в этом аду», – подумала я (хотя, в сущности, ничего страшного и сугубо греховного в окружающей меня студенческой жизни не было). Как поняла я позднее, это были греховные помыслы. Но тогда на меня навалилась непроглядная тоска. И только из любви к батюшке, не могу

сказать, что из-за послушания, а именно из любви, я решила терпеть все, что угодно.

– Ты согласна? – спросил батюшка.

– Да, – через силу ответила я.

Предстоящий учебный год оказался трудным. Не только потому, что я не могла поехать в Печоры. Самый трудный третий курс, когда мы писали уже полнометражную экранизацию. Тяжело и, как потом оказалось, смертельно болела бабушка. А особенно – внутренние нестроения, смятение чувств, мятёж мыслей: ведь я занималась творчеством – то, к чему тяготела и стремилась, но мне казалось, что творчество в корне противоречит духовной жизни. И от этого мой внутренний конфликт разгорался с каждым днем.

На ноябрьские праздники обычно много людей ехало на несколько дней из Москвы в Печоры. Не имея благословения приезжать, я передала батюшке письмо со знакомой девушкой Верой Поповой (ныне насельница Пюхтицкого монастыря). В письме кратко изложила свои смятения по поводу творчества. С Верой же через три дня получила от батюшки ответ:

«Дорогая Настя!

Волю Божию можно и нужно выполнять в любом деле и при любых занятиях и на любом месте. Дело не в том, чем мы занимаемся, но как относимся к делу и что для нас главное. Так что не сетуй на творчество, это занятие ничем не хуже всякого другого. Если ты не забываешь, во Имя Кого и во имя чего ты творишь, то и отношение будет разное: одно дело – во славу Божию, проповедовать творчеством и жизнью своей идеи, которые принес Спаситель, другое дело – во славу свою – блеснуть, отличиться. Разбирайся, детка!

Твори во имя любви к людям, ведь это 2-я главнейшая заповедь, и тогда любовь к миру изольется слезами по нему – страдающему, болящему, утратившему главное. Так не сетуй на внешнее, но исповедуй свою немощь, и смирится вознесенная было гордыня. Много надо трудов понести, чтобы строился дом души. Строй, детка. Он не раз еще будет шататься и даже нарушаться, пока созреют ум и душа. Набирайся терпения, чтобы терпеть свои несовершенства. Божие благословение тебе. Храни тебя Господь».

На самом деле, оглядываясь назад, понимаю, что учеба во ВГИКе приносила большую пользу. Да, именно так. Учебный процесс был построен следующим образом: свои работы мы писали в основном дома (кроме так называемых «аудиторных»), а потом приносили на суд однокурсников на занятия по мастерству. Нужно было прочесть работу, выслушать мнения соучеников и – если сможешь – защититься. После пяти лет таких упражнений любая критика в мой адрес теперь мне кажется просто «детским лепетом». Тогда это выглядело эссе-куцией, но оказалось, что профессионализм – плод именно такой школы. Кроме того, это давало и другой бесценный плод – начатки смирения.

Несомненно, батюшка знал, что мне необходимо пройти этот путь, что это воля Божия. Поэтому, протянув так «по годичку», на следующий мой вопль об уходе из ВГИКа уже перед четвертым курсом отец Иоанн развел руками:

– Столько уже проучилась, столько труда! И куда переходить? Высшее образование все равно нужно получить.

– Батюшка, не хочу, хочу в монастырь.

– Что же это, миленькая моя, ты так и будешь – без головы?! И в монастыре безграмотные не нужны. Нет, нет, теперь уж закончи институт. И непременно с красным дипломом!

Делать было нечего, я осталась в институте и по молитвам батюшки действительно закончила его с красным дипломом.

Приезжаю после защиты диплома в Печору с чувством выполненного долга. Привожу отцу Иоанну диплом, как он благословил.

– Вот, батюшка, закончила институт. Теперь благословите в монастырь.

Батюшка берет диплом, внимательно рассматривает, возвращает мне и, весело так поблескивая стеклами очков, говорит:

– Очень хорошо! Ну а теперь – работай по специальности.

– Как по специальности? – едва смогла произнести я.

– Да-да, по специальности. Нужно, чтобы жизнь тебя потолкла. В этой школе ты еще не училась. А терпение и смирение дает только эта школа.

Был 1989 год, пик перестройки, когда мне, как и многим, казалось, что после падения казарменного режима открываются новые радужные перспективы. Возрождались церкви и монастыри, после празднования 1000-летия Крещения Руси множество людей крестились и обращались к церковной жизни. На глазах менялся контингент прихожан: молодежь и люди среднего возраста вытесняли «бабушек». А в искусстве рушились устои былой цензуры, что казалось тогда глотком свободы.

Увы. Жизнь пошла совсем не тем руслом, каким мы ждали. Вседозволенность и бесконтрольность, умноженные на укоренившееся уже в сознании людей абсолютное отсутствие

страха Божия, внесли во все сферы жизни сумятицу и неразбериху, а потом и беспредел.

Кино или умерло, или пошло по пути чудовищного разврата. Мой дипломный сценарий детской тематики, в котором явно проглядывало православное мировоззрение, сразу был куплен центром Ролана Быкова, но так и не был поставлен. Правда, батюшка, когда я рассказала ему о покупке сценария, радостно сказал:

– Когда фильм будет, ты мне билетик-то оставь!

Тогда меня эти батюшкины слова окрылили. На самом деле я очень любила и люблю свою работу. И продолжаю верить, что не зря по батюшкиным молитвам и благословению осталась в своей профессии.

После окончания института несколько лет я работала в документальном кино. Кроме того, помогала отцу Владимиру Чувикину, которого перевели из храма Тихвинской иконы Пресвятой Богородицы, что на ВДНХ, и назначили настоятелем Николо-Перервинского монастыря в Люблино. При необходимости помогала и моему другу, приведшему меня и к вере, и к батюшке, который уже стал иеромонахом в одном из московских монастырей, буду называть его отец Т.

Отец Т. вел обширную издательскую деятельность и первым решил издавать батюшкины проповеди, поручив мне редакторскую работу. Никакого опыта редактирования у меня на тот момент не было, и я по своему разумению, как теперь понимаю, искорежила батюшкин текст. Книга вышла, слава Богу, небольшая по объему и небольшим тиражом. Все, кто знал батюшку и его проповеди, схватились за голову. Схватились за голову и я, но – увы – уже было поздно.

Настя Горюнова с о. Иоанном. 2003 г.

Дальнейшую работу над батюшкиными книгами отец Т. поручил другому человеку, впрочем, не упрекнув меня ни единым словом. Я была в отчаянии, более всего оттого, что вместо всей душой желаемой пользы принесла неисправимый вред тем, кто будет читать книгу. Приехала «с повинной главой» к батюшке, с внутренним недоумением: как же так, ведь всей душой хотела послужить Богу и людям, а вместо этого от меня один вред.

Батюшка встретил меня, как всегда, ласково.

– Батюшка, простите меня, – сразу расплакалась я. И уже было хотела изложить ему суть дела, как батюшка предварил:

– Никакого вреда не будет, – сказал он уверенно. – А опыта набирайся, набирайся, Бог благословит.

Батюшкина прозорливость и кротость сдунули с моей души всю тяготу, как пыль. Я продолжала плакать, но уже слезами облегчения. Этот первый бедовый опыт научил многому. И теперь, работая по благословению батюшки в издательстве «Отчий дом», подготовив к изданию множество книг, в том числе и батюшкиных, сохраняю в сердце живую память о том происшествии. И она помогает не только относиться к текстам, которые попадают в руки, бережно и внимательно, но и не надмеваться успехами.

Подобную боль я испытала много лет спустя, но уже некому было утешить. После кончины батюшки одни малознакомые люди попросили меня написать сценарий для фильма о нем. Исполнила это, насколько могла, тщательно. Но что значит сценарий для документального фильма? Только «повод» для проведения съемок. Поэтому обычно сценарист в документальном кино участвует в монтаже, выстраивая драматургическую канву из отснятого материала, а потом пишет зака-

дровый текст к готовому фильму. Но от этой работы меня полностью отстранили.

Фильм получился не просто плохой, а чудовищный. И, несмотря на все мои протесты, мою фамилию оставили в титрах. Но память об истории с первой книгой батюшкиных проповедей утешила меня и на этот раз. Может быть, этот фильм – просто искушение перед чем-то полезным, как инъекция против самодовольства?

В 1991 году съездила в Германию к моим друзьям, которые ходили в Зарубежную церковь. После поездки была у батюшки и записала такой разговор. Привожу, умышленно ничего не исправляя, чтобы сохранить аромат того времени и живой беседы. В скобках – мои сегодняшние пояснения.

«1991 год, январь

О Зарубежной церкви:

– Я прожил долгую жизнь, я много пережил... Но слава Богу! Мне не нужно каяться в том, что я обманывал, нет, нет. (“Зарубежники” обвиняли батюшку в “ереси Сергианства”, то есть в последовании патриарху Сергию, а “сергианцы”, по их мнению, “обманывали народ Божий”).

Нам с Таней:

– Попомните мои слова, пройдет много лет, меня уже не будет в живых, а вы вспомните, что когда-то слышали: патриарх Сергей еще будет прославлен как святой.

Мы (с Зарубежной церковью) друг другу не еретики, т. к. догматических расхождений у нас нет, и не раскольники, т. к. обрядовых расхождений тоже нет. Все это чистое политиканство, направленное на то, чтобы подорвать Церковь изнутри еще больше.

Это часть (“зарубежники”) восстает на целое (МП), чадо на свою Мать. Хорошо, если мать здоровая, красивая, богатая, а если нищая, истерзанная, больная, даже распутная (шепотом) – но все-таки это мать!»

Здесь я впервые упомянула имя Таня и хотела бы написать несколько строк об этом человеке. Татьяна Сергеевна, или Танечка, как вслед за батюшкой называем ее все мы, – писмоводитель, потом келейница, а в последние годы – «хожалка», помогала батюшке больше двадцати лет. Почти все письма от батюшки написаны ее рукой под диктовку. И мне кажется удивительным Промыслом Божиим, что именно такой человек, конечно, не святой (а где взять святых?), но любящий и верный, оказался рядом с батюшкой на протяжении этих лет.

Татьяна Сергеевна – сама по себе личность удивительная, в ней соединяются, казалось бы, несоединимые черты. Художник, человек творческий и тонкий, понимающий все нюансы внутренней жизни, она в то же время несет в себе качества совершенно другой натуры – целостность (в отличие от творческой раздробленности), сильную волю (у творческих людей обычно воля ослаблена), простоту восприятия жизни (тоже не свойственную творческим натурам). Именно и те и другие качества, мне кажется, поставили Таню так близко к батюшке.

Не в моей компетенции рассуждать на эту тему, но пишу свое мнение, потому что было время, когда и я роптала и была в числе недовольных, не попав к батюшке, и именно по этой причине недовольных Таней бывало много. Но ведь не Татьяна Сергеевна открывала и закрывала вход к батюшке, она только

открывала и закрывала дверь. А все остальное была воля Божия, в чем мне не раз пришлось убедиться.

С 1993 года я стала более или менее последовательно записывать все встречи с батюшкой. Приведу три дневниковые записи, сделанные почти сразу после этих встреч и потому наиболее точно их отражающие.

«9 сентября 1993 г.

Как батюшка внимательно относится ко всем и всему. Для него все – Божие, все дорогое сердцу.

Батюшка благословил ежедневно утром помазываться Святым маслом или (если нельзя из-за нечистоты) просто крестить лоб, глаза, нос, рот, уши – с Иисусовой молитвой, а грудную клетку в области сердца помазывать с молитвой “Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа”. Батюшка говорил, что тогда все “входы” для сил зла будут закрыты. Эта сила устремляется на нас постоянно, но войти не сможет.

В конце разговора я сказала батюшке:

– Батюшка, мы Вас так любим.

– Я вас тоже люблю, – просто ответил батюшка, – в моем сердце для вас места много, надеюсь, что и в вашем для меня найдется уголок.

А потом неожиданно батюшка сказал:

– Везде, где будешь на святых местах, от меня по три поклоника положи».

Впоследствии Господь привел меня на многие святые места, даже до Святой Земли, и везде я старалась исполнить эту батюшкину просьбу, отчего испытывала какую-то особенную радость.

«14 сентября 1993 г.

Батюшка хотел передать отцу Т. буклетик Псково-Печерского монастыря (а у батюшки был всего один экземпляр), и я говорю:

– Батюшка, не надо, я видела такой у него на столе.

А батюшка говорит:

– Да! Чего только у него нет там на столе!

А у о. Т. всегда был на столе большой творческий беспорядок, много лежало книг – изданных и готовящихся к печати. Но батюшка знать этого никак не мог, потому что не то что у о. Т. в кабинете никогда не был, но даже не приезжал в последние годы в Москву».

«16 сентября 1993 г.

Сказали мне, что “батюшка наш старенький, многое забывает”, а это – неправильно. Батюшка очень хорошо все помнит, просто иногда он только телом остается на земле, а душа его предстоит Господу, тогда он действительно забывает все земное.

Вспомнила, что батюшка предупреждал:

– Когда чувствуешь большую благодать, знай, что приближается искушение. И наоборот, после туги обычно приходит отрада».

Благодать я тогда чувствовала действительно великую, и оказалось, что ожидало меня великое искушение.

В 1993 году в кино работы не было. Отец Т. познакомил меня с одним православным молодым человеком, Дмитрием Гливинским, который мечтал создать свою видеостудию. Впоследствии Дима и созданная им студия сыграли в моей

жизни судьбоносную роль. Но тогда все как-то не складывалось, я разуверилась в возможности реализовать эту идею, сказала об этом и Диме (слава Богу, он меня не послушал!) и решила больше не заниматься профессиональной деятельностью.

Я серьезно подумывала, в какой бы монастырь уйти. Тем более и возраст подошел – 27 лет. Да и мама, хоть с болью, но готова была уже согласиться с моим желанием. И здесь происходит непредвиденное. Моему другу, отцу Т., дают новое назначение: возглавить вновь открывающийся монастырь в центре Москвы.

Сохранилась следующая дневниковая запись за октябрь 1993 года:

«Сразу после Русской трагедии 3–4 октября архимандрит Н – наместник монастыря, напал очень сильно на отца Т., настолько, что отец Т. даже поехал в Печоры к батюшке советоваться, что делать.

Батюшка благословил все терпеть и постараться примириться с наместником, но потом вдруг, когда отец Т. сослужил с батюшкой молебен преподобному Сергию (на 8 октября – накануне вечером), вернее акафист, батюшка неожиданно и твердо сказал, что отец Т. должен перейти в братию Псково-Печерского монастыря и открыть в Москве подворье.

Отец Т., потрясенный, сообщил мне благословение батюшки (сам отец Иоанн говорил, что это воля Божия) и добавил: “И Вас батюшка сказал забрать туда (в подворье)”».

Описывая дальнейшие события, умышленно опускаю подробности, стараясь уяснить духовную суть и участие батюшки во всем происшедшем.

Итак, батюшка благословляет иеромонаха Т. принять новое назначение и говорит: «И Настю возьми с собой, вы с ней старые друзья». Конечно, такой поворот событий меня окрылил: все-таки восстановление монастыря – такое великое дело! Значит, прощай, ненавистная светская жизнь! Я иду служить Богу, да еще рядом с человеком, который мне так дорог. Так высоко воспарив, мне предстояло разбиться вдребезги, что всегда случается с воспарившими. И за что нужно благодарить Бога день и ночь – как за спасительное вразумление.

К началу этого периода относится одна обширная дневниковая запись, которую приведу полностью.

«24 ноября 1993 г.

Только что приехала из Печор. Вчера сподобилась быть у батюшки.

Нас было трое – один священник с Украины, о. Владимир (бритый – а я, негодная, его сразу осудила), из Петербурга пожилая женщина (24-го года рождения) и я.

Сначала батюшка, как обычно, когда вошел, помолился “Царю Небесный” и другие тропари: Матери Божией и Святым некоторым, перечислил наши имена – меня, “девицы Анастасии и родительницы Надежды”. Потом батюшка нас помазал святым маслицем – лоб, глаза, уши, нос, рот, шею, руки; а лоб еще помазал дважды – маслицем от Гроба Господня со словами “Радуйся, Живоносный Гробе...” (а окончание не помню) и маслицем от Святителя Николая из Мир Ликийских.

Начал батюшка беседовать с Ольгой Яковлевной, она хотела уйти в монастырь на Карповку, но ее не берут из-за возраста. Батюшка сказал, что в монастырях сейчас нет иде-

альных условий, а при неидеальных “и нам невозможно быть идеальными”.

– Пусть у Вас дома будет свой монастырь – тяжело с невесткой, нужно потерпеть. Вы должны быть железной и золотой, это первое правило для монахов – быть железной в терпении и золотой в смирении, – так говорил батюшка Ольге Яковлевне.

Потом на благословение пришел мальчик, которому на следующий день нужно было уходить в армию. Батюшка просил его (имя мальчика Алексей) всегда помнить Бога и призывать Его на помощь, мысленно ограждаясь крестом.

– Алешенька, я был в пяти тюрьмах, в лагерях, и ничего – в 55-м году вернулся и вот уже сколько служу, – утешал мальчика батюшка. – Чтобы каким мы тебя провожаем, таким ты и вернулся.

Я почему-то не могла смотреть на это без слез.

У меня батюшка спросил:

– А как кино?

– Там уже ничего не будет, наверное, – радостно ответила я.

– Вот и хорошо, – сказал батюшка, – оно отошло, и ты пропой ему “Вечная память”».

Здесь не могу не прокомментировать, насколько часто я слышала в словах батюшки только то, что хотела слышать. Тогда мне так хотелось, чтобы кино умерло (во всяком случае, для меня). Потом, вернувшись по благословению батюшки к профессиональной деятельности, я прочитала эти его слова совсем по-другому. Батюшка не сказал «умерло» или «ушло безвозвратно», он сказал «отошло», а это ведь предполагает, что на время. И пропой ему «вечная память» – это ведь значит вечно помнить и никогда не забывать. Но тогда я решила, что

больше уже никогда не вернусь к своей профессии, а начинаю «по-настоящему духовный путь».

Дальше под тем же числом я записала следующее:

«Пожаловалась я на себя, что много придумываю. А батюшка говорит:

– Есть просто фотография, а у тебя получается художественное фото. Истина сама по себе прекрасна и не нуждается в прикрасах.

Насчет того, чтобы я помогала о. Т., батюшка вдруг сказал “если сможешь”, а потом: “ты ему нужный человек”. Благословил батюшка о. Т. ехать отдыхать в санаторий, чтобы “отключиться от всего”.

– А дела какие-нибудь и ты можешь за него сделать, – сказал батюшка. – Скажи ему: я, может, и не так хорошо, как Вы, а все же сделаю. Чтобы не случилось, как с Валентиной Павловной, которая умерла. Передай ему обязательно такую историю: “Пришел к одному старцу монах и говорит – у меня есть три мысли: я хочу быть пустынником, хочу быть постником, хочу быть затворником. Очень трудно все время среди людей. Старец помолчал, помолился и ответил: ты не станешь пустынником, пока не обуздаешь своего языка, ты не станешь постником, пока не научишься противостоять помыслам, ты не станешь затворником, пока не научишься правильно жить среди людей”.

– Рождественский пост не строгий, пусть там кушает, что дают, а к 20-му вернется, построже попостится. Во время отдыха в среду и пятницу уменьшит пусть порцию, – так благословил батюшка.

О России батюшка сказал:

– Мне 84 года, но такой смуты, как сейчас, за это время не было.

Еще батюшка сказал:

– Благодарному всюду хорошо.

Потом батюшка меня спрашивает:

– Ты не военнообязанная?

– Нет.

– И я тоже. Я – в силу возраста, а ты – своего пола. Но это по-земному, а у Небесного Царя мы состоим в духовном воинстве».

Перечитывая все это сейчас, понимаю, насколько точно знал батюшка все, что должно было случиться в ближайшем будущем. И давал мне «духовную программу». Увы, слушать-то я слушала и даже записала. Но не услышала.

Оказавшись тогда совершенно неожиданно для себя на должности главного бухгалтера монастыря (предварительно закончив бухгалтерские курсы, как благословил батюшка), я с головой ушла в работу. Работа была круглосуточная, до упаду. Это знают те, кому довелось «поднимать» открывающийся храм или монастырь. Трудились все – от настоятеля до водителя. Поначалу помощников было мало, потом коллектив разросся. Всех нас связывала любовь и желание послужить Богу, мы жили не просто одной семьей – одной душой, одним сердцем.

Батюшка проявлял о нашей обители большую заботу. Он пожертвовал в нее часть икон из своей кельи. Приезжая к отцу Иоанну, я видела, насколько значимо было для него все происходящее в нашем монастыре, с каким вниманием он вникает в наши дела. А гордыня подспудно, как смертоносный червь,

подтачивала душу. Подумать только! Какое важное дело, и я к нему причастна. Да еще как!

Я впала в абсолютную эйфорию. Выражаясь современным языком – «крышу снесло». Не знаю, заметно ли это было для окружающих, думаю, что заметно. Во всяком случае, чем дальше – тем больше. И вот, потеряв контроль, я стала постоянно превышать свои полномочия, начала вмешиваться в то, что мне никто не поручал. Обсуждать, осуждать, высказывать недовольство. Наши отношения с отцом Т., естественно, начали портиться. Мы оба пытались их спасти, каждый по-своему, но мудрости не хватало.

Самая большая, я думаю, трудность заключалась в том, что я была совершенно слепа и не видела реальности. Я ждала чего-то одного, получалось другое. И отец Т., естественно, ждал от меня совсем другого, а не того, что я в тот момент (о, ужас!) из себя представляла.

Кроме того, я отвечала за финансы, эта сфера очень зыбкая. Мой страх потерять какую-то монастырскую копейку доходил до мании. А отец Т. – человек широкой души и хозяин в полном смысле слова, конечно, не мог этим не тяготиться.

Так или иначе, пропасть непонимания ширилась. Примешивались обиды и ошибки. Находились и люди, которые, вольно или невольно, играли в этом конфликте некрасивую роль. Все попытки поговорить с отцом Т. откровенно заканчивались неудачей. Да и о чем я могла говорить, будучи, мягко говоря, «не в себе»?

Проплакав как-то целую ночь, утром я поняла, что нужно ехать к батюшке, и немедленно. Иначе прямо с рабочего места

меня увезут в психиатрическую больницу. «Батюшка, конечно, и так все знает, – думала я. – Но, может быть, он мне подскажет, как исправить ситуацию, и если еще не поздно, удержать то, что рушится». И снова я допустила ошибку, не сказав отцу Т., что еду в Печоры. Он, естественно, воспринял это как предательство. Именно так оно и выглядело. Но я по слепоте своей этого не видела.

Приехав к отцу Иоанну, только и смогла произнести:

– Батюшка, отец Т. уже считает меня своим врагом, потому что я вижу, что он Вас не слушается, и говорю ему об этом. Жизнь стала невыносимой. Просто невыносимой.

Даже сейчас, много лет спустя, вспоминая об этом, содрогаюсь. Какое помрачение! Кто поставил меня судить начальствующих? Кто дал мне право вмешиваться в отношения с батюшкой кого бы то ни было, тем более священника, облеченного властью, да еще моего начальника? Эта страшная духовная болезнь гордыни, разросшаяся до невероятных размеров, требовала горького лекарства.

Но батюшка, по глубокому ведению человеческой души, понимая, что мне тогда не понести было никакого обличения, ласково сказал:

– Завтра день жен-мироносиц, ваш день, Настенька (батюшка имел в виду всех православных лиц женского пола). Помолимся, и все решится. Завтра придешь. – Батюшка меня благословил и отпустил.

На следующий день батюшка сказал твердо:

– Тебе нужно уходить. – И добавил причину: – У них там мужской монастырь, ты помогла, сколько могла, а теперь тебе там делать нечего. Только аккуратно сдай все дела, всю

документацию. Не сразу, не вдруг. Чтобы ни одной копейки неучтенной не осталось.

Слова батюшки долетали как сквозь туман. Боль и отчаяние настолько сковали все существо, что я могла только заливаться слезами, уронив лицо в ладони.

И вот какое стечение обстоятельств: вместе со мной в келье батюшки в тот момент оказался сын отца Дамиана (Круглик) Алексей со своей невестой. Они приехали получить благословение на брак. Такое радостное событие, а я тут со своими слезами! Это было ужасно с моей стороны, я это вполне осознавала, но сдержать себя не могла. Не знаю, что подумали обо мне жених и невеста. Думаю, выглядело мое «море слез» в их глазах по меньшей мере странно.

Несомненно, батюшке было открыто истинное положение вещей, но он не высказал мне ни одного упрека, ни одного обличения. «Послужила благому делу, как могла, и хватит, у них там мужской монастырь, и тебе там делать нечего», – несколько раз повторил он.

Мне же казалось, что «мир рухнул». Конечно, не мир, а мои представления о нем. Опять проплакав всю ночь в поезде, к утру я начала осознавать, что, значит, нужно пытаться начать жить заново.

По батюшкиным молитвам боль стала утихать. Постепенно на все внутренние недовольства сложившейся в монастыре ситуацией в сознание стала пробиваться мысль: «Это не мое дело». Потом, когда сознание окончательно прояснилось, я пришла к единственному выводу про «сучок в глазу брата и бревно – в своем».

Насколько виной всему происшедшему были не внешние обстоятельства, а исключительно мое внутреннее состояние, красноречиво говорит тот факт, что отец Т. вовсе не хотел, чтобы я уходила из монастыря. Все это я надумала по гордости, самонадеянности, саможалению.

Много-много лет спустя уже мой муж открыл мне самую простую и такую трудную истину: во всех конфликтных ситуациях нужно жалеть не себя, а пожалеть, прежде всего, другого человека, тогда все нестроения разрешаются. Приходит понимание позиции другого, а с ним и сострадание, в котором не остается места никаким обидам. Но кому-то такое разумение вещей дается изначально, а мне пришлось продираться к этому «через тернии и волчцы».

Семь месяцев после ухода из монастыря я не могла найти работу. Давно забытая депрессия давила меня с новой силой. Заболела я и физически, врачи поставили диагноз – «астенический синдром».

После бурной монастырской деятельности остаться без всякой занятости наедине со своими мрачными мыслями – это было невыносимо. В душе поднимался ропот на «несправедливость» и – страшно признаться – на батюшку. Почему, стараясь слушаться его во всем, я попала в такую «безвыходную» ситуацию? «Собрав себя ложками», потащила в Печоры.

Батюшка встретил, как всегда, с распростертыми объятиями – в прямом смысле слова.

– Настенька! – Батюшка раскинул руки мне навстречу.

– Батюшка, простите меня! – Я бросилась к нему со сразу хлынувшими слезами. – Я на Вас роптала.

– Знаю, всё знаю, – спокойно сказал батюшка. – Молись мученику Трифону и всегда будешь с работой.

Вскоре после этого, 25 октября 1995 года, праздновали батюшкин юбилей – 50-летие священнического служения. Снова поехала в Печоры, на этот раз, чтобы поздравить дорогого батюшку.

Об этой поездке в дневнике сохранилась небольшая запись: «29 октября 1995 г.

Слава Богу, видела батюшку. В беседе он сказал:

– Вся наша жизнь – крест, вот раскинешь руки, и эта линия равна той, что вдоль (росту), и это – крест, а наше – терпение.

– Если видишь, что не в силах что-либо изменить – проходи мимо, если есть смысл вмешаться – говори.

В ответ на мои поздравительные стихи батюшка написал мне стихотворение и дал наставление, чтобы держаться в жизни золотой середины, помнить, что около нас всегда находятся два ангела – один от Бога и один – от искушителя».

Здесь нужно пояснить, что в поздравительной открытке я написала батюшке стихи, вовсе не праздничные, но из глубины души, вполне созвучные моему состоянию в то время.

*Безжалостно маятник времени отсчитывает часы,
Но есть в этой жизни временной безвременные черты –
Среди деловой суеты, мучительной пустоты
Мы помним про образ радости, прощенья и доброты.
Нет сил у души измученной все чувства облечь в слова,
Но славим мы сердцем Господа, покуда душа жива,
И молимся Милосердному, чтоб в здравии Вас хранил,
Чтоб здесь, на земле изгнания, нас кто-то один любил.*

Батюшка ответил. И тоже в стихах:

*Услышите, грешники, глас призыванья,
Дверь милости Спас отворил вам – и Он
Доволен исполнить все ваши желанья;
Никто проходяй не изгонится вон.*

Думаю, комментарии здесь излишни.

Постепенно по батюшкиным молитвам жизнь моя стала выравниваться. Великим постом 1996 года я пришла работать в издательство «Отчий дом», где, слава Богу, проработала 17 лет. Постепенно стало возвращаться в мою жизнь и кино. Познакомилась с режиссером Андреем Судиловским, верующим человеком, точно так же, как и я, увлеченным детской тематикой. Батюшка благословил нас на совместную работу. Мы создали многосерийный детский фильм «Искатели», который сейчас смотрят и пересматривают во многих воскресных школах. Так что с работой моей все наладилось.

Жили мы с мамой в десяти минутах ходьбы от Данилова монастыря. Ходи – молись, потом работай во славу Божию. Что еще нужно? Но духовная брань на земле не может прекратиться, это закон.

Много происходило всяких событий, которые нет смысла пересказывать на этих страницах. Скажу одно: так получалось, что приходилось постоянно общаться со священниками и монахами и претерпевать в этом общении большие искушения. Не могу сказать, что я влюблялась, это было бы ложью. Скорее ничем не занятые чувства просто искали для себя приложения, и я становилась жертвой точно таких же

незанятых чувств, да еще умноженных на искушения, которые создает враг для лиц духовного звания. И, конечно, все это «приносила» батюшке.

– Батюшка, что же это такое? Во мне ведь нет ничего привлекательного, ничем не примечательная внешность, – недоумевала я. – Почему со мной все время что-то подобное происходит?

– Ты – миленькая, вот всем и нравишься, – утешая, ответил батюшка.

В надежде, что кто-то, находящийся в подобных искушениях, получит пользу, приведу несколько выдержек из дневниковых записей о разговорах с батюшкой на эту тему.

«19 сентября 1996 г.

Сегодня приехала из Печор; вчера состоялась встреча с батюшкой. Каждый раз приходится удивляться, насколько живой он человек: сколько интереса к жизни, ко всему происходящему, сколько живой, искренней, бескорыстной заботы о каждой душе человеческой!

И как умеет батюшка рассудить обо всем, никого не осуждая, с полным пониманием всех явлений, милостиво, но справедливо, абсолютно истинно, без всяких смягчений или усугублений, а так, как оно есть. Эта простота и оказывается на деле самой трудной, потому что автор всех на свете искажений – диавол – изо всех сил (а они велики) старается именно замутить истину – то лестью, то клеветой, то лукавой имитацией добра, то явным разрушительным злом.

Я сказала, что боюсь очень плотского падения, особенно с монашествующими. Батюшка сказал, что мы бессильны против этого греха, и нужно только взывать ко Господу и дать

место Духу Святому, чтобы Он Сам побеждал. И победа будет одержана. Но по слову Апостола: “Не распаляйтесь похотью” и “кто храм Божий (т. е. свое тело) растлит, растлит того Бог”, т. е. будет помрачен ум, воля, и весь человек придет в негодность.

– Чувствуй себя совершенно свободной (ото всех), – несколько раз повторил батюшка».

«27 января 1998 г.

Бог дал мне время записать вчерашний разговор с батюшкой. Сколько упустила я по своей беспечности, не записывая каждую беседу нашу!

Господи, благослови.

Батюшка подарил мне сначала коробку конфет с “дедушкой” (Морозом) и сказал, что это он.

Потом батюшка рассказал сон свой. Будто напротив Лазаревского (храма) приземляется вертолет, и из него выходят трое в черных цилиндрах со смоляными лицами и заходят в лазарет. Батюшка не обратил особого внимания на этот сон, а потом к нему прибежал отец П., который лежал в это время в лазарете, и в ужасе рассказал, что бесы за ним приходят. Батюшка объяснил, что враг заставляет нас забывать о нем, а все это давление не от себя, а от врага. (Батюшка не раз говорил, что враг рода человеческого, делая свои дела, больше всего усиливается остаться незамеченным, а потом приходит получить мзду.)

На вопрос отца Н., не уберут ли его с... (определенного послушания), батюшка сказал, что Печорская... (не помню что) заказывает, чтобы он потрудился в... (т. е. остался на своем месте). (Батюшка не сказал прямо: я помолюсь, и его не выгонят, а перевел все в шутку. Смысл же был именно такой, и по

молитвам батюшки отец Н. тогда действительно остался на своем месте.)

Слава Богу, успела рассказать и про взаимоотношения с отцом М. Батюшка запел: “От юности моя мнози борют мя страсти”, а потом еще что-то и закончил: “Помилуй, Господи, меня и М”. Батюшка сказал передать о. Н. и о. М., что они должны быть в молитве – серафимы, в делах – херувимы, что у о. М. везде должны быть глаза, и показал на затылок.

А мне батюшка сказал прибавлять к молитве Оптинских старцев, где “никого не смущая и не огорчая” – слова “не соблазняя и не осуждая”. И прибавил: “Сохрани, Господи, только никого не осуждай – у человека образ Божий, но враг обманывает и помрачает”. А мне еще сказал: “Какие страсти, если тело – это только одежда души, а ведь они *(как я поняла, монахи и священники)* – ангелы”.

Болели ноги у меня все дни в Печорах, и батюшка (хотя я ему ничего не сказала) подарил мне носочки с мощей свв. мчч. Антония, Иоанна и Евстафия, сказал, что для больных ног, велел беречь, потому что “больше не будет”.

А на прощание прочитал тропарь “Утоли моя печали”, который я читала, заливаясь слезами, в Богородичной арке под Никольским храмом, думая, что не увижу батюшку. Он знал...»

Следующая запись тоже содержит ответ на подобный вопрос, но ее приведу полностью, чтобы перейти к другой теме.

«19 сентября 1999 года была у батюшки. Воистину, “где умножается грех, преизобилует благодать”. Именно мне, многогрешной, выпало счастье видеть батюшку и насладиться, и утешиться его любовью, его мудрой и благодатной беседой. Пожалела меня Матерь Божия – Всечестная Игумения

и святой преподобномученик Игумен Корнилий – и пустили меня к батюшке.

Как обычно, наша беседа началась с молитвы “Царю Небесный”, потом батюшка читал тропарь архангелу Михаилу, т. к. в этот день была память Чуда архистратига Михаила, бывшего в Хонех, потом батюшка молился: “Утоли болезни” – тропарь 5-го гласа перед образом Матери Божией “Утоли моя печали”.

И сели беседовать.

Батюшка благословил издание альбома, благословил маму на работу в университете, благословил меня в аспирантуру.

А про машину сказал, что не нужно мне этого, что “машине нужен хозяин”. А “права пусть полежат, пригодятся”. Потом сказал: “Отдай мне права на хранение, пока я не разрешу. Лучше диссертация, чем машина”.

О хождении в храм в нечистоте: в будние дни можно не ходить, а в воскресенье и праздники “стоять вместе с мытарем” и не прикасаться к святыне.

Еще я исповедала свой грех: в ответ на ухаживания за мной одного человека в священном сане временами испытываю плотское волнение. Батюшка говорит: “Береги себя и его”. Нужно молиться, как только приходит помысл, сразу гнать его молитвой.

– Идет битва падших ангелов с падшими людьми, какими мы являемся. И нужно быть готовым в каждую минуту противостоять.

Батюшка рассказал про одного священника, у которого было много детей, что каждый раз перед соитием он надевал епитрахиль и вместе с матушкой молился. И это в законном супружестве!

– Это дано, – добавил батюшка, – не для баловства и похотливого желания.

Батюшка еще и раньше говорил мне, что это таинство зарождения новой жизни.

Еще батюшка подарил мне книгу “Евангельские беседы”, где протолкованы рядовые Евангельские чтения всего года. А я, перепутав ее с книгой святителя Феофана, говорю: “У меня есть, я читаю ее ежедневно”. Батюшка сначала хотел оставить книгу кому-то другому. Но задумался и воскликнул: “У тебя не такая! У тебя начинается с Нового года, а эта со дня Святой Пасхи до Великой Субботы”. А я и не замечала, что моя книга начинается с Нового года – Обрезания Господня, но когда приехала домой, смогла убедиться. Так батюшка по прозорливости увидел мою книгу, она оказалась совсем не та, что я получила в подарок от батюшки.

На все вопросы батюшка отвечал, держа в руках мое письмо, в нем я попросила прощения, что задала много вопросов, которые копились целый год. Прочитав это, батюшка говорит: “За целый год это мало вопросов”.

Перечислила я в письме некоторые свои грехи, и батюшка выявил мои пороки по брошюре о “Семи нечистых духах”, особенно выделив леность и уныние.

Особенно батюшка последнее подчеркнул, похлопал меня по затылку:

– А уж если уныние нас с тобой одолеет, у-у-у!

Еще в письме я написала: “Батюшка, мы с мамой благодарим Вас за всё, особенно за молитвы, и очень Вас любим”. И батюшка отвечает: “А я вас”».

Эта дневниковая запись красноречивее любых описаний

дает понять, что значило для любого человека привезти к батюшке свои вопросы, получить от него ответы и утешиться его беседой. Но годы брали свое, батюшка слабел телом, но, казалось, становился все сильнее духом.

И вот однажды, приехав к батюшке (к сожалению, я не записала ничего об этой встрече, но помню ее отчетливо), узнала, что он после операции на глаз чувствует себя плохо и никого не принимает. Бросилась к чудотворной иконе «Успения»:

– Матерь Божия, помоги! Приведи хоть глазком на батюшку взглянуть.

К мощам преподобномученика Корнилия:

– Святой Игумен, ты здесь хозяин, проводи к батюшке!

Конечно, головой понимала, что батюшка болеет и ему трудно. Но сердце отказывалось смириться с мыслью, что я его не увижу. Шансов тем не менее попасть к батюшке не было никаких. Встречаю Татьяну Сергеевну, ни о чем не прошу, говорю только:

– Батюшке поклон, спасибо ему за все, особенно за молитвы.

И вдруг Таня спрашивает:

– Ты когда уезжаешь?

– Завтра.

– Зайдешь.

На следующий день я была у батюшки. Он слабенький, но встретил меня, как всегда, радостно. Из разговора почти ничего не запомнила, кроме этой радости. Помню только, что несколько раз повторил он слова:

– Здравие души – это мужество и благоразумие, а красота души – это целомудрие и правда.

А еще говорил о себе, страждущем:

– Господь ослика не оставит.

(Эти слова я поняла позже из рассуждений одного молодого иерея о том, что «священник должен чувствовать себя осликом, на котором Господь въезжал в Иерусалим», и главное – «не возомнить, что это тебе кричат “осанна”, подстилают ветви и одежды, но помнить, Кто восседает на тебе и Кому предназначены все эти почести».)

И вот стоим в маленьком коридоре, в который выходят две двери из батюшкиных келеек: батюшка, Таня и я. Батюшка последний раз благословляет меня на дорогу и вдруг как бы немного покачнулся.

Таня взволнованно спрашивает:

– Что, батюшка, голова кружится?

А батюшка ласково так улыбнулся с благодарностью за заботу и положил ей ладонь на плечо. Потом начал молиться молча, весь устремясь ввысь. После чего трижды ободряюще похлопал Таню по плечу и поднял руки к небу, как бы перенося и наше внимание туда, к Богу. Создалось ощущение, что стены раздвинулись, мы попали в какое-то иное пространство. И здесь, как уже было когда-то, я увидела в батюшке, уже таком ослабленном физически, духовную мощь атланта, держащего над нами небо.

В последние годы, когда батюшка болел (телом, но нисколько не духом!), я наезжала нечасто: два-три раза в год. Собственно, вопросов уже никаких не было: внешняя жизнь текла своим устоявшимся руслом, а во внутреннем... следовало бы уже хоть немного исполнять то, что было уяснено под мудрым батюшкиным руководством.

По его благословию я серьезно читала творения святителя Феофана Затворника, читала и перечитывала книги самого батюшки: «Опыт построения исповеди», «Проповеди», «Письма», которые проясняли возникающие недоумения, а серьезных вопросов почти не было. Конечно, к батюшке тянуло по-прежнему – погреться у сияющего пламени его любви. Приезжая в Печоры, неизменно попадала к батюшке – даже просто посидеть у его кровати, когда он болел. Так давал Господь, и как благодарить Его за это – не знаю.

Вообще моя встреча с батюшкой – это очевидный пример того, как возлюбил нас Господь. Ведь если выстроить систему координат, то траектория моей жизни проходила где-то на глубоком минусе, а батюшкина жизнь шла на неизмеримой высоте «земного ангела». Наши пути никак не могли пересечься, если же еще учесть разброс во времени, это встреча была невозможна ни по логике, ни по справедливости, а только по милости. Ибо так возлюбил Бог мир...

Несмотря на то что жизнь моя в те годы была комфортной, заполненной любимой работой, общением с друзьями, свободой часто ходить в храм и читать любимые книги, одна мысль не давала покоя: «Я не несу креста, раз уж мой путь – монашеский, нужно идти в монастырь».

После выхода в свет фотоальбома «Псково-Печерский монастырь» наступило какое-то затишье с работой. Подумав, что это знак свыше, обратилась к батюшке с вопросом, не пора ли мне в монастырь? И 24 сентября, в день празднования преподобного Силуана Афонского, которого особенно почитаю, получила ответ:

«Дорогая Настенька!

Ответ по поводу монашества тебе даст Святитель Феофан. Его книгу “Мудрые советы” я тебе посылаю. Прочитай внимательно страницы с 66-й по 95-ю. В отношении работы – как прежде нас Господь не оставлял, так и ныне. Молись святому мученику Трифону, и все уладится. Не теряй, детка, равновесия. Уже много было в жизни трудных ситуаций, но именно они учат нас и живо обращаться к Богу и святым Его за помощью, и учат видеть эту единственно реальную и властную помощь.

Умудри тебя Господь и укрепи».

На названных батюшкой страницах книги «Мудрые советы» было написано, по сути, следующее: можете уйти в монастырь, а можете замуж выйти, главное – помните Бога, молитесь и ходите в вездеприсутствии Божиим.

29 сентября 1998 года записала в дневнике следующее:

«Ждала с трепетом, что письмо это может перевернуть мою жизнь, готовилась в монастырь. Но Господь устами батюшки изрек о мне иную волю – жить как есть».

Честно говоря, я обрадовалась. В монастырь мне после всего пережитого не очень уже и хотелось, жизнь дома вполне устраивала, но понимание, что монашество без монастыря – очень опасно и спасительно ли – перерастало в убеждение.

К тому времени у меня появился близкий друг – игуменья Евстолия, настоятельница Никольского монастыря в Переславле-Залесском. Человек тонкий, все понимающий, интеллигентный, да еще с которым сложились самые теплые, сердечные отношения. Казалось бы, чего еще желать? Но совесть не давала покоя: разве это монашество – подыскивать себе такое теплое местечко?

Благословение на брак. 2003 г.

Тем временем в издательстве на меня была возложена ответственная работа: написание текста юбилейного альбома к 100-летию прославления преподобного Серафима Саровского. Работая над книгой, я твердо решила, что после ее написания буду проситься у батюшки в монастырь: или в Дивеево, или в Переславль – как ему Господь откроет по молитвам преподобного Серафима.

А жизнь шла своим чередом. Летом 2003 года мы с одноклассниками готовились отметить 20-летие окончания школы. Я обратилась к уже упоминавшемуся Дмитрию Гливинскому, который давно стал директором видеостудии, с просьбой

помочь запечатлеть это событие. Дима согласился, разговорились. Слово за слово, я рассказала о фильме, который очень хотела сделать о старце Паисии Святогорце из уже снятого моими друзьями-греками материала. Дима предложил сделать это в его студии. Именно там я и познакомилась с кинооператором Валентином Борисовым.

Мы учились в одно время во ВГИКе, но никогда до этого не встречались. Человек больших и глубоких знаний, с гармоничным сочетанием технического и творческого начал, Валя пришел к вере через изучение философии. Когда мы познакомились, он уже не сомневался в истинности всего написанного в Евангелии, был хорошо знаком со святоотеческими творениями, например, цитировал книгу Аввы Дорофея, но оставался человеком совершенно нецерковным.

Тем не менее и в духовных (скажем так, мировоззренческих), и в профессиональных вопросах я сразу почувствовала в нем родную душу. Хотелось помочь ему войти в Церковь. Но как? «Слишком хороший человек, порядочный, без вредных привычек, – думала я. – Отъявленным негодяям иногда легче обратиться, просто по желанию вылезти из грязи...» Стала молиться за него как могла.

И вдруг Валя предлагает мне пойти в поход на своей моторной лодке не куда-нибудь, а на Валаам. «Вот, – подумала я, – это шанс подвести его поближе к Церкви, попрошу заехать по пути в Александро-Свирский монастырь, на Валааме помолимся». Взяла благословение, и поехали вдвоем: Валя, его друг Игорь – оба походники с большим стажем, но люди нецерковные, и я – в походе новичок, зато паломник.

Не буду описывать нашу поездку, скажу только, что удивительные чудеса, явные по милости Божией и для моих спутников, сопровождали нас от первого до последнего дня. Конечно, это имело на Валю большое влияние в смысле приближения к Церкви. Но... из похода, пережив в нем и трудности вроде восьмичасового перехода по воде на надувной лодке в шторм, мы приехали влюбленными. В чем я поначалу наотрез отказывалась признаться даже себе самой. Потом, проанализировав все, я впала в панику: «Как теперь объяснить этому золотому человеку, что мы не можем быть вместе, и не оттолкнуть его этим от Церкви?»

Мысль о семейной жизни у меня даже не возникала. На все его вопросы я с упорством, достойным лучшего применения, твердила: «У меня другой путь, понимаешь, я уже много лет стремлюсь к монашеству...» Тут я путалась, не зная, как помягче ему объяснить, чтобы он понял, но не восстал на Церковь. Наконец на прямое предложение соединить с ним свою жизнь я буквально со слезами призналась: «Я не знаю, как тебе объяснить, не знаю. У меня другой путь, батюшка не благословит». И тут Валя со свойственной ему кротостью предложил: «Может, все-таки спросим?»

В очередной раз удивившись его мудрости, я согласилась, и мы написали письмо. Вопрос сформулировали приблизительно так (к сожалению, не смогла найти черновик): «Конечно, уже поздно, ему 44 года, мне – 37, но если бы начать жизнь заново, то мы хотели бы пройти ее вместе».

Передали письмо с моей мамой, которая поехала в Печоры на праздник Успения Пресвятой Богородицы, и получаем через маму ответ: «Божие благословение приехать вдвоем».

Еще мама сказала, что батюшка благословил нас пожениться. Но поскольку никакой мысли о семейном пути для себя я допустить не могла, то подумала, что мама приняла желаемое за действительное и неправильно поняла батюшку. Я же решила: «Слава Богу, батюшка найдет нужные слова объяснить Вале, почему нам нельзя быть вместе. Да одно то, что он увидит батюшку, без сомнения, его воцерковит. Ради одного этого стоит помучиться, любя человека, с которым нельзя соединить свою жизнь».

И вот – мы в Печорах. Подходим к батюшкиной келье, стучим. Выходит Таня и сразу, как обухом по голове, говорит:

– Вообще-то батюшка благословил вас пожениться, но он хочет вас еще лично благословить.

Трудно описать, что я испытала. Это потрясение ни с чем не сравнишь. На самом деле, что испытывает человек, когда полностью рушатся его представления о себе и своей жизни, вынашиваемые восемнадцать лет?

– Все, – сказала я Вале, когда мы отошли от Татьяны Сергеевны, – наш вопрос решен.

Несмотря на потрясение, я сразу после произнесенных Таней слов испытала огромное облегчение. Почувствовала под ногами почву, перестала «парить» и начала трезветь: так вот кто я, оказывается... Валя в отличие от меня Тане не поверил, настолько я его убедила в обратном. Поэтому он сомневался до следующего дня, до встречи с батюшкой.

Эту встречу я записала со всеми подробностями и привожу ее без сокращений.

«5 сентября 2003 г.

Таня сказала подойти к 16 или пораньше, но что в 16 батюшка сказал непременно его будить.

Пришли к батюшкиной келье, Таня наспустила, и буквально через несколько минут дверь открывается. И Таня кричит: “Настя! Помогай!” Идет батюшка, я бросилась к нему навстречу. Батюшка протянул ко мне руки и говорит: “Настенька!” Сели на диванчик.

Батюшка говорит:

– Когда приехала мамочка, Наденька (я ее зову Наденька, Наденька она для меня), и сказала, что вы приедете в этот день и час...

Тут Таня уточнила, что никто не говорил про день и час...

Потом батюшка продолжал:

– Материнское благословение спасает и из пламени огненного, и со дна водного.

– Есть два пути, – это уже мне, взяв меня за запястье, – иноческий путь и путь супружества. Ты выбираешь путь супружества.

– Родительское благословение вы уже получили. А здесь вы получаете духовное благословение.

– Вот, Валентинушка, – к Вале, потом ко мне: – Ему, конечно, все наши православные обряды пока трудно...

– Моего пастырского служения уже 50 лет, и я, когда совершал Таинство венчания, всегда следующие слова просил говорить: “Я, Валентин, беру тебя, Анастасию, в супруги и обещаю тебе любовь и радость...”

Таня:

– Верность!

Батюшка:
– ... до конца земной жизни, – потом мне: – Ты по любви за него идешь?
Я:
– По любви.
Батюшка:
– Я, Анастасия, беру тебя, Валентина, в супруги и обещаю тебе любовь и верность...
Таня:
– И послушание!
Батюшка:
– И послушание до конца земной жизни.
Далее батюшка – Вале:
– Вот, Валентинушка, помни всегда слова Спасителя нашего: “Без Мене не можете творить ничего”.
Это в разных вариантах батюшка повторил несколько раз, сказав как-то в мою сторону:
– Она эти слова знает.
Потом батюшка сказал Вале:
– В первый раз, наверное, такого дедушку видите? Мне уже 90... сколько мне?.. лет, а я люблю жизнь! Потому что с Богом, с Церковью все хорошо. Как говорят: без Бога не до порога, а с Богом!.. Стараюсь по мере сил все исполнять, и вот...
Батюшка благословил нас иконами Спасителя и Божией Матери Казанской, подарил бокалы и бутылку шампанского, чтобы первый тост на свадьбе был “от него”.
Потом батюшка помазал нас маслицем и покропил водой; мы, как и во время благословения, стояли на коленях.

Батюшка спросил:
– А как он? Насчет веры определился?
Я:
– Да, да, он такие истины изрекает, что...
Батюшка радостно засмеялся:
– Значит, ты за него ручаешься?
Я:
– Да.
Батюшка поворачивается к Вале и говорит:
– Как он мне нравится!
Потом Таня говорит:
– Батюшка, провожайте их!
Мы встали, взяли подарки, а Таня (!) останавливает *(я поставила в записях восклицательный знак, потому что Таня, переживая за батюшкино самочувствие, обычно, наоборот, просила людей не задерживаться, а тут сама остановила)*:
– Батюшка, Вы их по отдельности благословили, а теперь вместе благословите.
И дает батюшке крест.
Батюшка благословил нас еще раз крестом «на счастливую супружескую жизнь на многие лета». А потом взял Валю за руки и снова говорит:
– Ну, как он мне нравится!
Потом Таня посадила батюшку на диванчик, мы стали уходить.
Я:
– Батюшка, мы от Вас на крыльях улетаем!

Валя:

– Спасибо, спасибо, здоровья Вам.

Батюшка нам вслед:

– Дай Бог вам здоровья, радости, счастья на многая, многая лета до конца земной жизни! А то, что начинаем мы здесь, на земле, переходит с нами и в Вечность!

Это были последние слова батюшки.

Танечка проводила нас с любовью, трижды поцеловав и меня, и Валу.

(А еще Таня в продолжение беседы улучила момент и сфотографировала нас с батюшкой – лучшего подарка, чем эти фотографии, я не получала за всю свою жизнь.)

Мы ехали до Пскова на маршрутке и почти весь путь видели в небе огромную радугу.

Еще батюшка сказал во время беседы:

– Семья – это основа государства. Потому у нас все такие нестроения в государстве, что разрушена семья. Нужно восстанавливать семью».

Венчались мы 26 октября, на праздник Иверской иконы Божией Матери, именно в этот день, только раньше на 58 лет, батюшка совершал свою первую после рукоположения иерейскую службу.

Сразу после венчания Валина мама (тогда еще некрещеная) подарила мне их семейную реликвию: памятный перстенок 1903 года с праздника прославления преподобного Серафима Саровского, который достался ей от прабабушки. На перстеньке выгравирована надпись: «Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас». Так видимым образом и батюшка Серафим дал благословение на наш брак.

Первый наш ребенок – сын, которого мы назвали в честь преподобного Александра Свирского, родился 11 июля, в день преподобных Сергия и Германа Валаамских, а дочка Галина – 5 марта, в день преподобномученика Корнилия Псково-Печерского.

Из всего описанного видно, с какого «дна» батюшка «вытащил» меня на свет Божий, как мудро и последовательно он учил следовать Божией воле, сам пребывая всегда в послушании Творцу, предстоя Ему с любовью и преданностью.

После батюшкиной кончины жить стало ощутимо труднее, теперь приходится самим нести тяготы, которые большей частью, как духовный атлант, нес за нас батюшка. Но в трудные минуты жизни я как будто снова слышу его радостный голос: «Настенька, миром правит Бог, только Бог, и никто другой!», и Божия любовь, которую он нес в своем сердце ко всем и каждому, снова согревает душу.

Эта любовь выходит за границы земной жизни, она вечная, неизменная и непоколебимая. Та Любовь, для Которой нет чужих, для Которой все родные, и имя этой Любви – Бог.

В 2013 году после тяжелой, но непродолжительной болезни ушла из земной жизни моя мамочка, Надежда Горюнова, Наденька, как звал ее батюшка. Путь мамы к вере – это тоже было чудо батюшкиной любви. Если бы не его участие, вряд ли мама смогла бы воцерковиться с такой глубиной и постоянством. Умерла мама глубоко верующим человеком, сподобившись за три недели смертельной болезни пособороваться и трижды причаститься Святых Христовых Таин. Очень надеюсь, что батюшка встретил ее там...

Слава Богу, мама успела сама написать о батюшке воспоминания.

Пасхальная заутреня. 1999 г.

С владыкой Корнилием и отцом наместником. 2003 г.

Начало Успенской службы. 2000 г.

У келейной плащаницы. Пасха. 2000 г.

Водосвятный молебен. 1980-е гг.

вспоминает

Надежда Горюнова

Каждый день, ежеминутно, ежесекундно благодарю Бога за то, что мне, недостойной даже знать, что бывают такие люди, была дана возможность не только видеть, но и (на протяжении шестнадцати лет) общаться с батюшкой отцом Иоанном.

Он, конечно же, был олицетворением Божественной любви к людям, сосудом для Духа Божьего, небесным человеком и земным ангелом. В 1987 году я впервые приехала в Псково-Печерскую обитель не для того, чтобы помолиться, я была еще не воцерковлена, не за советом к старцу, а из-за своей дочери. За три года до этого ее духовным отцом стал батюшка. По его благословению она довольно часто бывала в монастыре,

проводила там свои каникулы, работая на различных послушаниях. Поскольку монастырь был мужской, я была, мягко говоря, не в восторге от ее местопребывания, но резко не возражала, потому что Настя от отца Иоанна возвращалась всегда с просветленным умом и теплым отношением ко мне.

Ни разу он не дал ей совета, который мог вызвать возражение с моей стороны. Я тогда батюшку еще не знала, но очень уважала. «А Вы почему не едете туда?» – спрашивал меня московский священник отец Владимир Чувикин. «Зачем мне быть в мужском монастыре? Вдруг мне кто-нибудь понравится? А потом меня на костре сожгут, скажут, что через меня соблазн пришел». – «Ну, тогда в женский поезжайте». А я грубо: «А там что я потеряла?!» Одним словом, отцу Владимиру было со мной трудно, я отчаянно сопротивлялась. Он ничего мне не доказывал, зная, что это бесполезно, а только молился.

В церковь я ходила исключительно для того, чтобы контролировать времяпрепровождение Насти. Друзья советовали: «Не беги впереди паровоза», а я оправдывалась, что бегу не впереди, а рядом, чтобы знать, «куда паровоз движется». Пишу я все это для того, чтобы было ясно, с каким настроением впервые встретилась с батюшкой.

С детства я была верующая, потому что меня воспитывала глубоко верующая бабушка. Сколько себя помню, я всегда знала, что Бог есть, верила в Иисуса Христа, считала, что взрослые люди не могут сомневаться в Его существовании, а только скрывают свою веру из-за страха, живя в безбожном обществе. Я тоже не носила крестик, потому что было нельзя, но бабушка мне говорила, что крестик не снаружи, а внутри, главное, своими поступками не обидеть Бога.

Божью помощь я ощущала на протяжении всей жизни, в самых сложных ситуациях обращалась с единственной молитвой, которую мне сказала крестная: «Господи, спаси и помилуй». Была уверена, что помощь придет, и она приходила. Одним словом, я всегда знала, что у меня есть Отец Небесный. Но в церковь не ходила, была два раза – во время отпевания бабушки в 1969 году и в 1970 году (на Западной Украине крестили дочку).

Когда Настя, поступив в институт, по 8 часов в день стала находиться в церкви (читала и пела на клиросе, звонила в колокола; она талантливый человек, и у нее все получалось), естественно, я переживала, часто заходила в церковь, на службах была очень редко. Познакомилась с отцом Владимиром и другими священниками. Но каждый раз, идя по Звездному бульвару, где мы тогда жили, в церковь Тихвинской иконы Божией Матери, что на ВДНХ, я просила Бога только об одном, чтобы мне не стать атеистом из-за всего того, что увижу в церкви, чтобы между Ним и мной не встали люди.

С этой мыслью я оказалась в Печорах. Решила, что подойду к отцу Иоанну поблагодарить его за помощь Насте, за его мудрое руководство, но не более того. Ведь каждый год, если не каждый свой приезд, она выпрашивала благословение уйти в монастырь, а батюшка ее уговаривал, что надо получить специальность и диплом с отличием. Надо отдать должное Насте, как бы ни было ей тяжело, батюшку она слушала всегда, красный диплом был ею получен.

И вот августовский солнечный день. Успенский пост, правда, я его не соблюдаю (привезла из Москвы продукты и съела пока не все). Выхожу из дома, где остановилась, хозяйка

которого ежедневно причитала, что девушкам, приезжающим в монастырь и смущающим монахов, «лучше бы не родиться, лучше бы утопиться», и направляюсь в монастырь.

Спускаюсь по «кроватьной дорожке» и вижу Настю с отцом Иоанном. Он нас обнимает и говорит: «Дочкина мама и мамина дочка». В этих словах заключен весь смысл моей жизни. Но это я поняла потом. Благодарю батюшку за Настю, а он неожиданно спрашивает: «Ты в зеркальце смотришься?» Отвечаю: «Да нет, все больше на ощупь». Отец Иоанн в это время продолжает: «Я тебе духовное зеркальце дам – книжечки, почитаешь. А потом ко мне придешь. А в зеркальце смотреться надо, вдруг воротничок загнется. Ты к нам еще приедешь».

Я не возражала, хотя была уверена, что больше никогда сюда не приеду, так мне все в Печорах не нравилось. Сознание у меня было подростковое, незрелое, хотя к тому времени я успела шестнадцать лет промучиться в браке, была в разводе, и дочери уже исполнилось двадцать лет; но о духовной жизни я не имела ни малейшего представления.

– Вот тебе, Наденька, иконочка Божией Матери «Прибавление ума», – сказал батюшка и подарил небольшую иконку.

Пройдет какое-то время, и после очередного искушения отец Иоанн спросит: «А дарил ли я тебе иконочку Божией Матери “Прибавление ума”?» И я, чуть не плача, отвечу: «Дарили, да ума не прибавляется». Батюшка, утешая: «По капельке, по капельке, не килограммами же, а то и сосуды твои не выдержат. Господь знает, какие сосуды что могут вместить».

К этому времени я уже много раз приезжала в Печоры, чаще всего попадала к батюшке, а когда не попадала, хоть и огорчалась, но мне было радостно вместе с ним быть в храме на

Отец Иоанн возглавляет литургию в Сретенском храме. 1974 г.

службе, увидеть его хоть одним глазком. Самые счастливые минуты моей жизни: на литургии батюшка молится в алтаре, а я стою у солеи, близко к батюшке, молюсь, как могу, и благодарю Господа.

Как-то стояла на Всенощной, отец Иоанн подошел ко мне с кадилом и, зная, что я расстроилась, что не попала к нему, прислонился ко мне и, стоя так, покадил стоящих рядом людей.

26 октября 1993 года. Буквально первые слова, обращенные ко мне батюшкой: «На Иерусалимскую икону меня рукоположили в священники – 48 лет, а 13–14 января будет 49 лет моему диаконству». Откуда мог знать отец Иоанн, что за полчаса до этого я перепутала и сказала одной паломнице, что первая дата связана с рукоположением во диакона?

С о. Филаретом (Кольцовым). 1999 г.

Батюшка, конечно же, был прозорливым, но всегда это скрывал. Однажды приехала в Печоры, устроилась в гостиницу, легла спать. Думаю, отдохну с дороги, а к келье подойду перед Всенощной. Постучала, Таня, увидев меня, аж вскрикнула: «А, это ты? А батюшка с утра говорит: “Где же Наденька?” А я – ему: “Какая еще Наденька?” Оказывается, это ты приехала!»

...«Ты ведь боишься холодной воды?» Я хотела схитрить и отпила из чаши много воды, чтобы поменьше осталось вылить за пазуху (обычно батюшка сначала кропил нас святой водой, потом давал попить из чаши, а что оставалось, выливал за пазуху). Но батюшка сразу понял, долил в чашу воду и вылил мне ее всю, обличая меня. Я, конечно, вскрикнула и в тот момент осознала, насколько плохо работаю над собой.

Батюшка занят с посетителями, я стою в коридоре, он выносит мне маленький бархатный стульчик: «Что же ты это, Валечка – тогда еще ему помогала и Валентина, – заставляешь ее стоять?» И обращаясь ко мне: «Это тебе, Наденька, епитимия, а то не хотела верить, что я занят...» И при этом так тепло благословил.

Столько любви! Это был первый и последний раз, когда я решила во что бы то ни стало попасть к батюшке, настояла на своем, не уехала. Валя говорит: «Ворота закроют», а батюшка: «А ты нас не пугай, успеем».

В январе 1995 года привезла батюшке от Насти письма. До отъезда высказала Насте свою обиду, что она их заклеила – мне не доверяет. Все, что батюшка передавал со мной в Москву, он сначала мне читал, а потом заклеивал конверты, давая понять, что от него ничто не сокрыто.

Когда мы нашли обмен квартиры, то не знали, ехать ли на первый этаж. Батюшка сразу сказал: «Вы же будете не одни, рядом соседи». И действительно, рядом оказались хорошие люди, много мужчин.

В другой раз спрашивает: «Ты кого учишь? Режиссеров телевидения? О! А Таня мне говорит, что у тебя курсы катехизации». Таня возражает, от неожиданности даже сразу слов не может найти: «Батюшка, да когда я такое говорила?!» А я действительно на занятиях, рассказывая о художественно-выразительных средствах экрана, нет-нет и вставляла несколько слов об ответственности человека за свои поступки перед Богом, о смысле жизни.

Батюшка не отрицал телевидение, экранное искусство. Вспоминал, как, когда он был маленьким, в церкви показы-

вали детям туманные картины, которые производили сильное впечатление.

Для отца Иоанна не было мелочей. Ко всему он относился предельно внимательно, всегда был сосредоточен, никогда не суетился.

На полном серьезе батюшка убеждал меня, что кроме флирта (мне казалось, что жизнь потеряет смысл, если мне не будет никто нравиться) в окружающем мире много интересного, красивого, прекрасного. Он не осуждал, не презирал глупость, а сочувствовал и любил.

До работы в институте мне приходилось писать сценарии учебных фильмов по заказу различных министерств и ведомств. На вопрос отца Иоанна, над чем работаю сейчас, отвечаю: сценарий «Мужские стрижки и прически».

Для батюшки не было ничего малозначительного: «Прически нужны. Стиляга – плохо, а красивая стрижка – хорошо. Раньше у девочки – распущенные волосы, у девицы – коса, у женщины – пучок, вот здесь, постучал меня по затылку. И у каждого свое обаяние. А сейчас постригут все челки, как у лошадей».

Хотя у меня в то время была челка, я подумала, что это ко мне не относится, так как я не спрашивала ничего о своей стрижке. Но когда я приехала домой, то так стал чесаться лоб, что больше с челкой я уже никогда не ходила.

При мне говорит мальчику: «Теперь ты уже отрок. Бегал жеребеночком, а теперь надо тебе иметь красивую серебристую сбрую. Должно быть соответствующее образование, воспитание и поведение». Эти слова относились и ко мне. Батюшка как бы иносказательно обличал. Я, несмотря на свой возраст, ощущала себя

жеребеночком и вела, да и до сих пор веду себя соответственно. Инфантильность, непосредственность, несдержанность в поведении не соотнобразуются с образованием и возрастом. Недостатки воспитания, а также ограниченность ума и сегодня, к сожалению, налицо, несмотря на звание и положение в обществе.

Когда встал вопрос о решетках на окна, батюшка рассказал, как он до революции, еще мальчиком, жил на даче у архиерея, какие там были раздвижные жалюзи. «Стационарные решетки Насте нельзя, она человек творческий, будет ощущать себя как в тюрьме». Он не стал обижать меня и не сказал, что при моем отсутствии терпения я от стационарных решеток прежде Насти полезу на стену. Это стало ясно потом.

Враг рода человеческого не дремлет, да и мы в духовной брани не самые сильные воины. Один иеромонах как-то мне говорит о девушке: «Она мне такое сказала, что я почувствовал себя рогоносцем». Я возражаю: «Вы дали монашеские обеты, в том числе целомудрия. У Вас не могут вырасти рога, а только хвост и копыта». Но быть остроумной легко, пока тебя это не касается.

Конечно же, прошло совсем немного времени с моего первого посещения монастыря, и то, чего я боялась, случилось. Мне до умопомрачения понравился один священномонах. Это ведь – миг, и ты уже не свободен, не властен над своими чувствами. Для отца Иоанна ничто не могло пройти незамеченным, он сразу все понял: «О чем же вы беседовали?» Отвечаю: «О видеопособии по Закону Божьему, по поводу слайд-фильмов о ветхозаветной и новозаветной истории...» Батюшка одобрительно кивает, снова вспоминает о туманных картинах, которые видел в детстве.

И вдруг, якобы ни с того ни с сего, рассказывает притчу. Нас в келье было человек пять, но никто ее не запомнил, потому что рассказана она была мне. «На том свете в царской короне сидит сатана и слушает доклады бесов об их деяниях. Один сообщает, что заставил мужа убить жену, другой подтолкнул кого-то на кражу, третий уговорил предать друга. Люцифер одобрительно кивает.

И вдруг прибегает бесенок, весь выбившийся из сил, еле живой, бледный и говорит: 30 лет я склонял монаха вступить в близкие отношения с женщиной, и сегодня он пал. Люцифер снимает с головы корону и отдает ему».

Не могу сказать, что я почувствовала в этот момент, судорожно стала считать в уме, сколько времени прошло после пострига (где-то 15 лет), убедилась, что это не про нас, и немного успокоилась. Спустя некоторое время в какой-то книге наткнулась на эту притчу, там было указано 15 лет. Батюшка просто меня пожалел, иначе мог бы случиться обморок.

«Отец Иоанн сказал Вам, чтобы Вы держались от меня подальше?» – был задан мне вопрос тем священномонахом. «Нет, он просто рассказал мне притчу». У нас не было времени продолжать беседу, и я текст отправила по почте. Сознательно никто не хочет гибели своей души. И вот уже с амвона, далеко от Печор, совсем в другом городе, на проповеди звучат слова этого священнослужителя: «Если мы любим, то должны молиться друг за друга, а не искушать».

Как-то зашел разговор о фильме, повествующем о различных образах Божией Матери. Батюшка говорит: «Пресвятая Богородица одна, а ее образов много. Вот Надежда одна, а фотографий в альбоме много».

1993 год. Приехали с Александрой и ее дочерью Анной. Привезли весть о кончине Галины Викторовны (ровесница батюшки, одна из первых и самых близких его духовных чад). Сидим в келье. Входит своей легкой бесшумной походкой (ощущение, что он не касается земли) батюшка.

Прочитал молитвы, помолился о упокоении девицы Галины, помазал нас от мирооточивых глав из Киево-Печерской лавры, окропил святой водой, сел на диванчик и нас усадил: «А теперь можно поговорить. Как Настя?» Я отвечаю: «Работает». – «А ты, Наденька?» – «Работаю». – «А ты, Александрюшка?» Отвечает: «Работаю». Отец Иоанн: «Вот и я работаю с 5 утра до 12 ночи...» «Галина Викторовна закончила свой земной путь. Слава Богу! Ведь она жила одна, а у всех свои дела и заботы. Значит, умирать мы не собирались *(я пересказала батюшке слова Галины Викторовны о том, что она купила на зиму макароны, хоть и дорого, но деньги ведь есть не будешь)*. Человек рождается три раза: рождение, крещение и смерть – рождение в жизнь вечную».

В разные годы записывала за батюшкой отдельные высказывания:

«Основная беда в наше время, что люди не имеют страха Божьего и совести».

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» *(Евангелие от Марка, гл. 8, п. 37)*

«Две пчелки» *(про Настю и меня)*.

«Сначала подумаем, потом ответим».

«Главное – бесстрастие».

«Так ведь не обстоятельства к нам приспособливаются, а мы к ним».

«Дорогой батюшка. Теперь точно дорогой. Только дорога в один конец сколько стоит. И за чай в поезде дорого платить. Лучше нищему батон хлеба купить, так он хоть день сыт будет».

«Живу посреди Сорочинской ярмарки. Все кругом продают и покупают».

«Сейчас игрушки, куклы страшные, а дети должны красоту видеть, возвышенное».

«Отца Р. и Георгия *(люди, с которыми были искушения)* водрузили на прежние места. Занесу в синодик. Дело закроем. Суд не нужен».

«Надо уметь за себя постоять. Нельзя быть как горох при дороге – каждый, кто ни идет, тот и щиплет».

«Чувство меры должно быть везде, особенно в распределении труда и отдыха. Конечно, бывают отдельные дни, но отдых обязателен, а то подорвет здоровье, и кому будет нужна. Она одна ведь там такая. Говорят, незаменимых людей нет, но каждый человек на своем месте незаменим. Преподобный Серафим говорит, что спать надо часов 6, лучше 7, если ночью не получилось, днем доспать. Это минимум. Во всем должно быть чувство меры. Столько материала надо на рясу, столько-то на подрясник».

«В наше время все люди больные *(на голову)*, только статьи разные».

«Все расслабленные. А основное – иметь бодрость духа. Дух мира сего проник за монастырские стены. Не остается места для Духа Божия. Но надо сохранять в себе бодрость духа. Конечно, немощ физическая. Но надо как офицеры в армии. Русь, Россия крепка Духом. Люди до нас жили силь-

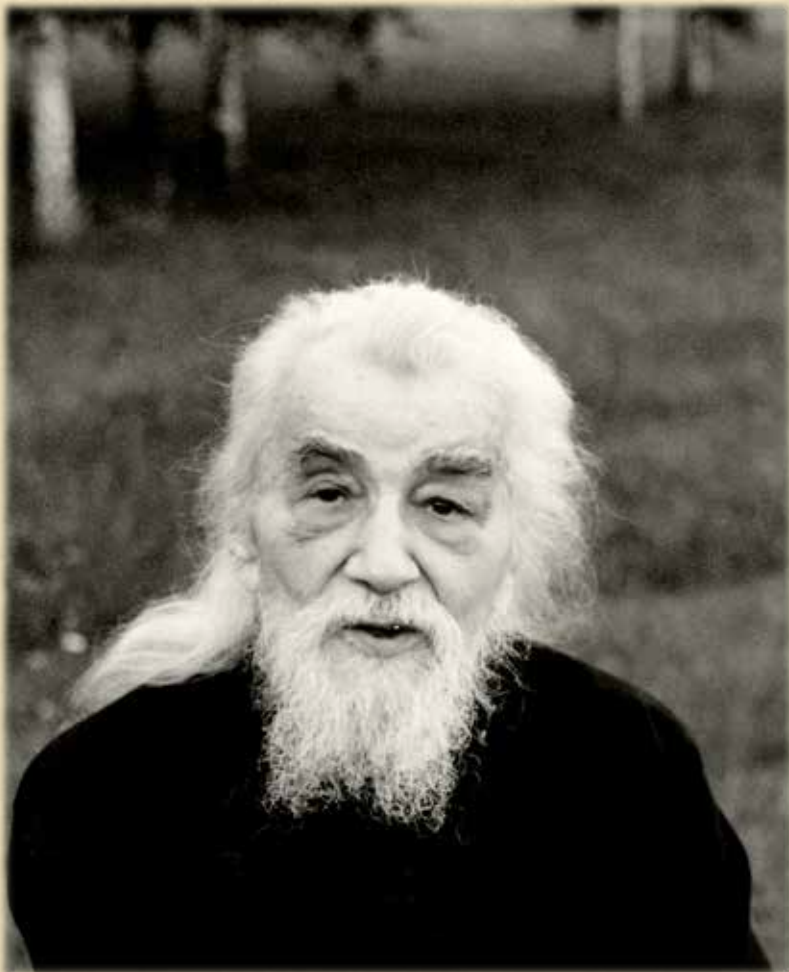
ные духом. А я держу их на руках и вдуваю, а потом благословляю крестом вот так». *(Батюшка твердой рукой в воздухе размахисто провел большой крест.)*

За все эти 16 лет я писала батюшке только один раз, стеснялась. Ответ начинался словами: «Дорогая моя Надежда! А знаете ли Вы, что с креста-то не сходят, с креста снимают». И по милости Божией и по батюшкиным молитвам Господь снял меня с того креста, о котором я писала в письме.

Как-то батюшке через меня передали посылку. Прямо на коробочке было написано, что это для отца Иоанна, и никакой другой записки. Батюшка посылочке был очень рад и сказал: «Надо поблагодарить. Ну, мы, конечно, кусочек бумажки найдем», показывая пример, что нельзя проявлять небрежность, надо быть предельно внимательным всегда и во всем.

В 1994 или 1995 году один наш выпускник-эстонец помог батюшке через свое посольство получить в Москве визу в Эстонию, где батюшка ежегодно проводил летние месяцы. Вот ответ отца Иоанна: «Сердечно благодарю за заботу Вашу, ведь у нас уже близок срок *(отъезда на отдых)*, и теперь сердце спокойно и радостно. Посылаем для Вас и для благодетеля нашего эстонца, о котором молимся теперь, две коробки *(конфет)*. Одну Вам, а другую ему с благодарностью. Поблагодарите его от нас». Для батюшки не имело никакого значения, какой человек национальности, какого вероисповедания. Его любовь обымала собою всех без исключения. Наверное, так любит людей Бог.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). 2003 г.

Полюбите Любовь!

*Полюбите! И вы будете радоваться
с другими и за других.*

*Полюбите ближнего! И вы полюбите
Христа. Полюбите обидчика и врага!
И двери радости распахнутся для вас,
и Воскресший Христос встретит вашу
воскресшую в любви душу.*

*Вот и все! Так мало ждет
от нас Господь! В этом - наш рай!
Это - наше Воскресение! Полюбите
Любовь и живы будете Воскресшим
в страданиях Любви Спасителем!*

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

**Полюбите Любовь.
Воспоминания о духовном отце –
архимандрите Иоанне
(Крестьянкине)**

Формат 60х90/16

Гарнитура PetersburgC

Отпечатано в типографии ООО «ЛД-Принт»
Санкт-Петербург, Колпинский район, пос. Саперный,
территория предприятия «Балтика», д. б/н, лит. Ф.
Тираж 3 000 экз.